

Юзеф Мацкевич

КАТЫНЬ

«Заря»

Юзеф Мацкевич

КАТЫНЬ

**Перевод с польского
Сергея Крыжицкого**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"

Лондон, Канада

1988

JÓZEF MACKIEWICZ
KATYN'

Translated from Polish by
S.P. KRYZYTSKI

ISBN 0-920100-22-8

Copyright © Józef Mackiewicz Estate, 1988

ZARIA PUBLISHING INC.
73 Biscay Road
LONDON, CANADA
N6H 3K8

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

За вашу и нашу свободу!

”Катынь” — страшная книга. В истории человечества было много страшных преступлений, и о них написано много книг и исторических исследований. Преступление, известное под именем ”Катынь”, не самое крупное в истории по количеству убитых и не самое жестокое по методам уничтожения невинных жертв. Тем не менее, это преступление занимает одно из первых мест в списке чудовищных злодеяний нашего времени.

Тысячи людей, поверивших противнику, сдавшихся на милость победителя, защищенных всевозможными международными соглашениями и конвенциями, были убиты. Убиты не в разгаре военных действий, а систематически, по плану, детально и тщательно разработанному, с соблюдением многих профессионально продуманных предосторожностей. Каждое убийство такого рода ужасно по-своему, но в данном случае имела место гибель не случайной группы, злополучно попавшей в руки преступников, а уничтожение классово отобранного, и потому по-марксистски обреченного ”цвета нации”. К синодику жертв коммунизма, открытому уничтожением цвета русской нации, прибавилась польская трагедия, а потом и другие, связанные между собой общностью преследовавшейся цели и применяемых методов.

Трагедия ”Катыни” не кончается совершением преступления. Она продолжается и усугубляется тем, что преступники сваливают вину на других убийц и негодяев, своих недавних союзников и партнеров по разгрому и разделу Польши. А свободный мир не решается уличить виновников и всеми си-

лами старается сохранить с ними добрососедские отношения.

Не за горами 50-летие "Катыни". В печати мелькают заявления то польских, то советских вождей о том, что в истории не должно быть "белых пятен". Но история данного преступления и по сей день остается в коммунистическом мире именно таким "белым пятном". В русской зарубежной печати было опубликовано много материалов об убийстве польских офицеров, но перевод краеугольного труда Ю. Мацкевича, побывавшего в Катыни и присутствовавшего при раскопке братских могил, печатается впервые.

Когда наше издательство сообщило о желании опубликовать "Катынь", Ю. Мацкевич с радостью отозвался, но смерть прервала деятельность этого выдающегося польского писателя и патриота незадолго до того, как началась работа над переводом его книги с польского на русский. Во вступительном слове переводчика отмечены люди, оказавшие большое содействие на разных стадиях перевода, редактирования и издания этого исследования. Всем им — глубокая благодарность. Но главная заслуга в выпуске этой книги принадлежит Сергею Павловичу Крыжицкому, который самоотверженно выполнил огромную работу, связанную не только с переводом, но и с поисками первоисточников, что дало возможность пользоваться текстом документов и цитат, взятым непосредственно из оригиналов. Только жертвенный труд С. П. Крыжицкого обеспечил выход в свет этого издания.

* * *

Те, кто в наши дни старается отмежеваться от сталинизма, обязаны в первую очередь полностью и до конца заполнить все "белые пятна" истории... расследовать, описать, осудить и заклеить все преступления власти, режима, партии, совершенные на живом теле народов России и других народов. Те, кто продолжает скрывать правду, становятся (или остаются) соучастниками этих преступлений.

Склоняя головы перед памятью безвинно казненных польских офицеров, цвета братского нам польского народа, мы тем самым чтим память миллионов сынов русского народа : офицеров, священников, интеллигенции, казачества, крестьян.

янства, уничтоженных на заре советской власти и в последующие десятилетия.

Кто составит списки этих мучеников? Кто отыщет и перечислит все могилы, в которых лежит цвет русской нации?

О Т П Е Р Е В О Д Ч И К А

Работая над переводом этой книги, я соприкоснулся с некоторыми техническими трудностями. Оригиналы большинства документов, цитируемых автором, были написаны по-русски. Во избежание обратного перевода, мне пришлось приложить немало усилий для разыскания оригинальных публикаций, что стало возможным благодаря богатству архивов славянских отделов некоторых американских библиотек и неоценимой помощи д-ра Мацея Секерского, куратора Советской и восточно-европейской коллекции книг и документов Института Гувера в Калифорнии.

Приношу глубокую благодарность Наталии Горбаневской (Париж) и Иосифу Косинскому (Нью-Йорк) за тщательную и профессиональную редакцию перевода, а также моей жене, Галине Викторовне, за чтение корректуры.

Я особенно признателен душеприказчице литературного наследия Иосифа Антоновича Мацкевича (он просил меня так обращаться к нему по-русски) — Нине Карсовой (Лондон) за предоставление все еще ненапечатанной по-польски данной версии текста "Катыни", за присылку многочисленных фотографий, книг, статей, справок и пр. Есть хорошее старопольское выражение: "Bóg zapłać!" Спасибо ей за все!

С. К.

Ю. А. МАЦКЕВИЧ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА К ПРЕСТУПЛЕНИЮ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Глава 1. Величайший заговор против мира во всем мире	2
Глава 2. Предательское нападение Советского Союза	8
Глава 3. Как маршал Тимошенко и генерал Шапошников обманули генерала Лангнера	19
Глава 4. Пятнадцать тысяч военнопленных исчезают без следа	27
Глава 5. Тревога охватывает семьи военнопленных	42
Глава 6. Первое подтверждение мрачных догадок	46
Глава 7. Июнь 1941 года	54
Глава 8. По запутанным следам преступления	63
Глава 9. Сенсационное сообщение немецкого радио	81
Глава 10. Почему международный Красный Крест не предпринял расследования Катынского злодеяния?	88
Глава 11. Голоса мертвых	99
Глава 12. Международная комиссия экспертов: ее заключение и закулисная сторона	102
Глава 13. Борьба за третий вопрос	110
Глава 14. Мои Катынские открытия	121
Глава 15. Перед лицом нового преступления	145
Глава 16. Дела, о которых не говорится вслух	151
Глава 17. Исповедь Ивана Кривозерцева	157
Глава 18. Где убили остальных польских военнопленных?	172

Часть вторая. ЛОЖЬ СОВЕТСКОГО СООБЩЕНИЯ

Нота Советского правительства правительству США	179
Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистски- ми захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров	181
Установление фальсификации	226

Часть третья. ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Великобритания отказывается выступить с декларацией по вопросу о польско-советских отношениях	250
2. Агрессивный характер советских военных действий в Польше по московским источникам	250
3. Польские военнослужащие в советском плену	251
4. Таблица этапов из Козельска (апрель—май 1940 г.)	255
5. Несколько слов о некоторых из погибших	256
6. Протокол допроса свидетеля	260
7. Рапорт ротмистра Чапского о встречах с генералом Наседкиным, генералом Райхманом и начальником управления НКВД Бзыровым	261
8. А. Польский меморандум от 19 мая 1942 года	265
Б. Польская нота от 13 июня 1942 года	266
9. Коммюнике польского министра национальной обороты	266
10. Телеграмма немецкого Красного Креста в Женеву	269
11. Пресса о разрыве польско-советских отношений	269
12. Отчет Комиссии экспертов	272
13. Польский Красный Крест в Катynie	276
14. Заключительный рапорт немецкой полиции от 10 июня 1943	277
15. Отчет профессора медицины доктора Бутца	281
16. Еще раз о советских свидетелях	296
ПОСЛЕСЛОВИЕ	298
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	305
ИЛЛЮСТРАЦИИ	312

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА
К ПРЕСТУПЛЕНИЮ БЕЗ НАКАЗАНИЯ**

Глава 1

ВЕЛИЧАЙШИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

В конце лета и осенью 1939 года в той части земного шара, где началась Вторая мировая война, стояла исключительно теплая и ровная погода. В эту пору в Польше все предметы на земле и даже далекий горизонт равнинного края приобретают особую остроту очертаний. Видимость с воздуха великолепная и тот, кто летит на самолете, видит под собой четко нарисованную карту, на которой только с трудом можно скрыть военные объекты. Тому, кто собирается вести войну, нельзя и мечтать о лучших условиях.

Тот факт, что Адольф Гитлер готовился к войне, не подлежит сегодня никакому сомнению, а все условия, включая атмосферные, благоприятствовали ему и укрепляли его в этом намерении. Ему оставалось рассмотреть единственную деталь: за восточными границами Польши, нападение на которую уже было разработано до мельчайших подробностей немецким генеральным штабом, лежит Союз Советских Социалистических Республик. Хотя боевая сила этой державы обычно оценивалась невысоко, однако ее роль в мире, тоталитарный строй, природные ресурсы, неизмеримые пространства и пр. создавали проблему, которая в любом, даже наилучшим образом рассчитанном, военном плане оставалась великим неизвестным. Так как отношение Советского Союза к Германии (особенно в период оккупации Чехословакии) и Германии к Советскому Союзу было скорее враждебным, то вступление в войну ставило Гитлера перед альтернативой, противоречившей его основной концепции блицкрига, и угрожало ему войной на два фронта, чего Гитлер любой ценой хотел избежать — возможно, даже ценой отказа от своих дальнейших военно-имперских замыслов.

Таким образом, несмотря на величайшее военное напряжение, переживаемое Европой, создалась политическая

обстановка, в которой вопрос: война или мир? — зависел не только от злой или доброй воли Гитлера, диктатора Германии, но и от злой или доброй воли Сталина, диктатора Советского Союза. В конечном же итоге — от того, на чью сторону станет Сталин.

Западные державы таким же образом оценивали положение. Великобритания и Франция послали в Москву своих делегатов, с намерением перетянуть Советский Союз на свою сторону. Учитывая закоренелую неприязнь, которую СССР питал к Германии, казалось, что эти делегации не встретятся с серьезными трудностями, и некоторые считали это дело предрешенным. Но Советский Союз запросил слишком высокую цену. Переговоры затянулись. И вдруг...

Николай Иванович Кудинов, майор Красной армии, попавший в немецкий плен в 1942 году, после войны написавший воспоминания под заглавием "Почему я не хочу вернуться в Советский Союз", так рисует день 24 августа 1939 года:

Я стоял со своим полком в гарнизоне города Калинин, когда 24 августа в газетах появилось сообщение о срыве переговоров с союзными миссиями и о прибытии в Москву господина фон Риббентропа. Такое сообщение могло бы показаться фантастическим, не будь оно напечатано на первой странице "Известий". Мы ведь годами читали все только самое плохое по отношению к гитлеровской Германии. Несколько офицеров, держа в руках газету, разрешило себе вопросительно поднять брови, но не помню, чтобы кто-нибудь из них проронил хоть одно слово. Ведь советский гражданин не имеет привычки комментировать в частных разговорах постановления своего правительства. Комментарии к политическим событиям читаются, чаще всего, на следующий день в той же газете, и тогда все должно стать ясным. В застывшей жидкости сточной канавы отражалась ничем невозмутимая голубизна неба. На площади, перед одной из бывших церквей, переделанной на здание кинотеатра, мой приятель из другого батальона, хлопнув рукой по газете, сказал: "Любопытно-о-о?!"

Между Советским Союзом, родиной трудящихся масс, и национал-социалистическим государством Гитлера был подписан пакт о ненападении на срок 25 лет. Одновременно мы узнали из комментариев о том, что "плутократы Англии и Франции" — враги мира и общественного порядка в мире.

Однако не только советские граждане, выдрессированные психическим террором, но, казалось, и вся Европа в первые минуты застыла в изумлении, узнав о том, что 23 августа 1939 года подписан договор между Советским Союзом и Гитлером. Этот сногсшибательный сюрприз был приготовлен в такой тайне, что его не ожидали ни делегаты западных держав, находившиеся в Москве, ни посол Его Королевского Величества сэр Вильям Сидс. На следующий день он пытался, как принято у англичан, спасти положение флегматичной шуткой:

— Господа, нечего огорчаться. Я уверен, что господин Молотов по рассеянности просто перепутал папки своего министерского архива.

Но сэр Вильям Сидс ошибался. И хотя пресловутое английское чувство юмора порой оказывает влияние на ход исторических событий, но на этот раз оно не смогло предотвратить ужасную катастрофу.

Вскоре стало известно, что посол Великобритании уже три недели безуспешно добивался аудиенции у господина Молотова, которому было некогда, так как именно в эти дни он вел крайне конфиденциальные и дружеские беседы с министром Риббентропом, который тайно прибыл в Москву на самолете, пролетев ночью над территорией Литвы и Латвии.

* * *

Далеким может казаться путь от 1890 года, когда у приказчика мануфактурной лавки Михаила Скрябина родился сын Вячеслав, до чудовищного убийства польских офицеров, тела которых были обнаружены в Катыни, но жизнь учит нас, что цепочка причинных связей никогда не прерывается.

Вячеслав Михайлович Скрябин, принявший в 1914 году псевдоним Молотов, с самого детства отличался скрупулезностью и методичностью. Он всегда знал наперед, к чему стремился, и не принадлежал к людям, которые по рассеянности путают папки. Однако в его жизни произошел случай, который, как утверждают некоторые, непосредственно

повлиял на последующие события. Итак, революционер Молотов знакомится в Одессе с элегантной и очень зажиточной еврейкой Полиной Карп. Женщина эта умела пленять и блистать в любом обществе: и среди своих богатых родственников, и на конспиративных сходках революционеров, в которых участвовал молодой Молотов. Они поженились. Полина стала не только опорой и спутницей своего мужа, но и вдохновительницей его, впрочем не опасной в условиях царского времени, революционной карьеры. Превращение России в государство диктатуры пролетариата ввело эту изысканную женщину в среду самой высокой партийной иерархии. Она возглавила парфюмерный грест, что вполне отвечало ее эстетическим вкусам.

Когда за три месяца до начала Второй мировой войны, сельчака Литвинова, изнеженного под влиянием американского либерализма, освободили от должности наркома иностранных дел СССР и на его место назначили упрямого Вячеслава Михайловича, госпожа Молотова открыла в Москве уже не косметический, а дипломатический салон. В этом салоне она укрепила за собой репутацию решительной противницы "гнилой западной плутократии" и энтузиастки политики жесткости и беспощадного выбора средств. Такой-то и должна быть правоверная коммунистка.

Запутанными, непредсказуемыми судьбами именно в салоне еврейки Полины Карп-Молотовой дошло до дружбы, а затем и до договора и сотрудничества между гитлеровской Германией и Советским Союзом, и был затеян величайший в истории нашего времени заговор, который в результате стоил жизни миллионам евреев и прямо привел к ужаснейшему преступлению, загадку которого я постараюсь разрешить в этой книге.

Министра иностранных дел Третьего Немецкого Рейха фон Риббентропа принимают в Москве с нарочитой помпезностью. В прессе появляются восторженные статьи и многочисленные снимки, на которых он обменивается сердечными рукопожатиями со Сталиным, Молотовым и другими советскими сановниками.

На чем же, однако, на какой взаимной реальной выгоде основывалась эта дружба, столь необходимая для агрессивных

планов Гитлера? Что предложил, чем заплатил Адольф Гитлер за дружественный нейтралитет Советского Союза в готовящемся нападении на Польшу и за извлечение огромной экономической, политической и военной выгоды, которая затем облегчила ему ведение войны с Англией и Францией? Договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года, составленный в стереотипной форме, предусмотренной для такого рода дипломатических актов, нам ничего не говорит. Но ответ не заставил себя долго ждать. Оказалось, что, намереваясь напасть на Польшу, Гитлер вовсе не покупал нейтралитет — он заключил сделку, целью которой было совместное нападение на ряд стран Восточной Европы, тянувшихся от Ледовитого океана до Черного моря, и раздел добычи по заранее составленному плану.

Одновременно с официальным договором был подписан следующий документ.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За Правительство Германии

И. Риббентроп

Полномочный представитель
Правительства СССР

В. Молотов*

(К этому секретному протоколу присоединено несколько десятков карт Польши и Прибалтийских государств, с точным разграничением сфер влияния, установленных контрагентами.)

Этот лаконичный, секретный, тогда еще никому неизвестный документ создал исходную базу для агрессии двух диктаторов и стал началом Второй мировой войны.

* * *

В то время никого на свете не интересовал сосновый лесок, расположенный на возвышенности, над обрывистым берегом Днепра, называвшийся Козьи Горы и входивший в Катынский лесной комплекс неподалеку от Смоленска. Каким же несоразмерно ничтожным был случай с Марфой, девушкой из деревни Новые Батёки. Когда она, собирая грибы, приподняла колючую проволоку, окружавшую Козьи Горы, на нее набросился охранник, а потом прибежала огромная

* Перевод с немецкого Ю. Фельштинского. См. "СССР – ГЕРМАНИЯ – 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле-сентябре 1939 г." Составитель Ю. Фельштинский, редактор А. Серебренников. 1983 г. Стр. 62, 64. Copyright © 1983 by Telex.

собака. А ведь ей следовало знать то, о чем знали все в округе: вход на эту территорию запретил НКВД, так как здесь расстреливали людей, подозреваемых во враждебном отношении к большевистскому режиму.

Г л а в а 2

ПРЕДАТЕЛЬСКОЕ НАПАДЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

От погранных договоров к обману беззащитных
военнопленных

Война, начавшаяся 1 сентября 1939 года нападением Гитлера на Польшу, длилась уже больше двух недель. В это время Польша в одиночку отражала всю военную машину Германии, огромность мощи которой никто не предвидел. Западные союзники, укрывшись за линией Мажино, не двинулись оборонять Польшу, ограничившись пока чисто официальным объявлением войны да сбрасыванием листовок над Германией. Позднейший опыт показал, что нельзя было ожидать, чтобы Польша одна отразила натиск немецких армий. Но она продолжала держаться, хотя и из последних сил.

Наступила ночь с 16 на 17 сентября. Несмотря на то, что Москва — одна из самых больших европейских столиц, ей неведома ночная жизнь западных городов. Москва спала. Спала, как могла, как этому научилась со времен ее большевизации, то есть неудобно, в тесноте, одним ухом — к подушке, другим, настороженным — к малейшему шороху с лестницы, на которой в любую минуту могли раздаваться шаги энкаведистов. По-обычному горели голые лампочки в кабинетах народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Ничего об этом не знал польский посол Гжибовский. Склонившись над радиоприемником, он перед сном старался поймать последние известия с фронта. В эту минуту резко зазвонил телефон.

— Алло.

— Народный комиссариат иностранных дел просит вас, господин посол, немедленно явиться.

Посол взглянул на часы. Был час ночи. Без единого слова он положил трубку.

Когда посол прибыл в здание наркоминдела, Молотов, стоя и не предложив ему сесть, зачитал ноту. Уже первые слова как громом поразили посла. На мгновение кабинет и светлые пятна ламп поплыли у него в глазах. Одной рукой он оперся на спинку кресла, другой прикрыл глаза. Потом рассказывали, что он плакал. Это неправда — просто свет лампочек на какие-то мгновения стал невыносимо колким. Но минутная слабость прошла. Посол Гжибовский, бледный, выпрямившись, дождался конца читаемого текста, не слыша его, но в то же время хорошо понимая. Речь шла о гибели его родины...

Через несколько минут после этого московское радио передает на весь мир о совершившемся факте: Советский Союз в сообщничестве с Гитлером приняли решение о разделе Польши, уничтожая ее независимость. В своей ноте и позднейшей речи Молотов заявил, что польское государство перестало существовать, что Красная армия получила приказ перейти польскую границу, чтобы протянуть братскую руку Западной Белоруссии и Западной Украине.

Это и была братская рука, только протянутая Гитлеру. Еще в августе, в вышеупомянутом салоне Полины Молотовой, урожденной Карп, все было обсуждено с фон Риббентропом. И линия последовавшего раздела Польши вошла в историю под названием "линии Риббентропа-Молотова".

Но, когда стрелка часов приближалась к половине третьего ночи 17 сентября, мир не знал этих подробностей, не мог их знать и посол Гжибовский. Когда в кабинете наркоминдела наступило минутное молчание, нарушаемое лишь сдавленным дыханием возбужденных людей, посол Гжибовский, чувствуя комок в пересохшем горле, знал только одно: Советский Союз решил нанести Польше, сражающейся с Гитлером, удар в спину. Собрав всю силу воли, он заявил:

— Я протестую и отказываюсь принять ноту к сведению.

Вернувшись к себе и преодолев первое ошеломление,

он наконец постиг всю безмерность предательства и попрания элементарных статей всех договоров, связывавших Советский Союз с Польской Речью Посполитой, и сразу же взялся за составление официальной ноты протеста.

Но раньше, чем утренняя заря коснулась вершук кремлевских башен, в 4 часа 20 минут утра, точно в то же самое время, в которое семнадцать дней назад войска Гитлера перешли польскую границу с запада, Красная армия пересекла границы Польши с востока. Гусеницы нескольких танковых бригад, подковы кавалерии, механизированные корпуса, за которыми следовало несколько десятков пехотных дивизий, топтали и рвали в клочья следующие договоры и советские обязательства по отношению к Польше:

1. Мирный договор, подписанный в Риге 18 марта 1921 года, вместе с точной демаркацией восточных границ Польши. (Границы были признаны 15 марта 1923 г. союзными государствами – решением Посольской конференции по выполнению ст. 87 Версальского договора. Признаны Соединенными Штатами 5 апреля 1923 г.)

2. Договор от 9 февраля 1929 г., заключенный между Польшей, СССР, прибалтийскими государствами и Румынией.

3. Договор о ненападении между Польшей и СССР, подписанный 25 июля 1932 года.

4. Протокол от 5 мая 1934 г., пролонгирующий Договор о ненападении до 31 декабря 1945 года.

5. Конвенцию об определении агрессии, подписанную в Лондоне 3 июля 1933 года.

6. Все обязательства, вытекающие из ряда международных соглашений и договоров.

В тот же самый трагический день послы Польши в Париже, Вашингтоне и Лондоне огласили коммюнике. Коммюнике посла Рачинского в Лондоне заканчивалось так:

Актом прямой агрессии, совершенным сегодня утром, советское правительство явно нарушило договор... и т. д. (следует перечисление)...

В силу конвенции, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 го-

да, Советский Союз и Польша согласились на определение агрессии, согласно которому актом агрессии считается любое вторжение на территорию одной из сторон вооруженных воинских частей другой стороны. Было достигнуто также соглашение относительно того, что никакие соображения политического, военного, экономического и иного характера ни в коем случае не могут служить предлогом или оправданием акта агрессии.

Итак, совершив сегодня акт агрессии, советское правительство само поставило себя в положение нарушителя принятых им международных обязательств, вопреки всем моральным принципам, на которые Советский Союз намеревался опирать свою внешнюю политику с момента принятия его в Лигу Наций.

Известие о коварном нападении и о нарушении стольких договоров и обязательств произвело в Европе удручающее впечатление, которое вскоре перешло в волну негодования. К британскому послу, аккредитованному при одном из государств Восточной Европы, явился журналист с просьбой разъяснить точку зрения Англии на открытое выступление Советского Союза на стороне гитлеровской Германии. Журналист не говорил по-английски, но посол знал и дореволюционную и большевистскую Россию и прекрасно владел русским языком, который был понятен и журналисту. А будучи человеком импульсивным, посол воскликнул по-русски:

— Только покончим с одним, примемся за другую сволочь!

Это восклицание наглядно иллюстрирует тогдашние рефлексы возмущения, но, как оказалось позже, британский посол не вполне разбирался в намерениях и точке зрения своего правительства...

Многие ожидали какого-то решительного шага со стороны Великобритании: ведь она совсем недавно заключила с Польшей договор о взаимопомощи в случае нарушения суверенитета одного из этих государств третьим государством и выступила в защиту Польши против Германии. Почему же она не выполняет дальше своих обязательств и не защищает Польшу от Советского Союза? Почему она не выступит хотя бы с торжественным заявлением или с каким-либо иным

дипломатическим актом? Подобные вопросы задавал себе рядовой европеец, а ответом было: молчание.

Только с течением времени выяснилось, что Англия никогда не теряла надежды перетянуть на свою сторону Советский Союз, и на то, чтобы оторвать его от союза с Германией, а не защищать Польшу от советского вторжения, — были направлены ее усилия. Позже оказалось, что еще в 1939 году, заключая договор с Польшей о взаимопомощи, Англия присоединила к нему секретный протокол, исключающий защиту Польши от любой другой агрессии, кроме нападения со стороны Германии. Тем самым, договор 1939 года не обязывал Англию защищать Польшу от Советского Союза. Потому-то Англия и не сделала никакого декларативного шага (см. Приложение 1). Позже окажется, что эта политическая линия крайне затруднит разгадку исчезновения польских военнопленных и окончательное разъяснение катынского преступления...

Тем временем уже назревают первые конкретные обстоятельства, сужается круг, накапливается сплетение причинных связей, и всего полгода отделяет нас от того момента, когда не станет ни слуху, ни духу о судьбе 15 тысяч польских военнопленных, захваченных Красной армией. А попали они в плен в результате общей немецко-советской операции против Польши.

Между Берлином и Москвой происходит новый обмен визитами, сердечными рукопожатиями, поздравительными телеграммами.* 22 сентября подписано германо-советское

* На заседании Совета народных комиссаров 31 октября 1939 г. Молотов заявил:

“В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как “уничтожение гитлеризма”. Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде “идеологической войны”, напоминающей старые религиозные войны... Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую

соглашение о границе, которое установило раздел Польши по среднему течению Вислы. Однако эта демаркационная линия была временной. Окончательное определение "линии Риббентропа-Молотова" произойдет через неделю, согласно договору от 28 сентября 1939 года. Этот договор касался, впрочем, не только Польши и, кроме официального текста, включал

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявляют о соглашении Правительства Германии и Правительства СССР в следующем:

Секретный дополнительный протокол, подписанный 23 августа 1939 года, должен быть исправлен в пункте 1, отражая тот факт, что территория Литовского государства отошла в сферу влияния СССР, в то время когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу влияния Германии (см. карту, приложенную к Договору о дружбе и границе, подписанную сегодня). Как только Правительство СССР примет специальные меры на Литовской территории для защиты своих интересов, настоящая Германо-Литовская граница, с целью установления естественного и простого пограничного описания, должна быть исправлена таким образом, чтобы Литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии.

Далее заявляется, что ныне действующее экономическое соглашение между Германией и Литвой не будет затронуто указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За правительство Германии

И. Риббентроп

Полномочный представитель
Правительства СССР

В. Молотов*

войну, как "война за уничтожение гитлеризма", прикрываясь фальшивым флагом борьбы за "демократию"...". См. "СССР – Германия – 1939". Стр. 117–118.

* Там же, стр. 109–110. Перевод с немецкого Ю. Фельштинского.

Таким образом был произведен раздел не только Польши, но и Литвы, что уже поразительно напоминало разделы в XVIII веке, касавшиеся этих обеих стран.

* * *

Но вернемся к событиям, которые начались 17 сентября 1939 года. Советские войска вторглись на польскую территорию, распуская вначале ложные слухи среди населения, что они, якобы, идут на помощь Польше в ее борьбе с немцами. Во многих районах, где связь с центром была прервана, польские воинские части были дезориентированы и поддались обману. Однако в большинстве случаев отдельные воинские соединения оказывали сопротивление яростное, но безнадежное — у Советов был огромный перевес сил. Тем не менее, не взирая на поведение тех или иных польских частей, всех оставшихся в живых ждала одна и та же участь: п л е н.

В то же время Красная армия совершила ряд насилий, убийств, грабежей и других беззаконий, как по отношению к захваченным в плен частям, так и по отношению к гражданскому населению.

Первой жертвой советской агрессии стал, конечно, КОП /Корпус пограничной охраны/. Солдат и офицеров либо убивали на месте, либо брали в плен и отправляли в глубь Советского Союза. Многие из тех, кто пережил эти события, а потом сумел бежать, избежать плена или каким-нибудь иным способом выбраться на Запад в формирующиеся там польские части, дали обширные показания. Собранные в целом, пронумерованные, каталогизированные, они сегодня представляют собой огромный архив, тщательно хранящийся вне границ нынешней Польши, уже окончательно захваченной Советским Союзом. Я привожу несколько выдержек из этого архива.

Один из солдат КОПа (№5573 по картотеке) рассказывает:

Когда нас взяли в плен, нам приказали поднять руки вверх и так гнали нас бегом два километра. При обыске нас догола раздели, хватая все, представляющее собой какую-либо ценность.

После обыска нас выстроили шеренгами по четыре, допросили, записали анкетные данные, причем не обошлось без оскорблений и ругани, после чего погнали за 30 км, без отдыха и воды. Кто был слабее и не попевал, получал удар прикладом, падал на землю, и, если не мог встать, его прикалывали штыком. Я видел четыре таких случая. Точно помню, что капитана Кшеминского из Варшавы несколько раз пихнули штыком, а когда он свалился, другой советский солдат выстрелил ему два раза в голову.

Стоило Красной армии встретить сопротивление польской армии или гражданского населения, как она учиняла расправу, и нередко зверскую. В Гродно были перебиты 130 учеников и прапорщиков, защищавших город. Одного из учеников привязали за ноги к танку и протащили по мостовой. Вблизи Гродно, возле местечка Сопоцкине, были убиты командующий округом III Корпуса генерал Вильчинский и сопровождающие его офицеры. Вблизи Августова было убито 20 полицейских. Особенно многочисленные акты террора и убийства были совершены близ Волковыска, Свислочи, Ошмян и Молодечна. Вот дословный текст одного из протоколов:

Составлен 24 апреля 1943 г. в канцелярии "Ofic. Inf. O. C. 2" со слов J... L... (следуют анкетные данные), который был предупрежден об уголовной ответственности за ложные показания.

В конце сентября 1939 г. часть польской армии вступила в бой с советским подразделением в окрестности Вильнс. Большевики послали парламентаров с предложением сложить оружие, гарантируя взамен свободу и возвращение по домам. Командир польской части поверил этим заверениям и приказал сложить оружие. Весь отряд сразу окружили, и началась ликвидация офицеров. Пользуясь замешательством, прапорщик Е. смог убежать. Я лично его знаю. Он очевидец и может подтвердить мои показания.

В окрестностях Оран произошли кровавые схватки. В Полесье погибло в боях 150 офицеров, а 120 взятых в плен, были частично расстреляны на месте, частично вывезены, несмотря на то, что им была обещана свобода.

Более серьезные столкновения произошли под Ковелем.

В Брестской крепости, взятой немцами, продолжал защищаться один из фортов — его обстреливала и советская, и немецкая артиллерия.

Ужасающие сцены разоружения и издевательств разыгрались в Ходорове, Новогрудке, Сарнах, Косове-Полесском, Рогатине и Тарнополе. Один из наблюдателей пишет:

Я сам был свидетелем взятия Тарнополя. Я видел, как советские солдаты охотились на польских офицеров. Например, один из двух проходящих мимо меня солдат, оставив своего товарища, бросился в противоположном направлении, а на вопрос, куда спешит, ответил: "Сейчас вернусь, только убью того буржуя", — и указал на человека в офицерской шинели без знаков различия.

О том, что творилось в Рогатине (Станиславское воеводство), даны следующие показания:

Советские войска вошли около четырех часов дня и сразу приступили к жестокой резне и зверским издевательствам над жертвами. Убивали не только полицейских и военных, но и так называемых "буржуев", в том числе женщин и детей. Тем военным, которые избежали смерти и которых только разоружили, было приказано лечь на мокром лугу за городом. Там лежало около 800 человек. Пулеметы были установлены таким образом, что могли стрелять низко над землей. Кто поднимал голову, погибал. Так продержали их всю ночь. На следующий день их погнали в Станиславов, а оттуда в глубь Советской России.

Командующим советской армией (так называемым "Украинским фронтом"), оперировавшей в Польше, был маршал Тимошенко, чье имя гремело в начале советско-германской войны, а потом исчезло со страниц газет. После перехода польской границы в 1939 году, он обратился к польским солдатам с воззванием на польском языке:

СОЛДАТЫ!

В течение последних дней польская армия окончательно разгромлена. Солдаты в городах Тарнополь, Галич, Ровно, Дубно

в числе свыше 6000 добровольно перешли на нашу сторону. Солдаты, что вам остается? За что вы воюете? Ради чего рискуете жизнью? Офицеры гонят вас на бессмысленную бойню. Они ненавидят вас и ваши семьи. Это они расстреляли ваших делегатов, которых вы послали с предложением о капитуляции. Не верьте своим офицерам. Офицеры и генералы – ваши враги, они хотят вашей смерти!

Солдаты – бейте офицеров и генералов! Не подчиняйтесь приказам ваших офицеров. Гоните их с вашей земли. Смело приходите к нам, к вашим братьям, к Красной армии. Здесь вы найдете заботу и уважение.

Помните, что только Красная армия освободит польский народ от злополучной войны и вы получите возможность начать новую жизнь.

Верьте нам: Красная армия Советского Союза – это единственный ваш друг.

Подписано: С. Тимошенко. Командующий Украинским фронтом

Это воззвание, хотя в нем и содержалась заведомая ложь о мнимой солдатской делегации, которая потом якобы была расстреляна офицерами, не произвело никакого впечатления на польских солдат, которые до конца сохранили доброжелательное отношение к своим офицерам.

Но польская армия, попав под двойной советско-немецкий огонь, потерпела поражение.

Какое число ее солдат и офицеров было при этом взято в советский плен?

* * *

Прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно переключиться в другую область, которая, на первый взгляд, не имеет ничего общего с военными действиями. А именно: в область советского образа мышления и советских методов, столь отличающихся от общепринятых в остальном мире. У большевизма есть своя мораль и своя справедливость, проистекающие из особого мировоззрения и основанные на особой

логике. Обоснованием этой морали является не объективная оценка поступков, а только и исключительно субъективная выгода, которую они приносят целям партии, ее государству в лице Советского Союза и всему, что из этого следует. Поэтому выбор средств для достижения намеченной цели зависит только от их эффективности. Поэтому методы большевизма, применяемые им в любой сфере деятельности, совершенно беспощадны, беспощадны в дословном смысле. Это отступление необходимо для того, чтобы понять и до некоторой степени оправдать многообразие советских операций, в которые, наряду с насилием и произволом, в этот злополучный месяц войны входило и неслыханное, даже, казалось бы, неоправданное мошенничество.

В то же самое время, как распускалась версия о том, что Красная армия идет на помощь Польше в ее войне с Германией, в то же самое время, как шли террор и подавление местных очагов последнего, отчаянного сопротивления польских частей, происходила и третья операция: давались лживые обещания, даже под видом твердых гарантий, что как офицеры, так и солдаты, сложив оружие и зарегистрировавшись в советских военкоматах, смогут свободно выбирать: либо спокойно, отправиться по домам, либо перейти румынскую или венгерскую границу, чтобы соединиться с формирующейся за рубежом польской армией и продолжать войну с Германией.

Целью этой мошеннической операции было предотвратить возможность того, чтобы элемент, рассматриваемый большевистской доктриной как "классовый враг", а морально самый стойкий перед лицом завоевателя, рассеялся стихийно по стране, укрылся в ней и стал потом источником подпольного сопротивления. Иными словами, целью этой операции было удержать этот "классово враждебный" элемент на поверхности, собрать его, как пенку с молока, и, следуя большевистским принципам и методам, уничтожить.

Операция эта, с разными, но чаще успешными результатами, была одновременно начата во многих местах оккупированной страны. В крупных масштабах ее впервые провели во Львове.

Казалось, что сама природа, при виде стольких несправедливостей и бедствий, обрушившихся на одну страну, насупила брови. Почти одновременно с советским ударом с востока, небо покрылось тучами, ветер начал стремительно срывать листья с деревьев, а дожди — донимать как победителей, так и побежденных. 12 сентября немцы подошли под Львов и окружили его плотным кольцом, но город не сдался. Не сдался он и тогда, когда пришло трагическое известие о вероломном советском нападении, когда солдаты стояли в грязи, а кровь павших за родину растворялась в дождевых лужах.

Командующим обороной Львова был генерал Лангнер.

Г л а в а 3

КАК МАРШАЛ ТИМОШЕНКО И ГЕНЕРАЛ ШАПОШНИКОВ ОБМАНУЛИ ГЕНЕРАЛА ЛАНГНЕРА

Генерал Лангнер не сдал Львова немцам. Но когда с другой стороны, с востока, в помощь немецким войскам подошла советская армия, положение стало абсолютно безнадежным. С приходом большевиков немцы сразу сняли восточную часть кольца осады, а затем и полностью уступили инициативу Красной армии.

21 сентября 1939 г. было десятым днем осады. Без всяких надежд на успех защитников и ввиду полного развала в стране, дальнейшее сопротивление не имело никакого

* Автор ошибочно называет Тимошенко маршалом. Ген. Тимошенко был произведен в маршалы в 1940 году. /Примечание переводчика./

стратегического смысла. Защищались по привычке, из чувства солдатской чести. Как раз в полдень этого дня перед польскими линиями обороны забелел флаг советских парламентариев. Советские офицеры добродушно улыбались и давали понять, что, мол, вооруженное столкновение между польской и советской армией было исключительно результатом какого-то трагического недоразумения.

Во главе советской делегации прибыл личный представитель маршала Тимошенко, генерал Иванов, в сопровождении нескольких старших офицеров, и потребовал непосредственной встречи с командующим обороной Львова. Генерал Лангнер, в присутствии генерала Раковского, майора Явича и капитана Чихирина, начал переговоры, подчеркнув, что дальнейшее пролитие крови бессмысленно и что он готов капитулировать, но...

— Да, конечно! — подхватил генерал Иванов. — Я заранее знаю, что вы хотите сказать. Я уполномочен генералом Тимошенко, — тут он слегка наклонил голову, — передать вам, что условия капитуляции будут крайне мягкими и почетными.

— Что вы называете почетными?

— Я? Гм... А на каких вы настаиваете?

— Если вы хотите окончательного и конкретного ответа, то мы должны сначала посоветоваться.

— Не нужно. От имени генерала Тимошенко я вам предлагаю: все солдаты и офицеры, сложив оружие, будут свободны и смогут отправиться по домам или, если захотят, на румынскую или венгерскую границу, откуда уже могут своими силами пробираться во Францию, в новосформированную польскую армию. Скажу больше: желающим вернуться домой советская власть окажет всяческое содействие — предоставит транспорт и обеспечит продовольствием на дорогу.

О лучших условиях нельзя было и мечтать. Соглашение было подписано. Капитуляция должна была состояться завтра, 22 сентября, в 3 часа дня.

Когда генерал Лангнер проходил по коридору здания, где помещалось командование округом Львовского корпуса, в полутьме прозвучал чей-то придушенный голос:

— Генерал! Они не выполняют никаких условий. Они перебьют нас всех, как собак...

Генерал ничего не ответил. Может, он не слышал? В темном коридоре затихал стук его сапог вместе с легким позвякиванием шпор.

Наивность, легкоеверие? Неужели генерал не знал текста воззвания к польским солдатам того же Тимошенко, от имени которого говорил генерал Иванов? Нет, это воззвание не попало в осажденный Львов. Время было отмерено. Времени было мало. А завтра уже было слишком поздно.

Когда все польские офицеры, согласно приказу, сложили оружие в здании командования округом и были готовы походным порядком выступить из города по Лычаковской улице в направлении Винник, а оттуда двинуться к румынской границе — их неожиданно окружил кордон советских войск с винтовками наперевес и примкнутыми штыками.

— Ма-р-р-рш! — и погнали всех в сторону городской заставы.

— Что это значит!? — выразил свой протест генерал Лангнер генералу Иванову. — А где выполнение условий?

— Ах, не беспокойтесь! Условия будут выполнены до мельчайших подробностей. Это в интересах самих офицеров. Это для их безопасности. Во избежание недоразумений с нашими частями в дороге, разными бандами, время военное... Вы меня понимаете? Сначала, господа, пойдете в Тернополь, а оттуда, как решено: кто домой, кто за границу.

Тернополь.

Маленький городок в юго-восточной части Польши. Колючая проволока. Охрана. Со всеми офицерами обращаются как с военнопленными. Дурные предчувствия все глубже закрадываются в сердце, но никто еще не осмеливается сеять сомнения и пораженчество ни в глубине души, ни, тем более, вслух, среди товарищей. Разве мыслимо такое чудовищное предательство? И люди забывают о пережитом, о наглядных фактах, о договорах, попранных, разорванных в клочья, преданных забвению. Так уйдут в забвение листья, сегодня падающие тут и шуршащие под ногами. За зиму они сгниют, и весной их уже не будет. Люди обычно верят в то, во что им хочется верить.

24 и 25 сентября генерал Лангнер требует разъяснений, требует отпустить всех на свободу, требует разговора с самим Тимошенко. И действительно, Тимошенко подходит к телефону:

— Конечно, я знаю обо всем. Условия соглашения будут выполнены, гм... без сомнения... Но возникают некоторые обстоятельства... Ведь я тоже завишу от Москвы... Я постараюсь отправить вас, господин генерал, лично и непосредственно в Москву, хорошо?

— Очень прошу вас это сделать.

— Прекрасно.

Проходит следующий день и еще следующий. Третий ползет, как клоп по мокрой стене тюремного барака. Но вот — 28 сентября генерал Лангнер в сопровождении генерала Раковского и майора Явича садятся в самолет. Пропеллеры работают. Трава клонится от ветра и морщатся лужи дождевой воды.

Полет был длинным и утомительным. Бросало, тучи, плохая видимость. Наконец Москва. Та самая, которая... Эх, лучше не думать. Но путь польских офицеров не ведет в Москву. С аэродрома их везут в подмосковное Кунцево. Здесь отдельный дом, окруженный крепким забором. Своего рода "дача", а кругом охрана в форме НКВД, с наганами в кобурах.

Опять тянутся дни. Опять осенний дождь барабанит по стеклам, хотя настоящая осень только начинается. А там, на родине, тысячи военнопленных ждут решения своей судьбы. Но ждут ли еще? Что с ними? Не похожи ли эти переговоры на насмешку, ибо зачем такая задержка? Проходит один, другой, третий день тщетного ожидания. Наконец, на четвертый день подъезжает элегантный лимузин.

— Куда мы должны ехать?

— Генерал Шапошников просит к нему.

Генерал Шапошников, тот самый известный генерал, прославившийся в финскую войну, в будущем начальник генерального штаба, улыбается из-за письменного стола, встает, обходит его, вежливо здоровается и спрашивает:

— Курите? Пожалуйста. — Он предлагает папиросы лучшего сорта, такого, какой доступен сотой части процента

советских граждан. — Я как раз услышал, — говорит он, глядя тыльной стороной ладони выбритые щеки, — услышал, что вы прилетели. Чем могу быть полезен? — садясь поудобнее, он пускает дым и опирается локтем о ручку кресла. Вот так, нормально, невозмутимо. Светлый день льется в окно. Белые облачка плывут по синему небу.

Польские офицеры устали. Они подавлены. Их мундиры измяты. Их родина растоптана... Он, он "услышал"...

— Я хотел бы напомнить вам, господин генерал, об условиях капитуляции, — говорит генерал Лангнер, — которые мы подписали с представителями генерала Тимошенко. Мы требуем их выполнения.

Тогда Шапошников наклоняется слегка вперед и отвечает торжественно, четко, даже берет со стола карандаш и подчеркивает каждое слово сильным ударом его тупого конца:

— Мы выполним все условия. Весь мир, господа, знает, что никто так, как Советский Союз, не способен выполнять раз взятые на себя обязательства.

Насмешка? Нет, он смотрит прямо в глаза, смотрит взглядом, в котором таится усталость и в котором не видно ни следа иронии.

Наступила тишина. Тишина, о которой принято говорить, что звенит в ушах. Потому-то все присутствующие вздрогнули, когда открылась дверь кабинета, хотя открылась она тоже очень тихо. На пороге стоял человек в мундире, вопросительно уставившись взглядом на генерала Шапошникова.

— Господа, извольте чаю? — спросил генерал.

— Нет, благодарим.

Шапошников махнул рукой, вооруженной карандашом, человек исчез, двери закрылись.

— Ну вот, — начал он со вздохом. — Это дело улажено. Но у меня есть... вернее, я хотел бы при этом случае спросить... — тут он посмотрел на Лангнера. — Вам хорошо известны старые польские укрепления на бывшей границе, не так ли? Прошу вас сказать мне... — и из-под бумаг, лежавших на столе, он вынул карту.

— Разве я сегодня могу знать больше, чем вы сами знаете? — ответил Лангнер. — Ведь все форты в ваших руках. Я наверняка не могу знать их так хорошо, как вы.

— Гм, это правда. — Шапошников разочарованно отбрасывает карту, и вдруг начинает казаться, что затронутый им вопрос был только вступлением к какому-то другому разговору. Какому? Вместо этого он спрашивает:

— У вас есть еще какие-нибудь дела, требования?

— Больше никаких. Мы хотели только ходатайствовать об ускорении выполнения условий соглашения и об освобождении всех офицеров и солдат, как это было предусмотрено.

— Я также ничего не могу сказать сверх того, что сказал, — развел руками Шапошников. — Со своей стороны, даю честное слово, что все будет в полном порядке. Вы вернетесь и сами убедитесь в этом. Возможно, что сейчас ваши люди уже свободны.

Тем временем возвращение польских офицеров затягивается еще на несколько дней. Советским властям все это дело не представляется таким срочным, как генералу Лангнеру. Обратный полет во Львов происходит при лучших атмосферных условиях, но пассажиры, нервно переутомленные, упускают из виду происходящее под ними внизу, как например железнодорожный путь от прежней польской пограничной станции Здолбуново-Шепетовка, сверху похожий на тонкую ниточку. А жаль. Если бы они пригляделись внимательнее, то, несомненно, заметили бы длинные вереницы товарных вагонов, движущихся в направлении Бердичева из Киева, а за ними полосы дыма от паровозов, которые с трудом их тянут. Что может быть в вагонах? Товары, машины, вывозимые из Польши? Правда, не увидеть с такой высоты, не пробить взором крышу, но догадаться можно было бы или нет?.. Нет! Польские офицеры, хотя утомлены и взволнованы, однако настроены оптимистически. Они ведь везут с собой торжественное честное слово генерала Шапошникова.

Можно представить себе их изумление, когда во Львове они узнают, что значительные контингенты разоруженных польских офицеров и солдат уже якобы вывозятся тайком в глубь России! Генерал Лангнер не хочет верить этим слухам:

— Это только "якобы", — говорит он, — это не может быть правдой. Ведь у нас подписано соглашение. Ведь у нас есть заверения генерала Тимошенко и честное слово генерала

Шапошникова!

— Проверьте, господин генерал, — отвечает тот, кто это сообщил.

А проверить нетрудно: как раз во Львове находится теперь штаб Тимошенко. Генерал Лангнер, пользующийся еще правом свободного передвижения по городу, немедленно отправляется туда. Тимошенко не отказывает ему в аудиенции, но вежливо разъясняет:

— Что касается выполнения условий соглашения, то я не получил еще указаний из Москвы.

На другой день:

— Не мог получить связи с Москвой.

На третий день:

— Подождите, пожалуйста, несколько дней.

Через несколько дней:

...Генерал Лангнер под домашним арестом — у дверей его квартиры стоит охрана НКВД.

Ни одно из условий подписанного соглашения не было соблюдено советской стороной. Большинство разоруженных солдат, всех офицеров, всех сотрудников полиции, военной жандармерии и Корпуса пограничной охраны втолкнули в вагоны для скота и вывезли в глубь России. Это были не условия, предусмотренные соглашением, а те, которые в других странах применяются к самым страшным преступникам: загнанные в вагоны прикладами и штыками, в тесноте, в грязи, голодные, без воды, они ехали на восток к неизвестной цели. Только немногим удалось бежать. В том числе и самому генералу Лангнеру, который потом проберется в Румынию.

Так закончился первый акт драмы.

Вполне оправданным будет вопрос: зачем советские власти задали себе столько труда и хлопот в этой игре лжи и обмана? Зачем большевикам нужно было затягивать игру? С какой целью? Ведь они могли, не подписывая никакого соглашения, не нарушая честного слова своих генералов и пользуясь подавляющим превосходством вооруженных сил, окружить всех и сразу вывезти! Однако им нужно было промедление. Дело было в том, чтобы не спугнуть, не затруднить себе операции по вылавливанию предельно большого

количества офицеров. Далеко не все сидели уже за проволокой. Многие еще скрывались, переодевшись в штатское. Если бы известие о вывозе в глубь России распространилось слишком рано, многие, кого большевики собирались уничтожить, старались бы скрыться и найти более безопасное убежище. Никто не пошел бы добровольно на регистрацию. А в городах продолжали висеть объявления, в которых было обещано всем польским офицерам (как офицерам запаса, так и кадровым), что, зарегистрировавшись, они обретут полную свободу и будут приравнены к офицерам Красной армии. Наивных оказалось много. Еще 9 и 10 декабря во львовской тюрьме "Бригидки" насчитывалось около двух тысяч польских офицеров, которых бросали туда по мере добровольной явки на регистрацию. Потом маска была уже не нужна. Вывозили их открыто.

В катынском преступлении и в загадке пропавших без вести польских военнопленных, которую в годы войны окружала тайна, один элемент остается бесспорным, а именно: что все они, перед тем как исчезнуть, находились в советском плену, на советской территории.

В предыдущей главе был поставлен вопрос: сколько польских военнопленных было вывезено в Советский Союз? Никто никогда не узнает совершенно точного числа. Официальные советские источники годом позже, в годовщину нападения на Польшу (см. Приложение 2), сообщили, что в сентябре 1939 года были взяты в плен:

10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 офицер, 40 966 унтер-офицеров и 181 223 рядовых. Однако цифры эти не включают чинов полиции, жандармерии и Корпуса пограничной охраны. Советские источники также ничего не упоминают о вывезенных в результате "регистрации" и о тех, кто был арестован в индивидуальном порядке зимой 1939—1940 гг. Общее число должно превосходить цифры, приведенные советскими источниками в годовщину нападения.

Что случилось с этими людьми?

Глава 4

ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИСЧЕЗАЮТ БЕЗ СЛЕДА

Три лагеря и тайна их "разгрузки". — Переписка и газеты. — Спасенные из-под Смоленска. — Позднейшие отчеты "специальных групп".

Неизмеримыми кажутся просторы России от границ Польши до Тихого океана, от Ледовитого океана до пустынь и степей Центральной Азии. Неизмеримыми, впрочем, они кажутся тому, кто их никогда не мерил. Тому, кто их знает скорее из литературы, чем из жизни сегодняшнего Советского Союза. Неисчислимыми могут казаться и народы, их запутанные судьбы, их своеобразие на этих огромных земных пространствах. Человек, глядящий извне, или пусть даже привилегированный турист, которому случайно разрешили проехать вдоль и поперек Советского Союза, часто выносит впечатление такой огромности увиденного, что отдельная личность, кажется ему, пропадает в этом пространстве, как капля в море. Кроме того, ему кажется, что нет ничего легче, чем нырнуть в эту массу людей, языков и пространства, скрыться от всего мира и, выплыв где-нибудь на другом конце одной шестой земного шара, снова укрыться под поверхностью, смешаться с толпой, остаться неопознанным.

Нет ничего более ошибочного, чем такое суждение о "современной России", которая перестала быть Россией со времени октябрьского переворота и преобразилась в нынешний Союз Советских Социалистических Республик. Здесь нет ничего труднее, чем скрыться от всевидящего глаза властей, бюрократии, милиции и особенно политической полиции. "Неизмеримые пространства России" в действительности измерены сегодня с точностью до квадратного метра. В Советском Союзе нет вещи, одушевленного или неодушевленного предмета, который бы не был зарегистрирован, ката-

логизирован, отмечен тем или иным способом. Тоталитарно-полицейская власть пронизывает тут каждый уголок, каждую человеческую душу. Про какого-нибудь беднейшего пастушка, пасущего овец, власть знает не только, что он вообще существует, живет в таком-то колхозе, такой-то области, сколько он зарабатывает, что ест и пьет, но и о чем он говорит и даже думает! В Советском Союзе у каждого человека есть не только тень, которая следует за ним в солнечные дни, но и заведенное на него досье. И оно сопровождает человека и в солнечные дни, и в ненастные, и в облачные, и в метель, не оставляя его и ночью, когда он спит тревожным сном, и держит его на вечной привязи, порвать которую невозможно.

В Советском Союзе ничего не происходит без ведома и приказа властей. Сила этой власти именно в ее вездесущности. Легкость, с какой она управляет миллионами граждан, исходит из навязанной им неосведомленности и инерции. Ибо нет сегодня в мире более тесной страны, чем эти "неизмеримые просторы" Советского Союза. Здесь крестьянин не имеет права без разрешения покинуть свою деревню, рабочий — фабрику, горожанин — город.* О том, что происходит за горизонтом его жизни, прикованной к месту работы, рядовой гражданин может лишь догадываться, но никогда не знает наверняка. Именно благодаря этому создается

* Указом от 27 декабря 1932 года (Свод законов 1932, 84—516), который вводит систему обязательных внутренних паспортов, у всех граждан Советского Союза отнято право свободного передвижения в границах государства. Отсутствие каждого гражданина по его месту жительства в течение 24 часов должно быть немедленно заявлено соответствующим милицейским властям. Въезд или вход в промышленные города и в окружающую их полосу (от 20 до 100 км) требует особого разрешения.

Указ от 8 июня 1934 г., опубликованный в "Известиях" 9.6.34., гласит:

"В случае дезертирства военнослужашего, члены его семьи, если они являются соучастниками такого акта измены, или если они знали о намерениях и не донесли соответствующим властям, наказываются тюремным заключением сроком от 5 до 10 лет и конфискацией имущества. Другие совершеннолетние члены семьи будут лишены избирательных прав и будут сосланы в отдаленные места в Сибири".

Указ от 26 июня и 24 июля вводит за самовольную перемену места работы, уход с места работы, опоздания и прогулы — наказания исправительно-трудовыми работами.

положение, при котором государственная власть может править не только всесильно, но и без всякого контроля, нравственного или физического.

Таким образом, в Советском Союзе действительно каждый человек в любую минуту может исчезнуть с лица земли, могут исчезнуть тысячи, как пресловутая капля в море, но только и исключительно по воле и с ведома властей. Широкая общественность никогда об этом не узнает, хотя бы по той простой причине, что "широкой общественности", в нашем понимании этого слова, в Советском Союзе нет.

И так же, как капля долбит камень, нужны годы, чтобы добыть ту или иную правду о Советском Союзе, которую власть хочет скрыть. Нужны годы, чтобы из головоломок, домыслов, слухов, впечатлений, рассказов, воспоминаний сложилась информация, обладающая логической, синтетической целостностью.

И потому, чтобы ответить на вопрос: что случилось примерно с 200 тысячами польских военнопленных, вывезенных в Советский Союз осенью и зимой 1939—1940 г., нужно забежать на несколько лет вперед, когда после долгих поисков и кропотливого накапливания тысяч свидетельств, расчетов, отчетов удалось наконец создать более или менее конкретную, а часто даже совсем точную картину происшедшего.

Судьбы рядовых сложились по-разному (см. Приложение 3). В большинстве случаев, по истечении того или иного срока, после тяжело пережитого плена, — их отпустили домой.

Главную же массу офицеров армии, полиции и жандармерии поместили в трех больших лагерях военнопленных: 3920 человек в *Старобельске*, около 4500 — в *Козельске* и 6567 — в *Осташкове*, всего 14 987. Конечно, число это нельзя считать абсолютно точным. Может быть, их было на несколько сот больше или меньше.

Из этого общего числа некоторую часть затем перевели в лагерь *Грязовец* под Вологдой. Позднее эти люди вышли на свободу, и именно им мы обязаны большинством сведений о трех вышеупомянутых лагерях.

Таким образом стало известно, что в *Старобельске* находились 8 генералов, около 100 полковников и подполковников,

380 военных врачей. Остальные были младшими офицерами.

В Козельске из четырех с половиной тысяч офицеров было 6 генералов, почти 400 врачей, 29 католических священников (армейских капелланов), остальные — офицеры разных рангов и... три женщины. Две из них вскоре были вывезены в неизвестном направлении. Третья, поручик, пилот польской авиации, осталась до конца, т. е. до ликвидации лагеря.

В Осташкове находились, главным образом, чины полиции, жандармерии, а также чины Корпуса пограничной охраны, в том числе около 400 офицеров. Там было также довольно много штатских, главным образом юристов, помещиков и др.

Кто сам прошел лагерь военнопленных, тюрьмы, концлагеря в Советской России или хотя бы читал о них рассказы и документальные свидетельства, которые уже в большой степени вошли в сознание читателей как Западной Европы, так и обеих Америк, — для того история людей за проволокой в этих лагерях, их ежедневная жизнь, лагерный режим и т. д. не представляют особого интереса. В настоящее время число заключенных в советских концлагерях оценивается в 15—20 миллионов человек.* К тому же, все советские тюрьмы, как правило, переполнены. По территории всей страны разбросаны лагеря принудительных работ. В общих чертах судьба заключенных везде одна и та же. Барак, сквозь стены которых свистит ветер и зимой задувает снег. Или стены бывших монастырей и церквей, откуда изгнали Бога и где соорудили нары для заключенных. Клопы, вши, грязь. Теснота, нехватка воды. Питание, которого едва хватает, чтобы не умереть. Ограждения из колючей проволоки. Грубое обращение. Низкое хмурое небо с ранней осени до поздней весны. Зимой морозы, летом жара. Страшная, мрачная безнадежность и тоска по родным местам, по свободе. От времени до времени принудительные беседы и доклады, в которых рассказывается о радостной, счастливой жизни в Советской России и о нужде, голоде, притеснениях и преследованиях в "капиталистических странах". Кроме того, запрет на религиозные обряды и общую молитву. А

* Это цифры второй половины сороковых годов. /Примечание переводчика./

сверх всего: бесконечные допросы, проверки, анкеты, пере-
счет заключенных, досье и снова допросы.

Поэтому общие свидетельства о периоде существования
этих лагерей до самой весны 1940 г. мало отличаются друг
от друга и не вносят почти ничего существенного в дело вы-
яснения позднейшего исчезновения военнопленных. Однако
следует подчеркнуть, что если в целом судьба заключенных
в Козельске, Старобельске и Осташкове была похожа на
судьбу миллионов других заключенных в Советском Союзе,
то существовала особенно полная аналогия между этими
тремя лагерями, как в отношении режима, так и в обраще-
нии с заключенными.

Но вот в потоке этих печальных, но маловажных для дела
свидетельств мы находим подробные письменные показания
поручика Млынарского, который сидел вместе с другими
в Старобельске, а потом был переведен в лагерь в Грязовце.
Из его показаний стоит привести следующий отрывок:

В середине декабря 1939 года нам была разрешена переписка.
Борьба за это элементарное право велась с первых дней после
нашего прибытия в лагерь. Нам все время обещали, что вот-вот,
не сегодня-завтра... Наконец, в середине декабря разрешили.
Адрес адресата полагалось писать на языке данной страны, а ря-
дом фонетически в русском правописании: (1) СССР. (2) Ла-
герь военнопленных. (3) Старобельск. (4) Почтовый ящик №15.
(5) Имя и фамилия в польском произношении, без воинского
звания.

Писать можно было раз в месяц. Уже в конце декабря начали
приходить первые ответы с родины, даже из-за границы.

В марте 1940 г. разрешили отправлять по одной телеграмме.
Думаю, что это было последнее известие, полученное семьей из
лагеря в Старобельске. Наплыв приходящей почты рос с недели
на неделю. Эта почта не была регламентирована сроками, ее раз-
давали по мере поступления.

Исходящая почта была прервана около 10 апреля 1940 г., но
письма продолжали еще приходить до 28 апреля, а затем все
прекратилось.

Подробности, приведенные поручиком Млынарским, очень важны. Факт разрешения пленным переписки, подтвержденный потом другими заключенными, а также тысячами семей на родине под немецкой и советской оккупацией, станет в течение следующих месяцев, даже лет, единственной, пока еще слабой нитью в клубке ледящей кровь загадки.

Тот же поручик Млынарский, в своих показаниях польским армейским властям 1 ноября 1941 г., упомянул еще об одном обстоятельстве, даже не догадываясь, что позднее оно будет играть чуть ли не решающую роль в разъяснении катынского дела. Говоря о советской пропаганде в лагере, он заявил дословно следующее:

Пропаганда общегосударственного характера приходила в лагерь посредством радио, московских ежедневных газет ("Правда", "Известия"), нескольких харьковских, а также фильмов. Кроме вышеупомянутых русских газет присылали особенно много экземпляров "Глоса Радзецкого" /"Советского голоса"/, издаваемого то ли в Харькове, то ли в Киеве на дурном польском языке. Эти газетные полосы портили нам кровь, но по прочтении были нам весьма полезны.

Да, да — советских газет всем хватало с лихвой. На полях, однако, стоит отметить и хорошо запомнить: "Глос Радзецкий". Название коммунистической газеты на польском языке: "Глос Радзецкий". Но это уже дело будущего...

* * *

Итак, мы в середине зимы 1940 года. С нее начался целый ряд исключительно морозных военных зим. Из душных барачных и каменных построек, забитых толпой пленных, безвинно заключенных, незаконно интернированных, — вырываются клубы пара и протухшего воздуха. Жизнь этих людей подобна движению маятника: от отчаяния к надежде, от надежды к отчаянию.

На западном фронте продолжается затишье, но Советский Союз пользуется своей дружбой с Гитлером: заняв пол

Польши и разместив военные базы в прибалтийских государствах, он совершил очередное нападение — на Финляндию. Поговорка гласит, что "тонуший и за соломинку хватается". В связи с финской войной, люди, тонущие в Советском Союзе, цеплялись за какие-то туманные надежды. Но Финляндия оставалась для них только соломинкой. Через несколько месяцев героического сопротивления Финляндия проигрывает войну.

В марте 1940 года был отправлен первый этап польских офицеров из Козельска в... Смоленск.

Документ, содержащий отчет об этом событии, находится в руках польского правительства в Лондоне. Он, как и другие документы, хорошо известен самым высоким британским правительственным кругам:

Под вечер 8 марта 1940 года солдаты лагерной охраны в Козельске начали забирать из разных барачных корпусов некоторых офицеров. Проверив личные данные по списку, энкаведисты велели им немедленно взять свои вещи и, грубо их подгоняя, повели поодиночке в здание администрации, где был проведен крайне тщательный обыск. Затем группами по 2—3 человека, каждая под конвоем двух вооруженных охранников, их вывели из лагеря в направлении станции, расположенной в 8 км от лагеря. Стоял мороз около 20 градусов, и идти с вещами, в темноте, по скользкой, с выбоинами дороге, было очень утомительно, в особенности из-за постоянного понукания конвоиров. Когда один из пленных, пожилой отставной полковник, начал терять силы, конвоир, бранясь и издеваясь, грубо погнался за ним. После трех дней пути, во время которых поезд больше стоял на станциях, чем шел, пленные добрались до расположенного в 200 км Смоленска...

Там их выгрузили из вагонов, выстроили шеренгами, и один из конвоиров объявил им, что, находясь на марше, нужно соблюдать порядок, не разговаривать друг с другом, не глядеть по сторонам, не отставать. Он предупредил, что полшага в сторону будет считаться попыткой к побегу и огонь будет открыт без предупреждения. Перешли железнодорожные пути. Пленных остановили у входа на боковую улицу и приказали стать на колени в глубокий снег. Вскоре приехал выкрашенный черным цветом автобус, пленным приказали встать и садиться в автобус.

Автобус был специально приспособлен для транспортировки заключенных. Посередине был узкий коридор, а по обеим сторонам — ряд низких, узеньких дверок. Когда пленный входил в коридор, находящийся в автобусе энкаведист приказывал ему быстро влезать спиной в предназначенную ему камеру-кабину. Кабинки эти были не освещены и так тесны, что в них едва мог поместиться скорченный человек. Это было первое знакомство польских военнопленных с пресловутым тюремным автобусом — "черным вороном". Некоторые пленные, издерганные и измученные постоянными издевательствами, загадочностью дороги и советских намерений, в нерешительности задерживались перед входом в эти темные щели. Таких конвоир грубо впахивал, захлопывал дверцу, запирали на ключ и вызывал следующего.

Следует отметить, что из барачков в Козельске пленных брали по одному, а вели на станцию по двое-трое. Ввиду такой строгой изоляции они ничего не знали о своих товарищах по этапу до тех пор, пока не встретились все вместе в Смоленске. Если в дороге каждый из них тщетно пытался догадаться, почему его вывезли из Козельска, анализируя свое прошлое, а в особенности свое пребывание в лагере, то теперь в автобусе, они старались сделать выводы относительно своего будущего, анализируя состав группы, в которую они попали. Но группа была настолько разнородной, что трудно было усмотреть какой-нибудь логичный критерий, который мог бы их соединить. Всего в группе было 14 офицеров, в том числе полковник Станислав Липкинд-Любодзецкий, прокурор Верховного суда; полковник кавалерии Стажинский, бывший польский военный аташе в Бельгии; капитан Радзишевский, референт Призывной комиссии; поручик военного флота; Граничный, бывший силезский повстанец.*

...Минут через 15–20 езды на автобусе заключенных выгрузили на небольшом дворе, окруженном высокими зданиями с решетками на окнах.

...Так во второй половине дня 13 марта 1940 года на тюремном дворе в Смоленске группу пленных, вывезенных из Козельска, разделили, и с того времени об их судьбе ничего неизвестно.

Из всей группы нашелся только один пленный, которого из Смоленска повезли на допрос в Харьков и которому впоследствии

* Участник польского антинамецкого восстания в Силезии в 1921 г. /Прим. пер./

удалось выбраться из СССР. Именно ему принадлежит данное свидетельство.

Меньше чем через три недели после вышеописанного случая в Смоленске, а именно 3 апреля 1940 года, начинается массовая разгрузка лагеря в Козельске: оттуда вывозят пленных группами от 60 до 400 с лишним человек. Эта разгрузка продолжается до 12 мая.

Почти одновременно таким же образом начали вывозить пленных из Старобельска и Осташкова.

* * *

Этот акт драмы известен лучше всего. Он известен потому, что уже упоминавшиеся пленные, попавшие впоследствии в Грязовец, а оттуда вышедшие в 1941 году на свободу, не только составили подробные отчеты, но частично даже опубликовали их. Однако тогда, когда эти отчеты печатались, они не могли принести ожидаемый результат, потому что были разрозненными звеньями из длинной цепи событий, — звеньями мрачной загадки, тревожащей весь мир.

Так, например, польский офицер, скрывающийся под псевдонимом Ян Фуртек, опубликовал в польской газете в Америке "Новы Свят" ("Новый свет") пространный отчет о разгрузке лагеря в Козельске.

Я был одним из польских военнопленных в лагере в Козельске. В первых числах апреля 1940 года советские власти начали разгрузку этого лагеря. В это время в лагере было более 4 000 офицеров. Разгрузка происходила таким образом: составляли группы примерно в 100—300 человек и одну за другой вывозили. Промежутки между этапами были разные.

Конечно, все терялись в догадках, что все это значит и куда их везут. Несмотря на недоверие, преобладало мнение, что выезжающие возвращаются в Польшу. Так, впрочем, утверждали в разговорах с ними политруки и низшие лагерные служащие. Они прямо говорили, что вывозимых передадут немцам и даже называли Брест, как место, где состоится передача.

Помню, что первым, кого вызвали из нашего корпуса, был комендант корпуса, молодой капитан артиллерии Быховец. После первоначальной тревоги, уезжающими овладела радость. Когда одним из этапов уезжали генералы Минкевич, Сморовинский и Богатырович, лагерные власти устроили в их честь прощальный обед в "клубе", а потом весь лагерь шумно прощался с уезжающими.

Я лично покинул лагерь в Козельске 26 апреля 1940 года. Группа, с которой я уезжал, насчитывала около 170 человек. Перед отъездом всех людей в группе тщательно обыскали. Когда мы ждали обыска, к нам подошел комиссар лагеря Дымитович, оглядел группу и сказал: "Ну, значит, вы хорошо попали". Мы не поняли, что значат эти слова, были они ироническими или искренними. Сегодня я вижу, что эти слова были действительно искренними и мы были той счастливой группой, которой удалось избежать бойни... (См. Приложение 4).

За воротами лагеря нас посадили на грузовики и кружным путем, через лес, вдаль от деревень, привезли на боковые пути станции в Козельске. Там нас погрузили в тюремные вагоны и закрыли их. В состав поезда входило 5–6 тюремных вагонов; нашу группу разместили в двух вагонах. На боковых путях мы простояли часа два.

Ориентируясь по солнцу, мы поняли, что выехали из Козельска на юго-запад. Через несколько часов мы доехали до узловой станции, вероятно Сухиничи. После остановки поезд двинулся на северо-восток. В дороге я лежал на верхней полке. На стене вагона я увидел надпись, нацарапанную карандашом или спичкой, следующего содержания: "На второй станции за Смоленском выходим – грузимся на машины", – и число, вторую цифру которого трудно было разобрать. Это могло быть 12 или 17 апреля.

Об этом периоде существуют не только субъективные, личные свидетельства и описания. Что касается Козельска, то те, кого оттуда вывезли в Грязовец, сообща составили подробную таблицу всех этапов. Они использовали сделанные в лагере заметки, указывая даты, число этаплируемых и некоторые фамилии лиц, выехавших тем или другим этапом. (См. Приложение 4.)

Куда везли людей из Козельска в апреле-мае?

В статье Яна Фуртека упоминается о надписи на стене вагона: "На второй станции за Смоленском выходим..."

Аналогичную надпись видел арестованный советскими властями виленский адвокат Р-ч, который ехал 27 июня 1940 года этапом из Молодечно через Минск в Полоцк. Лежа на средней полке вагонзакла, он с изумлением прочитал надпись по-польски на потолке вагона, сделанную химическим карандашом: "Нас выгружают под Смоленском в машины".

Кроме того, имеется свидетель-очевидец. Это профессор Виленского университета Станислав Свяневич, поручик запаса, мобилизованный в армию в начале войны. После поражения он попадает вместе с другими в Козельск. 29 апреля 1940 года в числе 300 офицеров его грузят в поезд, и он приезжает на станцию около Смоленска. Тем временем в смоленское управление НКВД приходит телеграмма, в которой сообщается, что произошла неувязка и что профессора Свяневича нужно доставить на следствие в Москву в связи с политическим делом. На этой-то маленькой станции поручика-профессора отделяют от остальных пленных и оставляют одного в вагоне, однако так, что ему удалось наблюдать через окошко за происходящим снаружи. Прильнув к нему лицом, он не отрывает глаз от открывшейся перед ним картины. Станция маленькая. Местность лесистая. Кругом возносятся к небу высокоствольные сосны. К вагонам подъезжает автобус, и в него грузят офицеров. Профессор не знает, хорошо это или плохо, что его оставили одного? Какая судьба его ждет — лучше или хуже? Во всяком случае, тех везут куда-то в неизвестную лесистую местность...*

Это была станция Гнездово, расположенная в 14 км к западу от Смоленска.

* * *

В то время, когда все это происходило под Смоленском,

* Проф. Свяневича привезли в Москву и посадили в тюрьму. Его не хотели выпустить даже после так называемой "амнистии" для всех поляков. Ему удалось освободиться только в 1942 г. вследствие многократных дипломатических вмешательств.

разгружали также лагерь в Старобельске, и пленных вывозили... куда? Трудно точно ответить на этот вопрос.

О судьбах Старобельска, о заключенных, сидевших там, о конце этого лагеря никто не написал так подробно и талантливо, как ротмистр Юзеф Чапский — художник, писатель, военный, узник этого лагеря. (См. Приложение 5). В своей брошюре "Старобельские воспоминания" он так рисует загадочную разгрузку лагеря:

Уже с февраля 1940 года начали ходить слухи, что нас разошлют из этого лагеря. Наши лагерные власти распространяли слухи, что Советский Союз отдает нас союзникам, что нас выселяют во Францию, чтобы мы могли там воевать. Нам даже подбросили официальную советскую бумажонку с нашим маршрутом через Бендеры. Однажды нас разбудили ночью, спрашивая, кто из нас владеет румынским и греческим языками. Все это создало такое настроение надежды, что, когда в апреле нас начали вывозить то меньшими, то большими группами, многие из нас свято верили, что мы едем на свободу.

Никак нельзя было понять, по каким критериям формировались группы отправляемых из лагеря. Перемешивали возраст, призывные контингенты, звания, профессии, социальное происхождение, политические убеждения. Каждый новый этап обнаруживал ложность тех или иных домыслов. В одном мы все были согласны: каждый из нас лихорадочно ждал часа, когда объявят новый список выезжающих.

Я покинул Старобельск одним из последних. Уже на станции начались неожиданности: нашу партию распихали человек по 10—15 в узенькие отделения вагонзак, почти без окон, с тяжелыми решетками вместо дверей. Охрана вела себя крайне грубо. В уборную нас принципиально пускали два раза в сутки. Кормили селедками и водой. В вагонах стояла жара. Люди теряли сознание, и особенно характерным было равнодушие явно привыкших к этому конвоиров. Наш этап привезли в лагерь Павлищев Бор. Там мы встретили несколько сот наших товарищей из Козельска и Осташкова. Всего нас было около 400 человек. Через несколько недель всех нас вывезли дальше, в Грязовец под Вологдой, где мы оставались до августа 1941 года.

Мы получили право раз в месяц писать нашим семьям. Условия

нашей жизни были лучше, чем в Старобельске, и вначале мы были убеждены, что то же самое произошло с нашими остальными товарищами, что их разослали по другим, похожим на наш, лагерям, разбросанным по всей России. Мы жили в старом здании бывшего монастыря, а старинная монастырская церковь была уже взорвана динамитом.

Брошюра Юзефа Чапского, переведенная на несколько иностранных языков, пользовалась в свое время большим успехом, хотя вывести из нее можно было только догадки.

Сегодня известно гораздо больше. Вышеупомянутый поручик Млынарский исполнял должность адъютанта при так называемом "старосте" в Старобельском лагере. Этими старостами были поочередно: майор Залевский, майор Невяровский и майор Хрыстовский. 5 апреля старостой был майор Невяровский.

В 9 часов утра к нему подходит советский комендант лагеря, подполковник Берешков, в сопровождении политрука Кишнена и уведомляет, что началась разгрузка лагеря и сегодня должна уехать первая партия в 195 человек.

— Куда? — спрашивает майор Невяровский.

— Куда-а-а?.. — тянет с ответом Берешков. — Домой! Поедете в распределительные лагеря, а потом по домам, к женам — хе-хе-хе.

Действительно, этапы начали уходить ежедневно. Сборы происходили в утренние часы в просторной комнате коменданта 20-го корпуса. Там проводился тщательный обыск. Численность этапов колебалась от нескольких десятков до 240 человек.

Однажды поручик Млынарский спросил Берешкова:

— Почему едет не больше 240 человек? Вы ведь привозили нас сюда тысячами и увозить можете так же.

— Нельзя, — ответил тот. — Теперь война во всем мире. Мы должны быть начеку. И транспорта не хватает.

Настал день 26 апреля. Внезапно этапы прекратились вплоть до 2 мая, когда вывезли несколько десятков человек. Потом опять перерыв, и 8, 11, 12 мая последние этапы покинули Старобельск. Тем пленным, которые, как оказалось позже, попали в Грязовец, было строго приказано держаться

в стороне, отдельно от остальных, "особо".

Когда остающиеся прощались с отъезжающими, комендант лагеря обычно говорил с иронией:

— Все вы скоро встретитесь!

Что, однако, бросалось в глаза, так это то, что в каждый этап брали людей из разных корпусов. Особенно обращали внимание на то, чтобы вместе не ехали братья и люди из одной компании, сжившиеся друг с другом. В свою очередь, это было постоянным поводом жалоб и просьб, подававшихся в комендатуру лагеря. Ответ был всегда тот же:

— Ничего! Скоро встретитесь...

— Где? — спрашивали тогда.

25 апреля в 20-м корпусе зачитали "особый список", в который входило 63 человека. Их погрузили в вагоны и повезли в направлении Ворошиловграда. Потом остановка в Харькове. Одному из пленных удалось через щель в вагоне выглянуть наружу. Он увидел железнодорожного рабочего, который шел мимо размеренным шагом и машинально обстукивал молотком колеса вагона.

— Товарищ! — прошептал пленный. — Это Харьков?

— Да-а-а... Да, Харьков. Ну, готовьтесь на выход. Здесь всех "ваших" выгружают и везут куда-то на машинах.

— Куда?

Железнодорожник пожал плечами, сплюнул под колеса и пошел дальше.

Это все, что известно.

Однако "особую группу" не выгрузили в Харькове, и она добралась до Грязовца, где... не застала никого из товарищей по Старобельскому лагерю.

* * *

То, что происходит в это же время в Осташкове, как две капли воды похоже на события в Козельске и Старобельске. Лагерь в Осташкове также окружен каменными стенами бывшего монастыря, с той только разницей, что он расположен на одном из островов озера Селигер. С суши он соединен мостом. Там также, начиная с 4 апреля 1940 г., составляют

группы пленных, которых так же обыскивают, с которыми так же обходятся, которых так же заверяют, что они поедут домой... Там так же выделили некоторых, которые добрались до лагеря в Грязовце, а остальных закинули в тюремные вагоны и вывезли... Куда?

Старший постовой польской полиции А. Воронецкий рассказывал потом о своем разговоре с одним из охранников. Тот позволил угостить себя щепоткой паршивой советской махорки и взамен, как он выразился, "выдал" тайну:

— Ваших товарищей вы уже не увидите.

— А где они?

— Неправда, что их повезли домой, и неправда, что их расослали по другим лагерям на работу.

— А что правда?

Охранник разгладил обрывок газеты, служивший ему вместо папиросной бумаги, благоговейно облизал, заклеил, выровнял, достал из ватных шаровар самодельную зажигалку, высек огня и только тогда, когда носом пустил дым, процедил сквозь зубы:

— Их потопили.

Конечно, охранник мог пошутить...

Вахмистр жандармерии (J. B.), который с самого начала сидел в Осташкове и позднейшие показания которого находятся в "Архиве Польской армии на Востоке", под номером 11 173, подтверждает все, рассказанное другими. На этапы формировали группы в 60—300 человек. Однажды он зашел в пекарню, с заведующим которой, неким Никитиным, был в приятельских отношениях. Конечно, событием дня была разгрузка лагеря.

— Куда нас повезут, не знаешь? — спросил вахмистр.

— На север, браток, куда-то на север вас везут, — ответил Никитин.

Впоследствии вахмистр попал в небольшую "особую" группу, которую вместе с большим этапом, состоявшим из 300 полицейских, увезли из лагеря 28 апреля 1940 г. Они действительно поехали на север. Доехали до станции Бологое на железнодорожной линии Ленинград—Москва. Там вагон с "особой" группой отцепили и направили на Ржев. Когда они отъезжали, вахмистр видел, что весь состав поезда с

польскими военнопленными все еще стоял на путях станции Бологое...

* * *

Из общего числа пленных трех вышеуказанных лагерей, советские власти выделили и перевезли, сначала в лагерь в Павлищевом Бору, а потом в Грязовец:

из Осташкова — 120 человек;

из Старобельска — 86 человек;

из Козельска — 200 человек.

Всего 406 человек, которые вместе с несколькими десятками пленных, вывезенных отдельно на следствие в московские тюрьмы в разное время, еще до разгрузки лагерей, дождались "амнистии", объявленной согласно польско-советскому договору от 30 июля 1941 г., и вышли на свободу.

Остальные, т. е. около 14 700 человек, в том числе 8 400 офицеров, с весны 1940 года пропали без вести, без следа.

Г л а в а 5

ТРЕВОГА ОХВАТЫВАЕТ СЕМЬИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Переписка внезапно прекращается. — "Местонахождение неизвестно", — отвечает прокурор.

Откуда, однако, известно, что эти почти 15 тысяч человек пропали именно весной 1940 года? Что не позже и не раньше, а именно с апреля-мая исчезли всякие их следы?

Это была первая весна Второй мировой войны, потому,

быть может, многим, и мне самому, она так ясно врезалась в память. В то время, когда весь мир сосредоточил свое внимание на событиях, происходящих в Западной Европе, нам, под советской оккупацией, жилось тихо и тускло, а почки на деревьях только начинали распускаться. Надежда была нашим хлебом насущным. Она питала нас; ее мы приклеивали к календарным листкам. Многого мы ждали от этой весны, но она не оправдала наших ожиданий. Приходили только плохие вести. Вдруг грянула эта, для многих самая страшная:

”Никаких известий из Козельска, Старобельска и Осташкова!”

Сначала об этом говорили с грустью, потом с беспокойством, наконец с тревогой. Если предположить, что у каждого из 15 тысяч пропавших без вести осталось дома хотя бы три близких родственника — жены, матери, отцы, дети, сестры и т. д., — которые о них беспокоились, то уже получится 45 тысяч человек, страдаемых тревогой. А на самом деле их было больше. Тревога эта возникла в мае 1940 года и потом росла с каждым месяцем.

Напомним, что военнопленным, сидевшим в этих трех лагерях, разрешалось писать домой и что их семьи могли им писать. Более подробно об этой переписке можно судить по многочисленным воспоминаниям, а особенно подробно описал это в своем отчете поручик Млынарский.

Я сам знал десятки людей, в том числе моих родственников, которые с оккупированной территории переписывались с пленными этих лагерей. Вдруг в апреле письма перестали приходить. В мае их еще ждали, сваливая задержку на плохую работу советской почты. Но ответов на письма не было. Seriously забеспокоились только тогда, когда некоторое количество писем вернулось с почтовым штемпелем: ”Вернуть. Адресат не найден”. Другие письма просто пропадали.

Помню, как в начале июня 1940 г. к нам пришла соседка с какой-то помятой карточкой в руке. Это была открытка, адресованная в Козельск, вся в пятнах от грязных пальцев, с неразборчивыми пометками и штемпелем: ”вернуть”.

— Я очень беспокоюсь, — сказала соседка. — Последнее письмо от мужа было написано в конце марта, а теперь уже

июнь и... — она протянула руку с открыткой. — Как вы думаете, что могло произойти? Что с ним случилось? Ведь не он один. Я знаю, что другие тоже ничего не получают.

Я машинально крутил открытку в руке. Можно было прочесть первые слова, написанные крупным, разборчивым почерком: "Дорогой мой, любимый Владек"... Внизу открытки была какая-то клякса. Поймав мой взгляд, женщина сказала:

— Ах, это Стась хотел дописать папочке, но не сумел. Что с ним теперь, с папочкой Стася? — смущенно улыбнулась она, словно сказала что-то неподходящее.

— Пока нечего беспокоиться, — пробормотал я. — Все знают, какой беспорядок в Советском Союзе. Эти огромные пространства, трудности с транспортом. Может, их вывезли куда-нибудь далеко. Несколько месяцев может пройти, пока придут известия.

Вот именно этими необъятными просторами, этим пространством мы были загипнотизированы, как и все те, кто считает, что в Советском Союзе можно затеряться, как рыба в море, как зверь в дремучем лесу. Где-нибудь, когда-нибудь выплывут... Есть у нас поговорка: "Надежда — мать глупых". Глупой была и надежда, что с нашими пленными ничего не может случиться — ведь Советский Союз даже не ведет войны, да и Польше он войны не объявлял. Собственно говоря, это даже не военнопленные, а скорее, интернированные. И если можно не соблюдать международных конвенций, то, во всяком случае, немыслимо нарушить своего рода границу международной нравственности. Быть может, они временно оказались в тяжких условиях, но ведь они живы, хоть и нет о них ни слуху, ни духу.

Мы попеременно то утешались, то огорчались. Но после того, как в апреле-мае 1940 года переписка оборвалась, писем уже больше не было.

Беспокойство на родине передалось и тем, кого выделили из трех лагерей в составе "особых групп" и теперь поместили уже в один лагерь в Грязовце. Они продолжали переписываться с семьями, и вот что по этому поводу писал Юзеф Чапский в вышеупомянутой брошюре:

Мы начали беспокоиться о судьбе наших сотоварищей, потому что почти в каждой открытке, полученной с родины, нас спрашивали с растущей тревогой, что случилось с нашими товарищами из Старобельска, Осташкова и Козельска.

На основании этих открыток мы уже летом 1940 г. пришли к выводу, что мы единственные пленные из этих лагерей, от которых доходят вести.

* * *

В конце 1939 г. советские власти выслали этапом в Казахстан, вместе с большим количеством польского населения, польскую гражданку Александру Урбанскую. Ее муж, поручик Рышард Урбанский, по профессии учитель, был помещен в лагерь в Козельске. Его жена попала в поселок Родниковка, Актюбинской области. Оттуда она регулярно переписывалась с Козельском. Однако с марта 1940 г. переписка оборвалась. Жена в отчаянии дважды обращалась к властям. Ей сказали, что этим заведует НКВД. Она подала заявление с просьбой выяснить местонахождение ее мужа. Заявление долго кружило по советским учреждениям, пока не направили его в... Смоленск.

На этом заявлении служащий смоленского НКВД сделал пометку следующего содержания: "Уведомить, что 6.V.40 г. переведен в другой, неизвестный лагерь".

Я видел впоследствии этот документ и имею все основания предполагать, что сейчас он находится в руках Союзных властей, среди подобных ему документов.*

Один польский солдат, в эмиграции, предпочитающий не называть свою фамилию, рассказывает:

Мой отец, старший постовой польской полиции в Здолбунове, был арестован советскими властями и отправлен в лагерь в Осташкове. Оттуда он постоянно писал письма.

* Подпоручик Рышард Урбанский, учитель, был найден в Катynie, под Смоленском. Описание тела находится в собрании немецких документов за номером 3220.

13 апреля 1940 г. вся наша семья, т. е. мать, сестра и я, была вывезена из Здолбунова в Казахстан. Оттуда мы пытались связаться с отцом, но безуспешно. Ни на одно из писем мы не получили ответа. Обеспокоенные этим, мы обратились к местным властям, потом центральным, в НКВД, в прокуратуру и т. д. с просьбой выяснить местонахождение нашего отца. Одно из заявлений я направил лично Сталину. Ответа не было. Когда я потерял уже всякую надежду, весной 1941 года пришла бумага от районного прокурора в Осташкове, следующего содержания:

”Лагерь, в котором находился ваш отец, ликвидирован весной 1940 г. Нынешнее местонахождение вашего отца неизвестно”.

Г л а в а 6

ПЕРВОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МРАЧНЫХ ДОГАДОК

”Мы сделали большую ошибку”. — Советские
политические планы.

Проходят летние месяцы 1940 года. Военные события до такой степени поглощают внимание всего мира, что никому не пришло бы в голову интересоваться судьбой 15 тысяч польских военнопленных, даже если бы факт их таинственного исчезновения из советских тюремных списков стал широко известен в демократических государствах. — Пропали? — Найдутся! — Не могут же 15 тысяч человек в мундирах чужого государства, интернированные на территории СССР, зарегистрированные, снабжаемые продовольствием, переписывающиеся с семьями, провалиться сквозь землю! Вне всяких сомнений, именно таково было бы мнение военных экспертов

на Западе, если бы им пришлось высказаться на эту тему. Тем временем война с Гитлером принимала тревожный оборот.

По-прежнему никто ничего не знает о пропавших без вести. Ни товарищи по несчастью, переведенные в другие лагеря, ни семьи на родине, ни польское правительство в эмиграции. Никакого следа, ни малейшего указания, которое могло бы разъяснить тайну.

И вот неожиданный случай с той стороны, откуда его меньше всего ждали, а именно из самых высоких советских правительственных кругов, проливает свет и одновременно подтверждает наиболее мрачные и страшные домыслы. Произошло это следующим образом.

В 1939 году Красная армия, идя на помощь немецким войскам, оккупировала восточную Польшу, в том числе Вильно. В Вильно, как и в других городах, были расклеены афиши, в которых всех польских офицеров, кадровых и запаса, призывали пройти добровольную регистрацию. В городе находился в то время полковник польской армии Берлинг. Впоследствии фамилия эта станет известной, но по другим причинам. Тогда он был лишь офицером, занимавшим второстепенный пост в армии. Берлинг никогда не был выдающимся человеком, но был очень честолюбив. Кроме того, у него были некоторые причины с горечью относиться к своему прошлому. Незадолго до войны против него возбудили в военном суде весьма щепетильное дело по вопросу чести. Дело касалось его поступка по отношению к своей жене — поступка несовместимого со званием офицера. Этот скандал вышел за пределы четырех стен его частной квартиры. Был вынесен неблагоприятный для полковника приговор, что побудило его жаловаться во всеуслышанье на "отношения, царящие в офицерской среде".

Во время войны он оказался случайно в Вильно. В военных действиях против немцев участия не принимал. Прочитав расклеенные на стенах объявления советских властей, он зарегистрировался и, конечно, вместо ожидаемого возвращения домой был тут же арестован, как и другие польские офицеры, и вывезен в глубь СССР.

По сей день не совсем ясно, чем руководилась советская

власть, выделяя из разных лагерей военнопленных "специальные группы". Для каких будущих целей предназначался контингент из нескольких сот человек, собранных в лагере в Грязовце? Можно лишь предположить, что на основе доносов, слезки и оказавшегося не слишком удачным (с советской точки зрения) отбора, произведенного энкаведистами, которым был поручен надзор за "контрреволюционными массами" польских военнопленных, намечалось вычлнить некие кадры пригодные для использования в будущих политических планах советского правительства в отношении Польши. В каких планах? Первые разговоры с "избранными" были довольно туманны. Но со временем эти разговоры становятся ясней, только не по отношению ко всем, а к одним лишь "избранным среди избранных".

В Грязовце началась усиленная коммунистическая пропаганда и внимательное наблюдение за ее результатами и отзвуком, какой она вызывала среди военнопленных. На основании этих наблюдений энкаведисты начали питать особое доверие к полковникам Берлингу, Букоемскому и Горчинскому и еще к двенадцати другим офицерам. Если принять во внимание, что общее число находившихся в плену доходило до 15 тысяч, то эти пятнадцать человек представляли собой действительно ничтожный процент...

Политические беседы, которые велись с этими офицерами, сначала носили сравнительно невинный характер. Как и прежде, в них говорилось о дискриминации довоенной Польши, о снижении ее роли в Европе, об ее "отсталой, антисоциальной системе", одновременно подчеркивались эпохальные достижения в области благосостояния, свободы и прочих прелестей большевистского строя. Нетрудно догадаться, что при такого рода системе сравнений процесс убеждения даже наибольших оппортунистов не приносил существенных успехов. Однако вскоре политические беседы все чаще и чаще начали принимать конкретные формы.

* * *

27 сентября 1940 г. Гитлер подписал договор о ненападении между Германией, Италией и Японией (Тройственный пакт).

7 октября немецкие войска вторгаются в Румынию.

Положение становилось напряженным и для Советского Союза, все еще союзника Германии. Гитлер перестал согласовывать свои шаги с Москвой, а господин Риббентроп — консультироваться с господином Молотовым.

С другой стороны, Советский Союз, ввиду постоянных усилий Великобритании перетянуть его в свой лагерь, видел возможность перемены политического курса. На отдаленном еще горизонте начала вырисовываться угроза вооруженного столкновения с Германией. СССР против этого. Он предпочитает жить в согласии с Гитлером. Но захочет ли Гитлер сохранить это согласие?

Между Германией и Советским Союзом лежит Польша. Если дойдет до войны, Польша может сыграть важную роль в деле победы той или другой стороны. Польский солдат и польский офицер — хорошие бойцы.

Таким образом, параллельно с сосредоточением во Львове и в Москве горсточки подчиненных Коминтерну польских коммунистов (будущий "Союз польских патриотов") начала зарождаться мысль о создании под советским командованием польских воинских формирований.

Нужно, однако, учесть, что это был лишь 1940 год. Советский Союз, в принципе, чувствуя себя еще недостаточно сильным, желает любой ценой избежать войны с Гитлером. Если вообще заходит речь о зарождении проекта польских боевых соединений, то только как о теоретической возможности в будущем. Но советское правительство хочет иметь готовый план. И вот, в области этих планов ясно очерчивается позиция Советского Союза в отношении Польши, впервые выраженная в приведенной выше речи Молотова 31 октября 1939 г.* Позиция эта в дальнейшем будет доведена до конца с железной последовательностью. Ясно, что Советский Союз, уже в 1940 году не намеревался, в случае конфликта с Германией и успешного исхода его, вернуть оккупирован-

* "Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей... О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи".

ным им государствам их суверенитет. Не на Ялтинской конференции 1945 года, а за пять лет до нее, осенью 1940 г., было решено в Москве, что будущая Польша станет только территорией, так или иначе связанной с СССР и зависимой от него.

К этому-то и начали клониться вышеупомянутые беседы с группой польских офицеров: "Но ведь ваше так называемое 'лондонское правительство' — это оперетка!"

Пока что Берлинг, чувствуя значимость проекта, о котором шла речь, проявил далеко идущую сдержанность. 10 октября 1940 г. эту группу переводят в тюрьму Бутырки в Москве. Но с заключенными обходятся, по советским условиям, с подчеркнутой вежливостью, предоставляя им всевозможные привилегии. Питание исключительно обильное. 13 октября их перевозят в светлую, приятную камеру в тюрьме на Лубянке, где продолжают беседы на тему возможного конфликта с Германией и вытекающих из него последствий. Одновременно затрагивается судьба гражданского населения и пленных, вывезенных в СССР. Уже ясно обрисовывается советский тезис, что возможная будущая Польша не будет той Польшей, какой она была, а будет какой-то новой...

Как раз в это же время происходит значительное разграничение, а практически расширение наиболее важного органа советской власти и советского террора — НКВД и НКГБ.

В первые годы большевистской революции возникла известная, так называемая ЧК или "Чрезвычайка". Она-то залила Россию кровью миллионов жертв. Через несколько лет после окончания гражданской войны ЧК была переименована в ГПУ — орган, более или менее, соответствующий немецкому Гестапо. Плохая слава, какой пользовалось это учреждение как в Советском Союзе, так и за границей, а также трения внутри него, послужили причиной к перекраске вывески с ГПУ на НКВД. НКВД ничем не отличался от ГПУ, как в свою очередь ГПУ ничем не отличалось от ЧК. Однако после 1939 г., ввиду начала Второй мировой войны и занятия Советским Союзом новых территорий, возникает необходимость усиления внутреннего террора. В июне 1940 г. большевики совершили очередное нападение на Балтийские

государства, а затем включили их в состав СССР. НКВД расширяют пристройкой, которая стала колоссально разросшейся политической полицией под названием НКГБ. Во главе НКВД в 1940 году стал комиссар Берия, а во главе НКГБ — комиссар Меркулов. Они-то являлись исполнительной властью в Советском Союзе, направление которой давал Сталин при активном участии Молотова.

30 октября 1940 г. Берия и Меркулов являются лично в тюрьму на Лубянке и приглашают на разговор трех польских офицеров: полковников Берлинга, Букоемского и Горчинского. Советские наркомы говорят о возможности конфликта с Германией, очерчивают структуру будущей Польши (более или менее соответствующую сегодняшнему положению, т. е. Польше после 1945 г.), затрагивают вопрос о возможной организации польских вооруженных сил, подчиненных советскому командованию.

Берлинг в принципе принимает эту концепцию. Беседа переходит в более конкретную область. Меркулов заговорил о том, на какую численность польских офицеров можно рассчитывать при формировании польских частей. Берия скривился, но было уже поздно. Берлинг, который, конечно, как и другие, не знал о судьбе пропавших без вести польских военнопленных из трех лагерей, выпалил, что он готов по памяти составить списки тех офицеров, которые были, как он знает, заключены в лагерь на советской территории.

Меркулов замолчал. А Берия, неловко откашлявшись, размеренным голосом произнес следующие веские слова:

— Нет, они не входят в расчет... Мы сделали ошибку, ошибку сделали...

Этот разговор происходил в просторном кабинете начальника тюрьмы. Берлинг подробно рассказал о ходе разговора товарищам по камере, которые не принимали в нем участия. Конечно, слова Берии были восприняты как откровение. Наступило гробовое молчание. Полковник Горчинский обратил внимание на то, что эти знаменательные слова нужно как-то запротоколировать, хотя бы в памяти. Из них ясно, что с большинством офицеров что-то случилось.

— Что?

Никто не отозвался.

Только через минуту кто-то заговорил:

— Как же он, в конце концов, сказал?

— По-моему, — изложил Горчинский, — так: "Сделайте списки, но многих из них уже нет. Мы сделали большую ошибку..." А через минуту: "Отдали их немцам", или что-то в этом роде.

— Как же можно было этого точно не расслышать!

Советское правительство, конечно, не выдавало немцам никаких польских пленных. Никто их не видел ни в Германии, ни на пути через Польшу. Ни на какой границе не было передачи пленных из рук в руки. Не существует ни одного документа, свидетельствующего о таком акте. Немецкое правительство никогда не утверждало, что получило этих пленных, а советское правительство не только в будущем не поддержало эту версию, но в официальной версии (см. Вторую часть) прямо заявляет, что никакой передачи польских пленных немецкой стороне никогда не было и не могло быть.

Как же рассматривать заявление Берии? Либо это была его личная выходка с целью затушевать неприятное впечатление, какое на присутствующих должны были произвести его слова. Либо это заявление было результатом предварительного обсуждения этой темы в высших советских органах, которые еще до войны с Германией решили, что, если будет затронут вопрос о польских пленных, то ответственность за их исчезновение следует свалить на немцев. Вероятно, однако, что этот вопрос не считался срочным, скорее рассматривался как гипотетическая возможность. Потому-то он не был уточнен и Берия выразился более чем туманно.

На следующий день, 31 октября, пятнадцать привилегированных польских офицеров во главе с Берлингом были вывезены с Лубянки в Малаховку, в 40 км от Москвы. Там их поселили на изолированной от внешнего мира даче под надзором агентов НКВД, но в условиях настолько отличающихся от нормальных лагерных, что они сами назвали этот дом

”виллой счастья”. Миллионы советских граждан могли позавидовать их условиям жизни...

В Малаховке для них организовали ”политические курсы”, снабдили книгами и дали возможность умственной работы, но только в одном направлении: перековки их образа мыслей в коммунистическое мировоззрение.

История этой ”виллы счастья” — это эпопея надежды, предательства, отчаянных попыток одуматься, сопротивления и упадка духа, истерии, внутренней борьбы самих с собой, со своими товарищами, с глухим забором, который их окружал. Можно сказать, что из этих пятнадцати единственно Берлинг, шеф группы, не обманул возложенных на него советской властью надежд. Последовательно и без иллюзий он отрекся от своей военной присяги, от родины и всецело перешел на службу чужого государства. Неужели по ночам его не тревожили дурные сны, и кошмар не шептал ему на ухо: ”С ними сделали ошибку”?

Какую ошибку? Что за ошибку? Кто сделал?

* * *

В начале советско-немецкой войны, после подписания договора между советским правительством и польским правительством в изгнании (в Лондоне), казалось, что Советский Союз откажется от концепции Красной Польши. Берлинг и его товарищи были направлены в формирующуюся в СССР настоящую польскую армию. Но вскоре он дезертирует со своего поста в Красноводске, возвращается к большевикам и предлагает им свои услуги. Персональным приказом командования Польской армии на Востоке за № 36 он раз навсегда вычеркивается из списка польских офицеров. В 1943 году его производят в генералы, но производит... Сталин. Берлинг возглавляет польские части, формируемые не польскими властями, а советскими. Он становится послушным орудием этих властей. Делает карьеру. Вокруг его имени поднимается шумиха, так как советское правительство заинтересовано в том, чтобы создать противовес независимому польскому правительству и независимой польской армии

в эмиграции. 1944 год — апофеоз карьеры Берлинга. Потом слух о нем постепенно замирает, пока совсем не канет в забвение.

Что случилось с Берлингом?

Думается, что, не повтори он тогда и не разгласи слова Берии, он, может быть, продолжал бы делать карьеру. Но дело получило огласку. Оно проникло в польскую прессу и в польские эмигрантские публикации. Существуют свидетели, в обществе которых Берлинг повторял роковые слова советского наркома. Существуют показания и протоколы с подписями этих свидетелей.

Не пробовал ли он все это опровергнуть? Неизвестно. Впрочем, это обстоятельство уже не имеет значения для дальнейшего хода дела.

Глава 7

ИЮНЬ 1941 ГОДА

Поражение Красной армии. — Кровавая расправа советских властей с заключенными.

На рассвете 22 июня 1941 года вдоль всей границы, отделявшей на востоке Европы сферу немецкой оккупации от сферы советской оккупации, загрохотали орудия. Гитлер напал на Советский Союз неожиданно. СССР судорожно вооружался, но к этому дню еще не был готов к войне. Удар немецкого стального кулака был так мощен, что советская армия прямо рассыпалась. Первое слабое сопротивление на границе вскоре превратилось в массовое поражение. Немцы окружали целые армии. Число пленных росло с головокру-

жительной быстротой. Немцы брали город за городом, сминали линии обороны, продвигались вглубь, захватывали заводы, шахты, запасы зерна и бесценного сырья.

Военное поражение Советского Союза, тяжеловесность его аппарата, беспомощность командования, выведенный из строя транспорт, перерезанная связь, потеря авиации — все это вместе приняло размеры доселе неслыханные в истории войн.

Военные события этого периода относятся совсем к другой области и даже косвенно не затрагивали бы интересующий нас вопрос, если бы не некоторые обстоятельства, связанные с отступлением Красной армии. Речь идет о советских методах в отношении заключенных. Знаменательный факт: в стадии предельной дезорганизации, перед лицом поражения, когда целые армии попадали в плен или разбежались по лесам, когда советские власти бросали во многих местах огромные запасы сырья и продовольствия, не успевали вывезти архивы, не забирали документы, — они проявили величайшую активность и предусмотрительность при ликвидации тюрем.

Что их к этому принуждало? Какой патологический комплекс террора или просто какие обстоятельства привели к тому, что единственной организацией на территории СССР, действующей четко и исправно, были НКВД-НКГБ? Трудно на это ответить. Во всяком случае, бросалось в глаза стремление властей не допустить, чтобы немцы захватили хоть одного заключенного. Эвакуировали все тюрьмы и концлагеря. Там же, где из-за слишком быстрого продвижения немцев эвакуация была невозможна, совершались массовые казни, массовое кровавое уничтожение заключенных.

Правило это не знало исключений и потому самым убедительным образом опровергает позднейшую советскую версию о лагерях польских военнопленных, якобы оставленных под Смоленском. (См. ниже: Вторая часть, Сообщение специальной комиссии.) Поэтому нижеприведенные факты, хотя и могут показаться не имеющими отношения к катынскому преступлению, в действительности тесно связаны с ним.

Одна и та же судьба выпала на долю всех тюрем и лагерей,

вне зависимости от того, были ли они разбросаны на оккупированных территориях от Эстонии до Бессарабии или на собственной территории Советского Союза. Многие из тех заключенных, что пережили этот леденящий кровь мартиролог эвакуации и расправ, а потом так или иначе попали на свободу, дали за границами Советского Союза подробные свидетельства. Их показания, отличаясь по конкретным обстоятельствам, точно совпадают в одном — в том, что касается методов расправы с заключенными. Показания большого числа польских граждан, которые пережили советскую оккупацию и советские тюрьмы, составили огромный архив, хранящийся польским правительством в эмиграции. Пользуясь этими материалами, польский исследователь Зверняк написал книгу "В большевистских тюрьмах 1939—1942". Документы, вошедшие в одну из глав этой книги, "Эвакуация тюрем после начала немецко-советской войны", снабжены картотечными номерами. Они содержат свидетельства об эвакуации тюрем в Киеве, Тернополе, Ровно, потрясающее описание пешего этапа в Москву, рассказы об эвакуации в Латвии и на границе с Финляндией, о страшных переживаниях заключенных в Бердичеве, которых пытались сжечь живьем. Эта работа Зверняка до сих пор не обнародована, не нашлось издателя...

Среди многих свидетельств и показаний особенного внимания заслуживает рассказ подполковника Януша Правдица-Шляского. Здесь представлен классический образец вышеупомянутых советских методов.

Д о р о г а с м е р т и

Меня арестовали 21 февраля 1941 года в Гродно и вывезли в Минск. После допросов и следствия в Москве и в Минске меня держали в качестве политзаключенного в тюрьме НКВД в Минске.

Когда началась немецко-советская война, Минск подвергся сильной бомбежке. Весь город горел. Мы испытывали недостаток воды и питания.

Вечером 24 июня я услышал отголоски расправы с заключенными. Я отчетливо слышал поочередное открывание камер, стоны, борьбу и время от времени выстрелы. Потом говорили, что

в рот заключенным насильно вливали яд. Мне трудно сказать, сколько убили таким способом. Шум приближающихся шагов, грохот открываемых дверей подвигались все ближе и ближе к моей камере...

В последнюю минуту произошел один из самых крупных немецких налетов на Минск. Расправу прервали. После налета открыли все двери и приказали выходить на тюремный двор. Затем нас окружили сильной охраной и погнали бегом через пылающий Минск. В нашей группе было около 200 человек. В 5 км за городом нас остановили в лесу на отдых. Тут собрали всех арестованных из минских тюрем. Всех насчитывалось около 20 000 человек. Группу, в которой я находился, как самую опасную, держали в стороне. Среди нас было 7 советских летчиков, у которых руки за спиной были связаны проволокой. Они были арестованы в последнюю минуту по подозрению в шпионаже.

Я сообразил, что будет нехорошо дальше оставаться в этой группе. Своим мнением я поделился с ближайшими сотоварищами, и мы поодиночке начали удирать, смешиваясь с раньше выгнанными из Минска заключенными. Мое предчувствие оказалось верным. После того, как всех погнали дальше, группу, в которую я входил раньше, расстреляли на месте.

Нас гнали на восток, деля на новые группы. Опасаясь, чтобы нас не узнали, некоторые начали менять свой внешний вид. Так например, я выменял свой костюм на худший у другого незнакомого мне заключенного. Благодаря тому, что у уголовников нашлись лезвия для бритвы, товарищи сбрили мне бороду и усы. Группа, к которой мы присоединились, насчитывала около 3000 человек. В ее состав входили люди разного возраста — от стариков до детей обоего пола. Так мы шли. Увидев около себя девочку лет 12-ти, я спросил ее, за что ее арестовали. Она очень серьезно и удивленно ответила:

”За контрреволюцию и шпионаж”. Она была из Польши, из-под Несвижа.

Нас гнали форсированным маршем. Кто не мог идти дальше, того убивали на месте, — будь то ребенок, старик или женщина.

На фоне этого кошмара происходили также чудеса... Когда некая госпожа Борковская из Лиды, старушка, без сил упала на дорогу, к ней подошел энкаведист и, пнув ее ногой, сказал:

”И так подыхаешь, жаль на тебя пули”.

Случилось, однако, иначе. Борковская выжила. Я встретил ее позже в Лиде, в 1942 году.

С одним товарищем по несчастью мы помогали председателю окружного суда в Луцке, Гедройцу, которого мучила астма. Он не мог идти. Видя, что подвергает нас опасности из-за постоянного отставания, он просил оставить его. Отдавая себе отчет в том, что его силы на исходе, а у нас не хватало сил его нести, мы вынуждены были его оставить. Его застрелили на наших глазах. Наши ряды редели все больше и больше. Идти становилось все труднее и труднее.

Повсюду сновали энкаведисты и, опознав некоторых, отводили их в сторону и расстреливали. Остановки были короткие. Есть не давали. Мучала страшная жажда. Энкаведисты опознали одного из моих близких сотрудников по польской подпольной организации, скрывавшегося под псевдонимом "Оскар", бывшего председателя студенческой организации "Братская помощь" при Высшем коммерческом училище. У нас на глазах его отвели в сторону и выстрелили в него три раза. После первого выстрела несчастный подпрыгнул, раскинул руки и упал на кусты. Энкаведист выстрелил в лежачего еще два раза и ушел, не обращая на него никакого внимания. Мы были уверены, что он погиб. Каково же было мое изумление, когда, вернувшись на родину, я увидел его живым-здоровым! Оказалось, что первая пуля попала в челюсть. Два следующие выстрела были сделаны небрежно и не попали в цель.

Нас пригнали в город Игумень и там загнали в тюремный двор, где уже находилась другая группа. Нас дошло около двух тысяч, остальные погибли по дороге. Многих из моих знакомых расстреляли, среди них Казимежа Гумовского, Александра Поляно и ряд других. Местные жители называли эту дорогу ДОРОГОЙ СМЕРТИ.

На тюремном дворе после трехдневного голодания нам выдали по 100 граммов хлеба. Во время отдыха явились энкаведисты и начали вызывать некоторых по фамилиям. Вызвали и меня. Двое наивных отозвалось. Их сразу отвели в баню и там расстреляли. Под вечер прилетели немецкие самолеты. После этого налета нас сразу начали делить на группы по "преступлениям". Одних направляли направо, других — налево. С несколькими моими товарищами я попал в левую группу. В ней насчитывалось

около 700 заключенных. Ночью нас вывели из тюрьмы и под сильной охраной погнали в восточном направлении. Пройдя 3—4 км, мы вошли в лес и сзади слышали выстрелы. Оказалось, что начали стрелять в задние ряды колонны. Каждого брали за шиворот и убитого отбрасывали в сторону. Все прибавили шагу. Тогда шедшие сбоку энкаведисты открыли огонь. Мы бросились на землю. Как раз в это время подъехали машины с солдатами Красной армии, которые в панике бежали от немцев. Услышав стрельбу впереди, они решили, что это немецкая диверсия в тылу, и тоже открыли огонь — как по нам, так и нашему конвою. Только через некоторое время недоразумение выяснилось.

Конвой НКВД пропустил машины, которые буквально проехали по лежащим на дороге заключенным.

Когда красноармейцы уехали, наши конвоиры закричали:

”Бегите в лес! Будем стрелять!”

Я лежал на дороге рядом с Витольдом Дашкевичем из Лиды и держал его за руку. Когда он после этого приказа, захотел вскочить, я удержал его. Однако большинство вскочило и тогда конвой начал стрелять из автоматов и бросать гранаты. Грохот выстрелов и взрывов заглушал стоны раненых и умирающих. Мы поползли к придорожной канаве, в которой переждали стрельбу. Потом мы выползли из нее и убежали в лес.

Таким образом нам удалось ускользнуть из рук наших палачей. Это происходило в ночь с 27 на 28 июня 1941 г. Отбежав примерно на километр, мы остановились отдохнуть на краю какой-то поляны. Вскоре прибыли другие уцелевшие. Нас собралось 37 человек.

Группа, направленная в Игумени направо, была отведена на поляну в лесу, окружена и перестреляна из автоматов. Из этой группы спасся только один тяжело раненый. Немцы взяли его в госпиталь. Через некоторое время он вернулся домой.

Людей, оставшихся в игуменской тюрьме, спасли местные жители, когда энкаведисты бежали. Одна из групп, которая не дошла до Игумени, была уничтожена вблизи города. Из нее выделили 11 уголовников, к которым обратился с речью капитан НКВД:

”Сталин дарует вам жизнь и приказывает защищать родину!”

Среди тех, кому удалось притвориться уголовником, был подручник Санковский, позднее попавший в лагерь для военнопленных

в Германии, в Лангвассере. Пережитое им он описал в своих записках. Не знаю, что случилось с другими группами, этапированными из Минска.

После трехдневных блужданий по лесам и болотам мы решили зайти в какую-нибудь деревню, сориентироваться в положении и поесть. Мы удачно попали в ничейную зону. Потом нас окружили немецкие патрули и направили в лагерь в Минск.

Полковник Шляский упоминает, что дорогу, которую он прошел, местные жители называли "дорогой смерти". Это название, надо признать, столь же банально, сколь точно. Подобную дорогу прошли в те времена десятки тысяч других заключенных. Никого не хотели оставить, никого — выпустить живым.

* * *

Ныне почти вся мировая общественность, постоянно знакомясь с описаниями немецких массовых убийств и немецких концлагерей, ничего не знает или не хочет знать о злодеяниях, совершенных большевиками во время их отступления летом 1941 года. Вдоль всей пограничной полосы были разбросаны многочисленные тюрьмы. Когда их открыли после отступления Красной армии, там были обнаружены груды трупов.

Вот что говорит в показаниях за № 15741 свидетель-очевидец из села Васьковиче Дзисненского уезда Виленского воеводства:

...Когда в 1941 г. большевики отступали от немцев, они пытались убить всех приходских священников. Наш ксендз бежал из местечка и скрывался в деревне. В приходе в Язно большевики его схватили.

А вот из картотеки свидетельство за № 15744 жителя местечка Вязьнь Вилейского уезда того же воеводства:

Когда после бегства большевиков открыли тюрьму в Вилейке, глазам местных жителей представилась страшная картина убитых энкаведистами заключенных. В одной камере висел на колючей проволоке труп человека, повешенного за челюсти; в другой — несколько голых мужчин и женщин без ушей, с выколотыми глазами. В саду, по соседству с тюрьмой привлекла внимание свежевзрыхленная земля. Ее раскопали и нашли сотни человеческих трупов. Это были жертвы массового истребления людей органами НКВД.

Более широкую известность приобрело массовое убийство в большой тюрьме в Березвече Виленского воеводства. В ней сидели, главным образом, местные крестьяне, обвиненные во враждебном отношении к советской власти. Когда началась война, их не успели эвакуировать и просто всех убили. Через несколько часов после прихода немцев ворота тюрьмы были открыты и в ней насчитали около 4 000 трупов (см. Приложение 6).

Характерным было массовое убийство в советском концлагере в Провенишках. На основании позднее собранных сведений, документов и рассказов двух единственных свидетелей, которым удалось избежать кровавой расправы, дело выглядело следующим образом.

Провенишки находятся на территории Литовской республики. Во время советской оккупации 1940—1941 годов и создания так называемой Литовской ССР там был устроен концлагерь для уголовных и политических преступников. В начале войны с немцами часть заключенных вывезли. Осталось около 500 человек, которых охраняла литовская милиция, организованная большевиками. В момент, когда казалось, что Красная армия уже ушла, милиционеры сорвали красный флаг и вывесили национальный литовский. Через некоторое время к концлагерю подъехали танки, которые лагерная охрана приняла вначале за немецкие. Танки, однако, оказались советскими...

Большевики окружили лагерь, сначала перебили тюремную охрану, обвинив ее в измене, а потом приказали заключенным собраться на дворе. Тогда въехали танки и открыли огонь из пулеметов. Толпа заключенных, видя, что она окру-

жена, охваченная ужасом, все плотнее и плотнее сбивалась в кучу. Каждый искал спасения и прикрытия под телами товарищей, еще живых или сраженных пулями.

Вскоре 500 человек лежали вповалку на земле. Тогда подошли солдаты и штыками принялись добивать раненых или подающих хоть какие-нибудь признаки жизни. Из общего числа выжило двое. Один раненый, но недобитый, а другой вообще невредимый, который, упав и вымазав свою голову кровью и мозгами убитого, лежал неподвижно, притворяясь мертвым. Эти двое выживших подробно рассказали о том, как проходила бойня.

Однако самым нашумевшим массовым убийством в Польше, совершенным советской властью, была кровавая расправа с заключенными во львовских тюрьмах при приближении немцев в 1941 году.

Этот факт, как и другие подобные ему, широко использовала немецкая пропаганда: в прессе публиковались обширные репортажи и фотографии, во Львов приглашали иностранных корреспондентов. Во Львове было убито свыше 1 200 человек, которых не успели вывезти в глубь СССР.

Из польских источников по этому делу еще до сих пор не собраны исчерпывающие материалы. Только профессор Владислав Студницкий, который во время немецкой оккупации собирал во Львове материалы о советской оккупации, издал впоследствии брошюру "Советское господство в Восточной Польше 1939—1941", пишет коротко на стр. 45:

Накануне отступления советской власти и армии из Львова начались расстрелы. Жертвами стали прежде всего те, оставить которых живыми советские власти считали наиболее нежелательным. Расстрелы происходили следующим образом: заключенного вызывали, вели в погреб и по дороге, совсем для него неожиданно, убивали выстрелом в затылок. Так были расстреляны 600 украинцев, 400 поляков и 220 евреев.

Подобные кровавые расправы, как уже упоминалось, проходили на огромной территории от Финского залива до Черного моря. Несколько позже была открыта, пожалуй, самая большая массовая могила в Виннице, на Украине. Там совет-

ские власти убили всех украинцев, которые были арестованы за проявление политических самостоятельных тенденций.

* * *

На фоне новой войны и всех кровавых событий, потрясших основы мира, судьба 15 тысяч интернированных (а в СССР считавшихся военнопленными) польских военных, уже полтора года пропавших без вести, казалось, начала блекнуть, и вопрос о них — затихать. Но именно этот новый водоворот военных событий, советские поражения и их влияние на соотношение международных сил, выбросили на поверхность загадку чудовищного преступления, как волны, взъяренные вихрем, вздымают какой-нибудь предмет, уже давно погребенный на дне моря, и являют его глазам изумленных моряков.

Г л а в а 8

ПО ЗАПУТАННЫМ СЛЕДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Что говорят Сталин, Молотов, Вышинский о загадочном исчезновении польских офицеров? — Тщетные поиски. — Дипломатические ноты и конференции. — Советский ответный меморандум заканчивает дискуссию.

Начиная с первого дня войны советские поражения принимали все большие и большие размеры. Под влиянием изменившегося политического положения Советский Союз переходит в лагерь союзников и просит у них помощи, на которую

Черчилль действительно не скупится. В июле 1941 г. Советский Союз, стоя на краю пропасти, готов на все уступки и на любое соглашение, которое помогло бы приостановить победоносное продвижение немецких армий. В таких условиях наступает сближение, а затем заключается договор между польским правительством в Лондоне и СССР.

Для этого соглашения было много причин. Прежде всего, общий враг — Германия. Но... разве Советский Союз в отношении Польши не оказался точно таким же агрессором, а с некоторых точек зрения — даже худшим? Несомненно. Однако польское правительство решает вычеркнуть из памяти недавнее прошлое и советское предательство. Во-первых, его поощряет на этот шаг Великобритания; во-вторых, оно следует политической тенденции своего Главнокомандующего и премьер-министра в одном лице, генерала Сикорского, который всегда был сторонником соглашения с СССР; в-третьих, с точки зрения реальной, практической пользы, заключающейся в освобождении всех пленных и огромной массы польского гражданского населения, вывезенного в СССР, численность которого, по предварительным подсчетам, достигала приблизительно полутора миллиона человек; и, наконец, в-четвертых, польское правительство в Лондоне не знало, что 15 тысяч польских военнопленных, в том числе почти 9 тысяч офицеров, уже исчезло с лица земли. Ибо, собственно говоря, кто в то время знает что-либо об их судьбе? Кроме соответствующих советских властей — никто, ничего определенного.

Семьи на родине, перестав вдруг получать письма, начинают подозревать дурное, но отталкивают от себя страшные домыслы по поводу этой мрачной загадки.

Группа пленных за колючей проволокой в Грязовце опять-таки может строить догадки единственно на основании писем из дому.

Группа же полковника Берлинга — на основании слов, оброненных Берией.

Но польское правительство в Лондоне не имело прямого контакта с семьями пленных, никакого контакта с лагерем в Грязовце, никакой связи с группой Берлинга в Малаховке.

Итак, заключая договор с Советским Союзом, польское правительство не ставило иных требований, кроме восстанов-

ления status quo 1939 года и... bona fide требует освобождения всех военнопленных и вывезенного в СССР польского гражданского населения.

Эти требования были подробно изложены:

- (а) в ноте от 8 июля 1941 г., врученной министру Идену польским министерством иностранных дел;
- (б) в проекте польско-советского договора от 12 июля того же года.

В результате 30 июля 1941 года был подписан польско-советский договор, дополнительный протокол к которому гласил:

1. С возобновлением дипломатических отношений правительство СССР предоставляет амнистию всем польским гражданам, которые в данный момент лишены свободы как военнопленные или по другим причинам и находятся на территории СССР.

2. Данный протокол вступает в законную силу одновременно с договором от 30 июля 1941 года.

Польско-советский военный договор был подписан 14 августа 1941 года. С этого дня начинают вливаться в формирующуюся на территории СССР польскую армию освобожденные из лагерей и тюрем военнопленные* и гражданские лица, вывезенные большевиками во время их вторжения в Польшу. Однако вскоре польское командование в СССР устанавливает, что не хватает многих известных офицеров, о которых оно достоверно знало, что они попали в советский плен в 1939 г. Например, не хватало офицеров из группы генерала Андерса во главе с начальником штаба майором Солтаном, не хватало долголетнего адъютанта ген. Сикорского майора Фурмана, не хватало многих полковников и даже генералов. По истечении некоторого времени было установлено, что не достаёт и ряда офицеров низших рангов. Дальше, по мере притока пленных в армию, обнаружилось, что недостающих больше, чем прибывающих. Польские власти, озадаченные этим фактом, сначала обращаются к советским офицерам связи. Те, со своей стороны, дают уклончивые ответы, гово-

* Главным образом, интернированные в свое время в Литве и Латвии и попавшие в советские руки после захвата этих государств Советским Союзом.

рят об освобождении значительного числа пленных еще в 1940 году и об отправке их в Польшу.

Но польские власти находятся в непосредственной связи с освобожденными пленными из группы лагеря в Грязовце. От них они узнают, что недостающих офицеров нет и на родине, так как они получали от их семей тревожные письма с вопросами о судьбе последних. Итак, объяснения советских офицеров связи неудовлетворительны. Это пока что держится в тайне. Польское командование отдает распоряжение, направленное властям подпольного движения под немецкой оккупацией, чтобы они проверили советскую версию. Может быть, немцы поместили их в лагерь для военнопленных? Одновременно при командовании Польских вооруженных сил в СССР создается специальный отдел, в задачи которого входит составить список пропавших.

Следует подчеркнуть, что несмотря на многие улики, в первой стадии контакта с советскими властями польские власти не хотели подвергать сомнению утверждения советского правительства. Никому не приходило в голову, что можно было просто уничтожить такое количество офицеров и рядовых. Строились предположения, что халатность и нечестность местных властей препятствовали освобождению пленных или что причиной тому были огромные транспортные трудности, с которыми во время войны Советскому Союзу приходилось бороться.

Польским послом в Москве был тогда назначен Станислав Кот — кстати, явный сторонник союза с СССР. По странному стечению обстоятельств, именно ему выпали на долю главные хлопоты, которые впоследствии недвусмысленно осветили катынскую загадку. Потом этот человек перешел на сторону квислинговского "варшавского правительства", подчиненного Москве и в 1945 году был назначен его послом в Риме... Но тогда он действовал, как и другие, добросовестно, и его переговоры и ходатайства, записанные и точно запротоколированные, сегодня представляют собой архив, органически связанный с катынским делом и делами о других преступлениях.

Первый разговор на тему о пропавших без вести пленных состоялся между ним и заместителем наркома иностранных

дел СССР Вышинским 20 сентября 1941 года.

Через семь дней, 27 сентября, посол Кот вручает советскому правительству ноту, в которой перечисляет ряд случаев, в которых советские власти:

(1) задерживают польских граждан в индивидуальном или групповом порядке в исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах;

(2) препятствуют связи с польским посольством;

(3) препятствуют польским гражданам свободно выбирать или менять местожительство;

(4) заставляют их по-прежнему работать в качестве заключенных;

(5) отказываются выдавать свидетельства об амнистии.

6 октября Кот и Вышинский встречаются снова, а 13 октября польское посольство вручает новую ноту по поводу невыполнения советских обязательств, касающихся освобождения польских граждан из лагерей.

С 30 июля, дня подписания договора, прошло уже два с половиной месяца. Где находится больше 8 тысяч польских офицеров? Где остальные 7 тысяч военнопленных? Господин посол не хочет раздражать советское правительство и готов проявить терпение. Кроме того, ожидают приезда в СССР самого генерала Сикорского. 14 октября, на следующий день после вручения ноты, Станислав Кот говорит Вышинскому:

— Я надеюсь, что, когда генерал Сикорский приедет, он уже найдет всех своих офицеров.

— Мы отдадим вам всех людей, которые у нас есть, — отвечает Вышинский, — но мы не можем отдать вам тех, которых у нас нет. Например, англичане дают нам фамилии своих людей, которые якобы находятся в СССР, но которых в действительности здесь никогда не было.

И замнаркома пожимает плечами, словно он впервые слышит о том, что в Советском Союзе, где на учете не только люди, но и их поступки и слова, еще в 1940 году должно было находиться 15 тысяч заключенных в лагеря офицеров и рядовых польской армии. И это он, бывший генеральный прокурор самого полицейского государства в мире!

Генерал Сикорский желает поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом. По этому поводу у него возникают

трения с собственным правительством и польской общественностью, которые не могут простить причиненных несправедливостей. Они не могут переварить этот союз с врагом. Сикорский ставит текущие политические соображения на первое место, а жалобы, протесты и слухи о пропавших военнопленных считает злобными сплетнями и пораженчеством. Он не верит, что люди могли пропасть бесследно.

— Найдутся! — говорит он. — Вы же не станете утверждать, что советское правительство приказало их просто убить. Нелепость! Это невозможно.

Полон надежд, он ждет результатов проверки на родине, оккупированной немцами. И вот наконец приходит оттуда весть, страшная весть: "Никто в Польше не видел на свободе разыскиваемых офицеров. Их нет и в немецких лагерях для военнопленных. Никто не слышал о какой бы то ни было передаче их на границе. Все семьи в один голос утверждают, что переписка с ними прекратилась в апреле-мае 1940 года, когда они еще несомненно были в советских руках".

Сикорский связывается с польским посольством в Москве. Посол отвечает, что по-прежнему не удалось напасть на след этих людей. Тогда 15 октября 1941 г. польский премьер-министр, по-прежнему придерживаясь принципа дружественных переговоров, обращается к советскому послу в Лондоне с личным письмом. На свое письмо он не получает ответа... После этого он распоряжается предпринять более энергичные шаги в Москве.

22 октября посол Кот идет непосредственно к Молотову. Ссылаясь на предыдущие разговоры с Вышинским, он говорит:

— Я дал господину Вышинскому ряд примеров, в какие места не дошло распоряжение об амнистии и какие категории наших граждан, как, например, офицеры, судьи, прокуроры, полицейские, не были освобождены.

Отвечая, Молотов больше откашливался, чем говорил. Ничего удивительного: поздняя осень, в центральной России холода. Все простужены. Нет топлива. Война. Из того, что он проямлил, можно было разобрать:

— В связи с большими транспортными и административными трудностями... кое-где они несомненно остались на

прежних местах жительства.

В общем, польская сторона довольна таким ответом. В конце концов, Молотов не какой-то беспризорный, бездомный парнишка, который может молотить, что ему придет в голову. Он занимает слишком высокое положение и вполне отвечает за свои слова, хотя и сказанные хриплым голосом. Эти слова надо понимать как подтверждение оптимистических прогнозов о том, что пленных, вероятно, вывезли на дальний Север и в настоящее время, по техническим причинам, их невозможно вернуть.

Кроме того, 1 ноября посол Кот вручает Молотову ноту секретного содержания. Дело было в том, чтобы как-то решить вопрос о пленных до ожидаемого приезда генерала Сикорского. Одновременно Кот желает встретиться с Вышинским. Беседа на эту тему, четвертая по счету, происходит на другой день, 2 ноября. Сославшись на мнение Молотова о том, что, наверно, только технические трудности препятствуют возвращению пленных, польский посол просит лишь об одном:

— Нельзя ли связаться с ними хотя бы по телеграфу? В конце-то концов, кто-нибудь должен знать, где они находятся?

Вышинский был в этот день определенно не в духе. Он пожал плечами:

— Так где же, по-вашему, они могут быть?

Кот перечислил несколько названий предполагаемых лагерей. Вышинский опять пожал плечами.

— Сколько уже времени прошло со дня подписания договора, — продолжал Кот после минутного молчания, — а многие из наших людей не обрели свободу, которая полагается им по праву. Мы не получаем от них даже писем или телеграмм. У нас нет их адресов. А между тем, вы, господин заместитель народного комиссара, 14 октября обещали мне предоставить интересующие меня данные на следующий день.

— Да, я действительно это сказал, но 15-го началась эвакуация из Москвы, и связь между отдельными учреждениями стала затруднительной...

— Руководство НКВД или ГУЛаг располагают соответствующими данными. Пожалуйста, предоставьте мне возмож-

ность выслать делегатов, которые в сопровождении сотрудников НКВД объехали бы лагерь с заключенными в них нашими людьми, оказали бы им помощь, ободрили бы их и этим самым помогли бы им пережить зиму.

— Вы, господин посол, ставите вопрос так, как будто нам хочется прятать каких-то польских граждан. Где же они?! — И Вышинский хлопнул себя по коленям. Потом отвернулся и посмотрел в окно. За окном тихо, беззвучно падал снег. Оба закурили папиросы. Польский посол затянулся дымом, сел поудобнее в кресле и сказал:

— Данные, которыми я располагаю, почерпнуты из показаний и протоколов свидетелей-очевидцев. Они видели, что в то или иное время то или иное число наших офицеров было вывезено в неизвестном направлении. Если бы я получил от вас точные данные, я бы воспользовался ими. Ведь люди — это не пар и не снег, который вот теперь идет, а весной растает...

Вышинский ответил:

— Некоторое число людей из ваших списков уже нашлось, а других мы разыскиваем. Когда у меня будут остальные фамилии, я смогу обратиться к соответствующим властям и даже наказать кого следует. Эти дела в моей компетенции, так как мне подчинен польский сектор наркомата иностранных дел.

Через десять дней, 12 ноября, во время пятой беседы с Котом, Вышинский сказал:

— Я уверен, что офицеры уже освобождены. Надо только удостовериться, где они. Если кто-нибудь из них еще не на свободе, то он, конечно, будет освобожден. Для меня этот вопрос вообще не существует.

Но офицеры не появлялись.

* * *

Ввиду постоянных уверток, уловок и новых версий, которыми отделялись советские власти, польское правительство, бессильное добиться правды, обратилось к британскому правительству с просьбой о посредничестве. 3 ноября после-

довало британское дипломатическое вмешательство. 8 ноября нарком Молотов направил ноту, в которой находился следующий параграф:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа с. г. об амнистии, все польские граждане, которые были лишены свободы как военнопленные или же на иных достаточных основаниях, освобождены, причем определенным категориям освобожденных и военнопленных была оказана советскими властями материальная помощь (бесплатные билеты на проезд по железным дорогам и водным путям, суточные на питание в пути и др.).*

Из этой ноты ясно следует, что все пленные освобождены. В таком случае, где генералы, полковники, тысячи офицеров низших рангов?! Где вся полиция и жандармерия, вывезенная в 1939 году в лагерь в Осташкове?!..

Ходят слухи, что они где-то в концлагерях на Крайнем Севере. Но вот 14 ноября советский посол при польском правительстве в Лондоне Богомолов вручает польскому послу Рачинскому ноту, в которой, в частности, сказано:

Все польские офицеры, находящиеся на территории СССР освобождены. Высказанные председателем совета министров предложения о том, что большое число польских офицеров рассеяно в северных областях СССР явно основаны на неточных сведениях.**

В тот день, когда в Лондоне посол Богомолов отнимал таким образом у польского правительства последнюю надежду найти пропавших без вести военнопленных, надежду, за которую судорожно держались польские власти, внушая себе и

* "Dokumenty i materialy do historii stosunkow polsko-radzieckich." [Polska Akademia Nauk i Akademia Nauk SSSR] Tom VII: styczen 1939–grudzien 1943. Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1973. Стр. 269. /Русский текст. Копия, машинопись. Оригинал: АВП СССР, ф. 06, оп. 3, п. 25, д. 236, лл. 26-28. *Примечание переводчика.*/

** "Documents' on Polish-Soviet Relations 1939–1945." Edited by the General Sikorski Institute. Volume 1: 1939–1943. London, Melbourne, Toronto: Heinemann, 1961. Стр. 204. /Французский текст. *Примечание переводчика.* /

советским властям, что военнопленные находятся где-то на Крайнем Севере... — того же 14 ноября посол Кот добивается встречи с самим диктатором Советского Союза Иосифом Сталиным. Сталин принял его в присутствии Молотова. Этот разговор, как и все предыдущие и последующие, был записан сразу после его окончания.

Посол Кот, величая Сталина "Господином президентом", затронул ряд текущих, требующих урегулирования вопросов, которые возникли в связи с новоустановленными польскими отношениями.

Сталин имел привычку во время разговоров, особенно слушая кого-нибудь, класть перед собой листок бумаги и чертить карандашом человечков, геометрические фигуры, а иногда цифры. Никому собственно не удавалось рассмотреть эти рисунки, так как диктатор шестой части земного шара, неожиданно нервным движением замазывал нарисованное, чаще всего мял бумагу, бросал ее в угол, брал чистый лист и опять начинал рисовать. Рисовал и рисовал без конца. Но при этом слышал каждое слово, потому что когда вставлял что-нибудь, то всегда кстати.

— Я уже отнял у вас, господин президент, много времени, хотя знаю, что вы заняты очень важными делами. У меня есть к вам еще одно дело, которое я хотел бы затронуть.

— Пожалуйста, господин посол, — любезно ответил Сталин, кивнув головой, склоненной над бумагой, на которой рисовал пику. Обыкновенную казачью пику.

— Вы инициатор амнистии для польских граждан в СССР. Не могли бы вы повлиять, чтобы этот ваш шаг был полностью приведен в исполнение?

— О, неужели есть еще неосвобожденные поляки? — воскликнул Сталин, как будто впервые слыша об этом.

Молотов, сидевший по другую сторону стола, не моргнул и глазом.

— Из лагеря в Старобельске, ликвидированного весной 1940 года, у нас еще нет ни одного офицера... — и Кот хотел говорить дальше о Козельске и об Осташкове, но Сталин его перебил.

— Я рассмотрю это дело. Однако с освобожденными по-разному бывает. Как фамилия командовавшего обороной

Львова? Если не ошибаюсь, генерал Лангер?

— Генерал Лангнер, господин президент, — поправил посол.

— Да, конечно, генерал Лангнер. Мы освободили его еще в прошлом году. Привезли его в Москву, разговаривали с ним. А он бежал за границу, кажется, в Румынию.

Молотов утвердительно кивнул головой.

— Наша амнистия не знает исключений, — продолжал Сталин, — но с некоторыми военными могло случиться то, что случилось с генералом Лангнером.

— У нас есть именные списки, — ответил Кот, — например, до сих пор не нашелся генерал Станислав Галлер, не хватает нам офицеров из Старобельска, Козельска и Осташкова, вывезенных оттуда в апреле-мае 1940 года.

— Мы освободили всех, даже тех, кого присылал генерал Сикорский с целью взрывать мосты и убивать советских граждан. Даже этих людей мы освободили, — Сталин смял бумагу и бросил под стол. — Впрочем, это не генерал Сикорский их присылал, а его начальник штаба Соснковский.*

— Итак, господин президент, моя просьба к вам, — снова заговорил посол Кот, — состоит в том, чтобы вы были так добры распорядиться освободить офицеров, которые нужны нам для организации армии. У нас в руках протоколы о том, когда их вывезли из лагеря.

— А есть точные списки? — спросил Сталин с оттенком определенной заинтересованности. Встал и начал ходить по комнате. Туда и обратно, туда и обратно.

— Все фамилии записаны у всех советских начальников лагерей, которые каждый день вызывали всех пленных на проверку. Кроме того, НКВД вел следствие с каждым в отдельности. Не вернули ни одного офицера из штаба армии генерала Андерса, которой он командовал в Польше.

Сталин вдруг остановился, закурил папиросу, выслушал внимательно последние слова и подошел к телефону, стоявшему на столе, за которым сидел Молотов. Быстрым движением снял трубку... и в эту минуту Молотов, по лицу кото-

* Генерал Казимеж Соснковский никогда не был начальником штаба генерала Сикорского, а был военным министром в его правительстве, а позднее главным командующим.

рого скользнула едва заметная улыбка, сказал: "Это не так надо соединять...", — передвинул переключатель и опять сел, на этот раз за главный стол для совещаний.

В комнате царил тишина. Сталин звонил в НКВД.

— ...У аппарата Сталин. Все поляки освобождены из тюрем?.. — Минута молчания. Слушает. — А то у меня тут польский посол, который утверждает, что не все... — опять слушает, потом кладет трубку и, вернувшись к столу для совещаний, меняет тему разговора. Прошло 5—8 минут и вдруг зазвонил телефон. Сталин взял трубку сам. Слушал. Раз только буркнул что-то под нос, но не сказал ни слова. Положил трубку, вернулся на свое место и на этот раз молчал. Посол Кот почувствовал, что его аудиенция кончилась.

Иосиф Сталин ясно сказал, что он не знает, где находятся военнопленные, которые в 1939/1940 году были в лагерях в Козельске, Осташкове и Старобельске, и какая судьба их постигла...

А с польской стороны все еще не допускали мысли, что все 15 тысяч недостающих военнопленных могли навсегда исчезнуть! Вопреки ноте Богомолова, вопреки советским заверениям о том, что ничего неизвестно о таких военнопленных. Поляки не верили советским властям, что эти военнопленные освобождены в 1940 году и что их нет на территории СССР. Наоборот, они утешались тем, что военнопленные попали в крайне тяжкие условия существования и теперь советское правительство пытается как-то затушевать дело, создать проволочку, может быть, провести их освобождение поэтапно... а может быть, оно действительно не в состоянии доставить их из-за полярного круга. Зима. Страшная зима стояла во всей стране. И в самоутешении сказывалась тревога: как они живут там, в промерзлых советских концлагерях за полярным кругом.

* * *

Первый разговор со Сталиным состоялся 14 ноября 1941 года. С того времени, в ожидании приезда в СССР генерала Сикорского, никаких шагов не предпринималось.

1 декабря польское посольство приготовило для Сикорского "Записку по делу интернированных военнослужащих польской армии из лагерей в Старобельске, Козельске и Осташкове". Записка эта подтверждала несомненный факт: свыше 98% всех офицеров и солдат было вывезено из трех вышеупомянутых лагерей весной 1940 года, и их след затерялся.

Генерал Сикорский прибыл в Москву, внимательно изучил записку, взял с собой генерала Андерса, назначенного в то время командующим всеми формирующимися в СССР польскими войсковыми подразделениями, посла Кота и отправился в Кремль. Там, а дело было 3 декабря 1941 года, он был принят Сталиным, как всегда, в присутствии Молотова.

Генерал Сикорский: ...Господин президент, я утверждаю, что объявленная вами амнистия не проводится в жизнь. Многие, притом самые ценные наши люди, все еще находятся в лагерях и тюрьмах.

Сталин (рисуя): Это невозможно, так как амнистия касалась всех и все поляки освобождены. (Последние слова он говорит, обращаясь к Молотову, а тот утвердительно кивает головой.)

Генерал Сикорский (берет из рук Андерса список): Это не наше дело предъявлять точные списки наших людей, так как они есть у начальников лагерей. У меня с собой список около четырех тысяч офицеров, которых силой вывезли и которые до сих пор находятся еще в тюрьмах или в лагерях. Это неполный список — в нем только фамилии, включенные по памяти. Я распорядился проверить, нет ли их в Польше, с которой у меня постоянная связь. Оказалось, что там нет никого из них, так же, как их нет и в лагерях для военнопленных в Германии. Эти люди находятся здесь. Никто из них не вернулся.

Сталин: Это невозможно! Они бежали.

Генерал Андерс: Куда же они могли бежать?

Сталин: Ну, в Маньчжурию, например...

Генерал Андерс: Невозможно, чтобы все они сумели бежать... Большинство офицеров, упомянутых в списке, я знаю лично. Среди них — мои штабные офицеры и командиры.

Сталин: Их наверняка освободили, но они не успели еще

приехать.

Генерал Сикорский: Россия — большая страна, и она испытывает большие трудности. Быть может, местные власти не исполнили приказа? Если бы кто-нибудь выбрался за границу, он, вне сомнения, явился бы ко мне.

Сталин: Советское правительство не имеет ни малейшей причины задерживать хоть кого-либо из поляков.

Молотов: Мы задержали только тех, кто после начала войны совершил преступления: производили диверсии, устанавливали радиостанции и т. п. В них вы, вероятно, не заинтересованы.

Кот: Конечно, нет. Но я просил, чтобы нам дали списки этих людей, так как в очень многих случаях обвиняются настоящие патриоты и ни в чем неповинные люди.

Молотов поддакивает.

Генерал Сикорский: Было бы хорошо, чтобы вы, господин президент, выступили по этому делу с публичным разъяснением, которое коренным образом изменило бы подход к полякам в Советской России. Они ведь не туристы, а люди, насильно вывезенные из Польши. Они попали сюда не по собственной воле, но были вывезены и много выстрадали.

Сталин: Это будет сделано. Специальные распоряжения будут даны исполнительным властям. Однако нужно понять, что мы ведем войну.

Этот разговор еще больше убедил польскую сторону в том, что недостающие пленные живы и что держат их на Крайнем Севере или на Дальнем Востоке, судя по намеку Сталина, что "пленные бежали в Маньчжурию", а затем по словам, что "все освобождены", но "еще не все успели приехать" и, наконец, что он даст "специальные распоряжения исполнительным властям".

После этого разговора в Кремле наступил короткий перерыв в дипломатических демаршах. Польские военные власти предприняли розыски пленных собственными силами и назначили для этой цели уже упоминавшегося майора Юзефа Чапского, освобожденного из лагеря в Грязовце, который, минуя все промежуточные инстанции, направился прямо к генералу Наседкину, начальнику всех концентрационных лагерей (ГУЛаг), а затем к генералам НКВД Бзырову и

Райхману (см. Приложение 7). Его миссия кончилась полной неудачей. Никто из советских сановников "не знал", что случилось, что вообще могло случиться с 15 тысячами польских пленных!

Тем временем календарь уже перевалил за Новый год и указывал 1942.

28 января польское правительство в Лондоне еще раз приняло дипломатический шаг по поводу недостающих пленных. Это была очередная, сорок девятая нота. С советской стороны на нее не последовало ответа.

Итак, ждали.

Ждали в январе, ждали в феврале. Пытались переждать зиму. Все с глазами, устремленными на Крайний Север. Чтобы понять эту идею польских властей, граничившую с ослеплением, почти с маниакальным упорством, с каким все надежды возлагались на полярный круг, нужно отметить, что именно за полярным кругом находилось большинство советских концлагерей, в которых сидели не тысячи, а миллионы заключенных! Эта надежда усиливалась постоянно прибывавшими оттуда, в единичном и групповом порядке, поляками, которые действительно, проезжая через северную тундру и тайгу, где-то по дороге, на этапах, в пересыльных лагерях натыкались в последние месяцы на следы каких-то польских пленных. Однако это была ошибка, так как здесь речь шла не о пленных из Козельска, Осташкова и Старобельска, а о тех, кто был интернирован в прибалтийских государствах, кого советская власть захватила вместе с этими государствами и сослала на север в каторжные трудовые лагеря. В суматохе войны, путанице дат и человеческих судеб легко было допустить подобную ошибку. Потом думали, что когда тронется лед... Но лед там трогается очень поздно.

Не ожидая ледохода и пока еще снег толстым слоем покрывал Россию, 18 марта 1942 года генерал Андерс в сопровождении своего начальника штаба, полковника Окулицкого, опять просит аудиенцию у всемогущего. Сталин принял их в Кремле в присутствии Молотова.

Андерс описывает положение польской армии, формирующейся в СССР, и говорит:

— Нам по-прежнему не хватает офицеров. До сих пор нет

офицеров из Козельска, Старобельска и Осташкова. Они все-таки должны быть где-то у вас. Мы собрали дополнительные сведения, — он вручает два списка, которые Молотов берет у него из рук. — Куда же они могли деваться? У нас есть следы их пребывания на Колыме.

Сталин, с папиросой во рту, марая бумагу, отвечает:

— Я уже отдал приказ их освободить. Говорят даже, что они на Земле Франца-Иосифа, а там ведь никого нет. Не знаю, где они. Да и зачем нам их держать? Может быть, они в лагерях на территории, занятой немцами, может, разбежались...

— Это исключено, об этом мы знали бы, — вставил полковник Окулицкий.

— Мы задержали только тех поляков, которые состоят на службе у немцев, — сухо ответил Сталин и переменял тему разговора.

”На территории занятой немцами?” ”Разбежались?” Откуда они могли разбежаться? В какой местности, из какого лагеря? Когда они могли оказаться на этой территории?..

И вот тут, после восьми месяцев напрасных поисков, после сорока девяти дипломатических нот, после неисчислимых совещаний, стараний, хлопот, просьб, на которые был лишь один ответ ”не знаем” или ”мы их отдали еще в 1940 году”, — Сталин произносит пока еще малопонятную фразу. Просто так, невзначай, пуская папиросный дым и отрывая глаза от бессмысленного листка бумаги, на котором он рисовал на этот раз какого-то фантастического быка... Пришла ему эта мысль в голову неожиданно или была обдумана раньше? Или это был пробный шар, который годом позже станет основой официальной советской версии? Или решительный поворот советской политики в этом щекотливом деле, созданном настойчивостью польской стороны? Вряд ли это был такой поворот, ибо в дальнейших переговорах и официальных ответах советская сторона пока не вернется к этому заявлению и отнюдь не воспользуется словами, брошенными Сталиным сквозь папиросный дым.

Совсем наоборот. 19 мая 1942 года польское правительство вручило еще один меморандум о затерявшихся польских пленниках и еще одну ноту — 13 июня того же года (см.

Приложение 8), НКВД сделал в ответном меморандуме от 10 июля 1942 года следующее заявление:

Известно, что многие польские граждане, освобожденные еще до издания указа об амнистии, уехали из СССР на родину. Необходимо также отметить, что многие польские граждане среди освобожденных на основании указа бежали за границу, причем некоторые из них в Германию... Наконец, в связи с неорганизованными переездами зимой 1941 года из северных областей СССР в южные, которые происходили вопреки многократным предупреждениям Народного Комиссариата, какая-то часть польских граждан подверглась в дороге заболеваниям и была высажена на разных станциях, причем некоторые из них умерли в дороге. Все эти обстоятельства могли, естественно, стать причиной того, что некоторое число польских граждан не дало знать о себе.

8 июля, за два дня до этого окончательного, закрывающего дискуссию советского заявления, господин Кот в сопровождении поверенного в делах Сокольницкого нанес прощальный визит Вышинскому, и в разговоре, имевшем скорее частный характер, Вышинский сказал:

— Что касается мнимого задерживания поляков в тюрьмах или в лагерях, то я должен заверить вас, господин посол, что я расследовал это дело и их там действительно нет. Офицеров нет ни на дальнем, ни на ближнем севере, вообще нет нигде. Может быть, они находятся за пределами СССР, может быть, часть их умерла... Все освобождены. Частично они были освобождены еще до нашей войны с Германией, частично — позже.

— Что касается офицеров, — ответил Кот, — то должен сказать, что именно из Польши я получаю самое большое количество запросов от их семей, обеспокоенных их судьбой, так как их там нет. Нет ни одного.

— Если наших пленных освободили, — вмешался Сокольницкий, — то я прошу предоставить мне списки освобожденных, с указанием числа и места освобождения. Советское правительство многократно составляло списки военнопленных и предоставление нам такого списка не должно представлять трудности.

Вышинский развел руками:

— К сожалению, у нас таких списков нет.

* * *

Польско-советские отношения начали портиться. Оказалось, что советское правительство, остановив первый немецкий удар, ни в коем случае не собиралось отказываться от половины Польши, которую оно аннексировало при поддержке той же Германии в 1939/40 годах. Оно начало также создавать новые препятствия в формировании Польской армии. Это отразилось в последней ноте польского правительства, врученной в Москве 27 августа 1942 года, — последней перед решающим поворотом в этом деле.

...Это отрицательное отношение советского правительства к дальнейшему развитию Польской армии подтверждается также тем, что до сих пор не найдены свыше 8 тысяч польских офицеров, находившихся весной 1940 года в лагерях для военнопленных в Козельске, Осташкове и Старобельске, несмотря на многочисленные дипломатические демарши польского правительства и несмотря на то, что частичный список этих офицеров был вручен Председателю Совета Народных Комиссаров /Сталину/ генералом Сикорским в декабре 1941 года, а затем генералом Андерсом в марте 1942 года.

Однако это заявление не изменило принципиальной позиции советского правительства в вопросе о таинственной загадке исчезновения польских военнопленных. Эту свою принципиальную позицию советское правительство уточнило в вышеупомянутом меморандуме от 10 июля, где приведены только следующие причины исчезновения пленных:

- (1) уехали в Польшу;
- (2) бежали за границу;
- (3) умерли в дороге.

Советская сторона тогда не выдвигала никакой другой версии.

Глава 9

СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ НЕМЕЦКОГО РАДИО

**Все убиты выстрелом в затылок! — Под Смоленском
расстреляно 10 тысяч польских офицеров.**

И снова непроницаемый занавес прикрыл судьбу пропавших без вести. Непроницаемое молчание царило и в мировой прессе. Тщетные розыски польского правительства не оглашались, хотя высокопоставленные лица в американском и британском правительстве были, конечно, в курсе польско-советских переговоров, а англичане сами делали шаги в этом вопросе. В прессу это дело не попадало ввиду заботы, как говорилось потихоньку, о единстве лагеря объединенных наций, а еще тише — ввиду боязни шантажа с советской стороны, которая в любой момент могла пригрозить заключением сепаратного мира с Германией. Так прошла осень 1942 года, за ней зима, и наконец наступила весна 1943 года — месяцы, чреватые событиями, от которых зависели будущие судьбы мира.

Среди этих событий было одно, незначительное и почти неинтересное. К цепи бесконечных нарушений международного и военного права немцы добавили еще одно звено: на оккупированных территориях они начали принудительно вербовать людей на работу, непосредственно связанную с военными действиями. В числе завербованных оказалось немало поляков — рабочих, возчиков, шоферов и т. п., часть которых зачислили в организацию "Тодт". Многих из них еще летом 1942 года послали на восточный фронт.

А на восточном фронте, в частности, находился Смоленск, оккупированный немцами с июля 1941 года. В 12 километрах к западу от Смоленска лежит станция Гнездово. В четырех километрах от станции Гнездово тянется Катинский лес, а в нем так называемые "Козьи Горы", иначе Косогоры.

Недалеко от этих "Козьих Гор" жил старичок, крестьянин Парфен Киселев, которому в то время было 72 года.

И вот примерно в то же самое время, когда советское правительство вручило свой меморандум от 10 июля 1942 года, где заявляет, что ему неизвестно, что случилось с польскими военнопленными, примерно в то же самое время, когда посол Кот в последний раз беседует с Вышинским, в то же время, когда в туманном Лондоне польское правительство в изгнании составляет свою пятидесятую с чем-то ноту, — несколько поляков, насильно вывезенных немцами на принудительные работы под Смоленск, зашли в избу Парфена Киселева. О чем там в избе говорилось, Киселев никому не рассказывал в течение многих следующих месяцев. Чего бы ему язык распускать? Кому рассказывать? Там, на востоке, люди не болтливы...

Это был июль 1942 г.

И только 13 апреля 1943 года, в 9 часов 15 минут по нью-йоркскому времени, берлинское радио передает коммюнике следующего содержания:

Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых казней, произведенных большевиками, где ГПУ истребило 10 000 польских офицеров. Немецкие власти отправились в Косогоры, бывшую советскую здравницу, расположенную в 16 километрах к западу от Смоленска, где и сделали страшное открытие. Они обнаружили братскую могилу 28 метров длиной и 16 метров шириной, в которой были зарыты в 12 пластов 3 тысячи трупов польских офицеров. Они были в полном воинском обмундировании, некоторые связаны, у всех были pistolетные раны в затылке. Опознание трупов не представит трудностей, так как они находятся в состоянии мумификации ввиду особенностей почвы, а также потому, что большевики оставили на их телах личные документы. Уже сегодня установлено, что в числе убитых находится, в частности, генерал Сморовинский из Люблина. Офицеры находились сначала в Козельске под Орлом, откуда в феврале-марте 1940 года были перевезены в вагонах для скота под Смоленск, а оттуда на грузовиках в Косогоры, где большевики их всех перебили. Поиски и раскрытие новых братских могил продолжаются. Под уже

раскопанными пластами находятся еще другие пласты. Общее число убитых офицеров исчисляется в 10 тысяч, что более или менее отвечает численности всего польского офицерского состава, взятого в плен большевиками. Корреспонденты норвежских газет, присутствовавшие при раскопках, могли лично, своими глазами, убедиться в истинности этого преступления и сообщили о нем в свои редакции в Осло.

Это была действительно страшная весть. Преступление, которое даже на войне, изобилующей преступлениями, выглядело и количественно и, прежде всего качественно, превосходящим все другие. Первой инстинктивной реакцией общественности демократического мира было: не поверить этому. Не поверить хотя бы потому, что сообщение исходило от немцев, на совести которых лежало уже столько иных преступлений! Разумеется, широкие сферы этой мировой общественности не имели никакого понятия об исчезновении в СССР 15 тысяч польских военнопленных, о продолжавшихся более года бесплодных поисках, о многих уже известных, но никогда не оглашавшихся в союзной печати подробностях.

Тем временем в следующих передачах берлинское радио сообщает новые подробности:

В летние месяцы 1942 года несколько поляков, которые работали в трудовых бригадах при немецкой армии, а также гражданские лица, освобожденные от большевистского ига, узнали от местных жителей, что вблизи Смоленска большевики расстреливали поляков. Из этих рассказов обнаруживается дальше, что расстрелянных закапывали, по всей вероятности, в Катинском лесу, по правую сторону от дороги, ведущей от шоссе Смоленск-Катынь к дому отдыха НКВД (прежнее ГПУ). По рассказам, на станцию Гнездово неоднократно приходили транспорты с пленными польскими офицерами, которых отвозили отсюда грузовиками в недалекий Катинский лесок. Вышеупомянутые лица заинтересовались судьбой своих земляков и начали копать на холме, который с первого взгляда не гармонировал с окружающим пейзажем и казался делом человеческих рук. Вскоре они обнаружили тело польского офицера, о чем свидетельствовал его

мундир. Вначале, однако, они не предполагали, что натолкнулись на братскую могилу. Так как немецкое подразделение, при котором работали эти поляки, было направлено в другое место, то дальнейшие поиски прекратились.

Местное население, запуганное большевистским террором, неохотно рассказывало о том, что оно пережило в 1940 году. Только весной 1943 г. до немецких властей доходят слухи о трупах в Катынском лесу. В связи с этим немецкие власти предпринимают систематические обширные исследования, которые, постепенно, позволяют с удивительной точностью восстановить факты, предшествовавшие этому массовому убийству. Шаг за шагом обнаруживаются жуткие подробности. Данные под присягой показания многих свидетелей ясно освещают положение вещей и совпадают с результатами исследований эксгумации. Показания эти доказывают, что уже многие годы Катынский лесок был местом казней ГПУ.

Лондоном овладело замешательство. Британские правительственные круги прекрасно знают, что приведенное немцами число убитых более или менее соответствует числу пропавших без вести, которых польское правительство безуспешно разыскивает в Советском Союзе. Кроме того, британское правительство прекрасно знает ход переговоров, текст польских нот и советские ответы на них.

Вечером немецкое радио передает содержание показаний Парфена Киселева, из которых мир узнает, что делали у него в избе польские рабочие летом 1942 года. А именно: до них дошли слухи, что в катынском лесу расстреливали польских офицеров и что Киселев знает об этом больше, чем другие жители, так как жил ближе всех к месту преступления. Тогда пришли к нему десять поляков из организации "Годт". Это было в июле. Они взяли с собой лопаты. Убедившись на месте в содеянном, они опять засыпали братскую могилу и поставили два березовых креста.

* * *

Весь день 14 апреля союзники хранят неловкое молчание. Но через 48 часов после немецких сообщений советское

правительство, которое в течение целого года не могло дать какого-нибудь разумного указания о местонахождении польских военнопленных, — то самое советское правительство, глава которого вместе со своими министрами, начальниками политической полиции НКВД, начальниками лагерей и всеми другими чиновниками огромного государства, только разводил руками и пожимал плечами, — вдруг теперь, через официальное агентство ТАСС, сообщает как о чем-то широко известном:

Геббельсовские клеветники в течение последних двух-трех дней распространяют гнусные клеветнические измышления о якобы имевшем место весной 1940 г. в районе Смоленска массовом расстреле советскими органами польских офицеров. Немецко-фашистские мерзавцы в этой своей новой чудовишной выдумке не останавливаются перед самой беззастенчивой и подлой ложью, которой они пытаются прикрыть неслыханные преступления, совершенные, как это теперь очевидно, ими самими.

Немецко-фашистские сообщения по этому поводу не оставляют никакого сомнения в трагичности судьбы бывших польских военнопленных, находившихся в 1941 году в районах западнее Смоленска на строительных работах и попавших вместе со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года, после отхода советских войск из района Смоленска.

Не подлежит никакому сомнению, что геббельсовские клеветники ложью и клеветой пытаются теперь замазать кровавые преступления гитлеровских разбойников. В своей неуклюже состряпанной брехне о многочисленных могилах, якобы открытых немцами около Смоленска, геббельсовские лжецы упоминают деревню Гнездовую, но они жульнически умалчивают о том, что именно близ деревни Гнездовой находятся археологические раскопки исторического "Гнездовского могильника". Гитлеровские сих дел мастера пускаются на самую грубую подделку и подтасовку фактов, распространяя клеветнические вымыслы о каких-то советских зверствах весной 1940 г. и стараясь, таким образом, отвести от себя ответственность за совершенные гитлеровцами зверские преступления.

Патентованным немецко-фашистским убийцам, обagrившим

свои руки в крови сотен тысяч невинных жертв, систематически истребляющим население оккупированных ими стран, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков, истребившим в самой Польше многие сотни тысяч польских граждан, никого не удастся обмануть своей подлой ложью и клеветой. Гитлеровские убийцы не уйдут от справедливого и неминуемого возмездия за свои кровавые преступления.*

И хотя британскому правительству известно содержание советской памятной записки от 10 июля 1942 года — совершенно противоречащей содержанию настоящего заявления — оно все же предает его гласности. 15 апреля 1943 года, в 7 часов 15 минут, радио Би-Би-Си передает следующее коммюнике:

Сегодня Московское радио официально и категорически опровергло распространяемые немцами сообщения о расстреле советскими властями польских офицеров. Эта немецкая ложь указывает, какова была судьба тех польских офицеров, которых немцы заставили там работать в 1941 году на строительных работах. Берлин все время глушит московскую радиопередачу.

С этого времени советская версия, повторяемая по радио и в московской прессе, становится общепринятой:

Польские военнопленные, сгруппированные с 1940 г. в лагерях под Смоленском и работавшие там, попали в июле 1941 г. в немецкие руки и были там в августе-сентябре того же года расстреляны немецко-фашистскими захватчиками.

Но польская общественность была иного мнения, чем британские официальные круги. Теперь речь шла не о том или ином политическом шаге, но об отношении к трагедии, постигшей весь народ: тысячи его лучших сынов были коварно

* В польском тексте автор приводит пересказ сообщения ТАСС. Изд. "Заря", принимая во внимание характерный язык и крайне несдержанный тон этого сообщения, печатает его полностью по тексту, опубликованному в № 89 "Известий" от 16 апреля 1943 года.

убиты, брошены, как навоз, в огромные рвы, засыпаны землей!

В материалах по катынскому делу, собранных польским правительством в Лондоне уже после войны, находится документ, характеризующий реакцию польского общественного мнения того времени.

Сенсационные сообщения немецкого радио до глубины души потрясли польскую общественность в эмиграции. Все новые поступающие сведения не оставляли больше никакого сомнения в том, что найденные в Катыни тела — действительно убитые польские офицеры.

Повторно были изучены заметки и протоколы польско-советских переговоров по этому делу. В свете немецких сообщений они приобрели выразительное содержание.

Только теперь стали ясными некоторые высказывания и факты, которые поляки до сих пор комментировали по-разному, как например:

1. Неловкость, проявленная Вышинским, когда 6 октября 1941 года в разговоре с ним впервые был затронут вопрос о пропавших польских офицерах...
2. Его раздражение во время разговора 14 октября 1941 г. и обещание отдать "всех людей, которые у нас есть" и слова о том, что они не могут отдать тех, кого у них нет.
3. Категорическое обещание Вышинского во время разговора 12 ноября 1941 г.: "У нас есть список всех живых и мертвых. Я обещал вам данные и я представлю их вам". Он не сдержал этого обещания.
4. Молчание Сталина во время разговора 14 ноября 1941 года.
5. Его неправдоподобное и прямо-таки диковинное заявление во время разговора 3 декабря 1941 г., что тысячи пропавших без вести военнопленных из советских лагерей могли бежать в... Маньчжурию...
6. Странные перипетии майора Чапского в Чкалове и Москве...
7. Слова Сталина во время разговора 18 марта 1942 года: "Не знаю, где они"...
8. Утверждения советского меморандума от 10 июля 1942 года...

16 апреля 1943 года в Лондоне происходит заседание совета министров польского правительства.

Дальнейший ход событий — это длинный ряд нот, дипломатических заявлений и шагов, которые, тем не менее, точно определяют позиции отдельных заинтересованных государств — будь то в попытках разгадать загадку, будь то в попытках ее запутать.

Г л а в а 10

ПОЧЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ НЕ ПРЕДПРИНЯЛ РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ?

Сложное политическое положение. — Разрыв дипломатических сношений между Советским Союзом и польским правительством. — Загадочная гибель генерала Сикорского над Гибралтаром.

После немецких сообщений политическое положение осложнилось. Польша, которая первой в мире начала борьбу с гитлеровским нашествием и, как сказал президент Рузвельт, стала "вдохновительницей народов" в войне с Германией, продолжает сохранять верность своим союзникам и не намерена отказываться от этой верности и солидарности — ни по эмоциональному порыву, ни по политическим расчетам. Но все имеет свои границы в нашем несовершенном мире. Даже самые хладнокровные государственные соображения наталкиваются на ту границу, которую политика данного народа переступить не может.

Всем в мире, кто воюет с Гитлером, а Польше, может быть, больше всех, важно, чтобы немецкие сообщения оказались ложными. Но польское правительство, единственное среди всех правительств, заинтересованных в этом вопросе, несет на своих плечах ответственность за жизнь и смерть своих граждан, своих солдат и не может ставить их судьбу на карту в политической игре — оно должно руководиться принципом справедливости и человеческой морали. Там, на родине, десятки тысяч матерей, детей, отцов оплакивают пропавших без вести, о которых теперь стало известно, что, с неслыханным нарушением права и обычаев, принятых в цивилизованном мире, они предательски убиты, брошены во рвы и засыпаны землей — притом их убийцы неизвестны, можно лишь подозревать, кто они. Убиты генералы, полковники, офицеры, на их телах еще остались ордена и кресты, которыми их наградила родина. Невозможно пройти мимо такого страшного преступления и перейти к другим делам, и ни одно правительство в мире, если оно не хочет покрыть себя позором перед собственным народом, так не поступило бы. Польское правительство обязано требовать расследования этого преступления.

Но кто может взяться за это в создавшейся теперь ситуации? Принимая во внимание, что территория, на которой произошло преступление, занята немцами, кто может гарантировать беспристрастие расследования и подведения итогов?

Согласно Женевской конвенции, в 1864 году была учреждена Международная организация Красного Креста, которая на протяжении 79 лет оказывала неисчислимы услуги человечеству, постоянно вовлекаемому в новые кровавые распри. Ни одна нация в мире никогда не оспаривала беспристрастность, серьезность и авторитет Международного Красного Креста. Поэтому через четыре дня после немецкого сообщения о Катыни, 17 апреля 1943 года, публикуется следующее коммюнике польского Совета министров в Лондоне:

Нет поляка, который не был бы глубоко потрясен раскрытием под Смоленском братских могил польских офицеров, след

которых затерялся в Советской России и которые пали жертвой массового убийства.

Немецкая пропаганда старается придать этому известию широчайшую огласку. Польское правительство поручило польскому послу в Швейцарии обратиться в Международный Красный Крест в Женеве с просьбой направить делегацию, которая могла бы на месте установить истинное положение дел. Желательно, чтобы результаты расследования, произведенного учреждением, которому будет поручено рассмотреть дело и установить, на ком лежит ответственность, были немедленно обнаружены.

Одновременно, того же 17 апреля, польский министр обороны генерал Кукель опубликовал коммюнике, в котором изложил содержание всего дела (см. Приложение 9) и закончил его следующими словами:

Мы приучены ко лжи немецкой пропаганды и отдаем себе отчет в том, какую цель преследуют эти последние сообщения. Однако, учитывая точность немецкой информации, касающейся обнаружения нескольких тысяч тел польских офицеров вблизи Смоленска и ввиду категорического заявления, что офицеры были убиты советскими властями весной 1940 г., — мы считаем необходимым, чтобы обнаруженные братские могилы были обследованы и факты установлены компетентными международными органами, такими, как МКК. Польское правительство обращается к вышеназванному учреждению с просьбой направить делегацию на место убийства польских военнопленных.

Однако до выпуска этого коммюнике, на том же заседании, польское правительство решило предпринять еще одну попытку обратиться непосредственно к советскому правительству и просить у него разъяснений. В связи с этим была вручена нота советскому послу в Лондоне. В этой ноте польское правительство напоминает, что вопрос о пропавших без вести военнопленных уже многократно затрагивался, и обращает внимание на то, что оно никогда не получило удовлетворительного ответа о том, куда вывезли в 1940 г. этих военнопленных и где они находятся. И дальше:

...Если, как это следует из сообщения Информбюро от 15 апреля 1943 г., правительство СССР действительно располагает большими сведениями по этому вопросу, чем сообщенные в свое время польскому правительству, я вновь обращаюсь к Вам, господин посол, с просьбой предоставить польскому правительству точную и подробную информацию относительно судьбы военнопленных...

Польская и мировая общественность по праву глубоко потрясены случившимся, и только неопровержимые факты могут стать противовесом обширным и подробным немецким сообщениям об обнаружении многих тысяч тел польских офицеров, убитых под Смоленском весной 1940 года.

На эту ноту ответа не последовало.

Тем временем решение польского правительства обратиться в МКК доходит 17 апреля в 16.00 до князя Радзивилла, заместителя делегата польского Красного Креста в Швейцарии. В 16.30 он вручает польскую ноту представителю МКК Рюгеру. При этом он узнает, что уже вчера, 16 апреля, от немецкого Красного Креста была получена аналогичная просьба заняться расследованием дела (см. Приложение 10).

В данном случае подход немцев был не только последовательным, но и знаменательным. Последовательным, потому что они обратились к авторитетной и беспристрастной международной организации с просьбой расследовать преступление. Знаменательным, потому что МКК, пользующийся безупречной репутацией и уважением во всем мире, направив на место преступления своих делегатов, не позволил бы ни обмануть себя, ни подкупить и никаким другим образом склонить к выводам, не соответствующим фактическому положению дел. Из этого следовало, что немцы совершенно уверены в подтверждении своих сообщений и не боятся оглашения правды перед всем миром. Разумеется, им, по политическим соображениям, было желательно придать этому делу величайшую огласку и использовать в пропаганде обвинения против советского правительства.

Но советское правительство заявило, что не оно, а Германия несет вину за это преступление. Казалось бы, ввиду вышеупомянутых, обвинительных для него улик, ему следовало

бы тем более — и больше, чем немцам — стремиться к скорейшему разъяснению дела аполитичным, авторитетным органом, чтобы раз навсегда покончить со всеми недоразумениями. Точнее, ему следовало бы к этому стремиться, если... его заявления соответствуют истине.

Дальнейший ход событий принял следующий оборот. Ввиду того, что обе воюющие стороны, т. е. Польша и Германия, внесли свои предложения, как того требовал устав, утвержденный МКК в начале Второй мировой войны (на основе которого могло быть предпринято международное расследование), представитель МКК заявил польскому делегату, что оба предложения будут, по всей вероятности, одобрены правлением МКК и объявил о заседании соответствующей комиссии для выбора нейтральной делегации, назначенном на 20 апреля 1943 года.

Но это заседание так никогда и не состоялось!

Совершенно неожиданно происходит крутой поворот в позиции МКК ввиду давления... советского правительства. Вместо того, чтобы созвать ожидаемое заседание, правление МКК издает меморандум, третий пункт которого гласит:

Согласно духу меморандума от 12.9.1939 года, МКК в принципе не мог бы согласиться на участие своих экспертов в технической процедуре идентификации убитых, кроме как с согласия всех заинтересованных сторон.

Польский делегат вновь обращается в правление МКК. Его уведомят частным образом, что МКК был уже готов послать в Катынь следственную комиссию, в состав которой должны были войти шведские, португальские и швейцарские эксперты под председательством швейцарца. Но некоторые третьи государства высказали мысль, что такой шаг будет очень плохо принят Советским Союзом. Ведь Советский Союз — тоже "заинтересованная сторона". Ввиду этого, правление МКК пришло к выводу, что нельзя предпринимать никаких расследований без его согласия. Пока что есть только один выход: польское правительство должно само или при посредстве союзников обратиться к советскому правительству, чтобы заручиться его согласием на ведение

следствия. Официальный ответ по поводу этого дела был также послан германскому Красному Кресту. Пусть он старается получить согласие советского правительства при посредничестве “puissance protectrice” (покровительствующей державы).

Дело становится громким, и его уже не удержать в рамках тихой дипломатии. Все уже знают о том, что МКК должен принять решение, и ждут его с нескрываемым интересом. Ввиду этого МКК вынужден опубликовать 23 апреля официальное коммюнике:

Германский Красный Крест, а также польское правительство обратились в Международный Красный Крест с просьбой о его участии в идентификации трупов польских офицеров, которые, согласно немецким сообщениям, обнаружены вблизи Смоленска. В обоих случаях МКК ответил, что, в принципе, готов предоставить свою помощь в подборе нейтральных экспертов при условии, что соответствующие заявления будут направлены ему всеми заинтересованными сторонами в согласии с меморандумом, который МКК разослал в декабре /1942 г./ всем воюющим странам и в котором уточнялись принципы, на основе которых МКК может принимать участие в такого рода расследованиях.

Вполне ясно, что в данном случае под словом “все” стороны подразумевалась советская сторона. Тем временем советское правительство не только не согласилось на то, чтобы МКК предпринимал расследование в Катыни, но за два дня до публикации этого коммюнике, 21 апреля, передало по московскому радио статью, которая затем появилась в “Правде”, под заглавием “Польские попутчики Гитлера”. В этой статье официальный печатный орган коммунистической партии обвиняет польское правительство ни более, ни менее, как... в коллаборационизме с Гитлером! Одновременно правительственное агентство ТАСС напало на правительство генерала Сикорского, утверждая, что его обращение в МКК доказывает, какое огромное влияние оказывают прогитлеровские элементы на польские правительственные круги.

Этот неслыханный для здравого рассудка, но, по существу, всего лишь неожиданный поступок советского правительства привел в смущение западную общественность. Было ясно, что такой шаг компрометировал советское правительство в глазах всего мира, ибо оно побоялось беспристрастного следствия. Советское правительство, сотрудничавшее с Гитлером с 1939 по 1941 год, обвиняет польское правительство, первым в мире поднявшее оружие против агрессора, в том, что оно — на стороне Гитлера!

На первый взгляд, заявление ТАСС выглядело каким-то недоразумением или шуткой, но советское правительство хорошо знало, что делает. Оно хорошо знало, что на этом этапе войны никто не вздумает рассматривать Советский Союз как нечто гротескное... В 1942—1943 гг. Англия и Америка прилагали особенные усилия, чтобы установить и сохранить дружественные отношения с Советским Союзом. В августе 1942 года Черчилль посетил Москву, сердечно пожимал руку Сталина и сказал о нем, что советский диктатор наделен "огромным чувством юмора" — самый большой комплимент, на который способен англичанин. Меньше чем через год после вышеописанных событий английский король Георг VI пошлет в Тегеран тому же Сталину почетную саблю с золотой рукоятью.

На этом фоне вопрос бандитского убийства 10 тысяч польских офицеров принимал особенно неприятный привкус — и для Лондона, и для Вашингтона. Западные союзники предпочли бы все это замять, а не раздувать; во всяком случае как можно скорее покончить с ним и снять с повестки дня.

Черчилль возлагал большие надежды на генерала Сикорского, которого ценил как твердого политика, но в то же время как решительного сторонника сближения с СССР. Приближалась Пасха. В ночь со Страстной Субботы на Светлое Воскресенье, т. е. с 24 на 25 апреля 1943 года, генерал Сикорский был подвергнут дипломатическому нажиму. От него требовали, чтобы он выступил с торжественным заявлением, что польские офицеры, тела которых обнаружены в Катыни, не могли быть убиты большевиками и что все это дело — чистый вымысел клеветнической немецкой пропаганды. Генерал Сикорский действительно был сторонником

сближения с СССР. Он заключил договор с Советским Союзом 30 июля 1941 года, в котором пошел на далеко идущие компромиссы, предав забвению нарушение соглашений и договоров, коварное нападение на Польшу в 1939 году, мартиролог сотен тысяч поляков. Но на этот раз генерал Сикорский сказал:

— Нет!

Такой ответ не должен был никого удивить. Хорошим или плохим политиком был генерал Сикорский, но он прежде всего был честным солдатом и патриотом. Он не мог дать иной ответ, когда налицо были прямые улики и веские косвенные доказательства и когда он был сам глубоко убежден, что преступление совершили большевики.

Через двадцать четыре часа после того как Сикорский отверг "добрые советы" и дипломатический нажим, ровно в четверть первого ночи с 25 на 26 апреля, польский посол в Москве Ромер был вызван Молотовым в НКВД, как три с половиной года назад был вызван посол Гжибовский, и, так же, как и тогда, Молотов зачитал ему ноту.

Эта нота содержала целый ряд оскорблений в адрес польского правительства, уже опубликованных в московской "Правде" и в официальном коммюнике ТАССа: польское правительство обвинялось в "сотрудничестве с Гитлером". Сверх того, в ноте объявлялось о разрыве дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей и указывалось, что непосредственной причиной разрыва послужило обращение польского правительства в МКК в Женеве с просьбой расследовать катынское преступление. Соответствующий абзац этой ноты был таков:

Понятно, что такое "расследование", осуществляемое к тому же за спиной Советского правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей... На основании всего этого Советское правительство решило прервать отношения с Польским правительством.

Посол Ромер поступил так же, как его предшественник в 1939 году. Он заявил:

— Отказываюсь принять ноту и утверждаю, что она содержит ложь и оскорбления.

Но что же этот жест мог изменить в положении, навязанном силой! А сила была на стороне Советского Союза. 2 февраля этого года немцы потерпели поражение под Сталинградом. СССР 1943 года — это уже не СССР 1941-го... Поэтому сообщение о разрыве дипломатических отношений с польским правительством вызвало явную тревогу в кругах союзников. Все дело перешло из уголовной области в политическую. Этот разрыв был первым проявлением несогласия, раскола в лагере союзников. К чему это могло привести в будущем, если бы Великобритания и Соединенные Штаты вздумали поддержать Польшу? К... сепаратному миру СССР с Германией? Как ни мала была вероятность такой гипотезы, но Черчилль желал любой ценой избежать даже тени такой возможности.

В это время Польша не представляла собой никакой эффективной материальной силы. Страна была оккупирована врагом. Армия за границей была малочисленна. Советский же Союз представлял огромную силу. Западные державы, если бы им пришлось выбирать, видели, что вся их выгода — в союзе с СССР, а не с Польшей. Но политическая ситуация была далеко не так проста, а наоборот, осложнена и запутана. Оставить Польшу одну, когда она выдвигает свои справедливые притязания, значило снабдить лишними аргументами геббельсовскую пропаганду. Это значило также вызвать общественное возмущение в нейтральных государствах, укрепить союз Финляндии, Румынии, Венгрии, Словакии с Германией, поколебать в Югославии, Греции, Норвегии и даже во Франции веру в правоту дела. Западные государства тогда еще не могли себе позволить такое откровенное моральное отступление. Поэтому с их стороны были предприняты энергичные шаги с целью полюбовно уладить конфликт.

4 мая Энтони Иден в докладе о создавшемся положении, в частности, заявил:

...Правительство Его Королевского Величества предприняло все усилия с целью убедить как поляков, так и русских в

необходимости не допустить того, чтобы немецкий маневр имел хотя бы видимый успех. Британское правительство с величайшим прискорбием узнало о том, что советское правительство в ответ на обращение польского правительства к Международному Красному Кресту почувствовало себя вынужденным разорвать дипломатические отношения с польским правительством...

Но это уже были только слова, слова, слова... Еще раз была сделана попытка оказать нажим на генерала Сикорского, чтобы он хотя бы забрал заявление, направленное в МКК. Но все это уже было лишено всякого смысла, так как Советский Союз категорически воспротивился вмешательству Красного Креста, который, в свою очередь, соглашался заняться расследованием только при условии согласия на это советской стороны.

Тем временем газеты нейтральных стран — швейцарские, шведские и турецкие — писали во всеуслышание о том, что зверское преступление в Катыни — дело рук большевиков. Вскоре и независимые английские и американские газеты выступили против советских утверждений (см. Приложение 11).

Но предотвратить польско-советский конфликт не удалось, да и не могло удаться. Советское правительство чувствовало свою силу. Советский Союз окреп на фронте благодаря помощи западных союзников и в еще большей степени благодаря безумной политике Гитлера на оккупированных территориях, проведение которой в жизнь не только восстановило против Германии всю Европу, но, главное, подрезало крылья всякой серьезной контрреволюционной деятельности на территории России и антибольшевистской борьбе вообще. Теперь Советский Союз уже мог не скрывать свои подлинные намерения в отношении Польши. Потому что большевики не только подчеркивали в своих дальнейших заявлениях, что половину Польши, захваченную ими в 1939 году в силу пакта Риббентроп-Молотов, считают неотъемлемой частью Советского Союза, но одновременно начали открыто проводить свою "польскую" политику. Из польских коммунистов они создали в Москве "Комитет польских патриотов". Одновременно, сразу после вывода польской

армии генерала Андерса из СССР в Персию в 1942 году, по приказу Сталина началось формирование своих, советских польских воинских частей под командой генерала Берлинга и, само собой разумеется, под общим советским командованием.

Таким образом началось осуществление тех планов, первый намек на которые можно было обнаружить в речи Молотова в октябре 1939 года и о дальнейшей разработке которых размышляли Берия и Меркулов осенью 1940 года.

В таких условиях возможность беспристрастного и авторитетного для демократического мира рассмотрения дела о без вести пропавших польских военнопленных и о могилах, обнаруженных в Катыни, было основательно подорвано. Конечно, Советский Союз желал, чтобы всякие разговоры на эту тему в лагере союзников прекратились раз и навсегда.

* * *

Тем временем генерал Сикорский оставался тверд и стоек. В начале лета он летит на Ближний Восток, чтобы инспектировать размещенные там польские воинские части. 2 июля в здании польского посольства в Каире он проводит пресс-конференцию, на которую прибыли многочисленные египетские, английские, американские, французские и польские корреспонденты. Вечером того же дня, выйдя на балкон глотнуть воздуха после дневной жары, он потягивается и в кругу близких ему людей признается, что чувствует себя усталым, разочарованным...

— Завтра я должен возвращаться в Лондон, но странно, как-то не хочется...

— Генерал, оставайтесь, отдохните несколько дней.

— О, нет! — восклицает генерал. — В Лондоне у меня неотложные дела и встречи. К тому же, — он улыбнулся, — здесь у вас, в Египте, страшно жарко.

На следующий день он вылетает из Каира на запад.

4 июля 1943 года он погиб в авиационной катастрофе над Гибралтаром, причины которой так и остались не до конца выясненными и в которой спасся один только пилот.

Глава 11

ГОЛОСА МЕРТВЫХ

В Катьни близ Смоленска полным ходом шли эксгумационные работы. За три месяца до трагического крушения самолета над Гибралтаром, из главной могилы в "Козьих Горах", в которой, согласно немецким утверждениям, должно было быть около 3000 тел, выкопали очередное — четыреста двадцать четвертое. При осмотре тела были найдены спрятанные в одежде споротые погоны без знаков различия, один образок, карандашный рисунок, изображавший мужчину с бородой, и под рисунком подпись: "Крук Вацлав, Козельск 1940 г." (см. Приложение 4), и — записная книжка. В этой записной книжке убитый вел краткий дневник. Сравнительно легко удалось расшифровать следующую потрясающую запись:

8. IV. 1940 г. До сих пор я ничего не писал, так как считал, что ничего особенного не происходит. В последнее время, т. е. в конце марта и в начале апреля начались чеходанные настроения. Мы считали все это обычными слухами. Тем временем слух оказался действительностью. В первых числах апреля начались этапы, вначале небольшие. Из "Скита"* главным образом... /неразборчиво/ ... по полтора десятка человек. Наконец в субботу 6-го "Скит" разгрузили и перевели в главный лагерь. Нас поместили в "майорском" корпусе. Вчера ушел этап высших офицеров: три генерала, 20—25 полковников и столько же майоров. Судя по тому, как их отправляли, мы были настроены оптимистически. Сегодня наступила моя очередь. Утром я вымылся в бане, постирал носки, носовые платки... /неразборчиво/ ...в клуб "с вещами". После сдачи "казенных" вещей нас опять обыскали в 19 бараке и оттуда вывели через ворота к машинам, на которых мы приехали на маленькую станцию, но не в Козельск (Козельск был

* "Скитом" называли одно из монастырских зданий, в котором сидели польские военнопленные.

отрезан наводнением). На станции нас погрузили в тюремные вагоны под охраной усиленного конвоя. В тюремной камере (которую я вообще вижу впервые) нас тринадцать человек. Я еще не успел познакомиться с моими случайными товарищами по несчастью. Теперь ждем отъезда... Как раньше я был настроен оптимистически, так теперь вижу, что это путешествие не к добру. Еще хуже, что неизвестно, сможем ли мы определить направление нашего пути. Терпеливо ждем. Едем в направлении Смоленска.

Погода солнечная. На полях еще много снега.

9.IV. 40. Вторник. Мы провели ночь удобнее, чем раньше в вагонах для скота. Было чуть больше места, и не трясло так ужасно. Сегодня совсем зимняя погода. Валит снег, пасмурно. Снегу на полях — как в январе. Нельзя сориентироваться, в каком направлении мы едем. Ночью ехали очень мало, сейчас проехали довольно большую станцию Спас-Демьянское. Я не видел на карте такой станции в смоленском направлении. Боюсь, что мы едем на север или северо-восток — судя по погоде.

Днем все по прежнему. Вчера выдали пайку хлеба и порцион сахара, а в вагоне холодной кипяченой воды. Теперь уже скоро полдень, а еды не дают. Отношение тоже... грубое. Ничего не разрешают. В уборную водят по прихоти конвоиров, не помогают ни просьбы, ни крики. /В этом месте автор дневника возвращается к воспоминаниям о Козельске./

...14.30 — въезжаем в Смоленск. Пока стоим на товарной станции. Все-таки мы в Смоленске.

Вечереет, мы проехали Смоленск и приехали на станцию Гнездово. Похоже, что будем здесь выгружаться, потому что кругом много военных.

Во всяком случае, до сих пор нам буквально ничего не дали есть. Со вчерашнего утра живем пайкой хлеба и малым количеством воды.

На этом дневник обрывается.

* * *

Уже приближались сумерки, когда в Катыни выкопали четыреста двадцать четвертое тело. Работу прервали. На

следующий день еще до обеда выкопали четыреста девяностое тело. Мундир безошибочно указывал на звание майора. В карманах был найден ряд предметов: свидетельство о прививке, счет, два образка, письмо по-русски, медицинское свидетельство, листок с адресами и целых две записных книжки. По ознакомлению с этими документами было установлено вне всякого сомнения, что это тело убитого Адама Сольского, майора 57-го пехотного полка.

Записная книжка майора Сольского кончается следующими воистину страшными словами:

Воскресенье, 7.IV. 1940. Утро. Вчера нас прикомандировали к "Скитовцам", а сегодня приказали собрать вещи и в 11.40 явиться на личный обыск в клуб. Обед в "клубе"... /неразборчиво/. После обыска в 14.55 мы покинули стены и колючую проволоку козельского лагеря. (Дом отдыха им. Горького). В 16.55 (в 14.55 по польскому времени) нас погрузили в тюремные вагоны на запасных путях в Козельске. Говорят, что пятьдесят процентов пассажирских вагонов в СССР – тюремные вагоны. Со мной едет Юзеф Кутыба, капитан Павел Шифтер, один майор, один подполковник и несколько капитанов – всего 12 человек. Мест самое большее на семь человек.

8.IV. В 3.30 отъезд из Козельска на запад. В 9.45 мы на станции Ельня.

8. IV. 40. С 12 часов стоим на запасном пути в Смоленске.

9.IV. Около пяти утра подъем в тюремных вагонах и приказ выходить. Мы должны ехать куда-то на машинах. Что будет дальше?

День 9.IV с самого рассвета начался как-то странно. Отъезд на тюремной машине с маленькими камерами (страшно). Нас привезли куда-то в лес, что-то вроде дачной местности. Тщательный обыск. У меня отобрали часы, которые показывали 6.30 (8.30), спросили, есть ли обручальное кольцо. Отобрали рубли, ремень, перочинный нож...

На этом дневник обрывается.

Глава 12

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ЭКСПЕРТОВ: ЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ЗАКУЛИСНАЯ СТОРОНА

“Oberleutnant” Словенчик пишет жене... — Череп № 526. —
Доктор Марков и доктор Пальмьери.

Немцы смотрели на катынские могилы как на непечатый край для своей пропагандно-политической кампании, которой они старались придать как можно больший размах.

Польско-советские отношения были уже настолько испорчены, что оставалось лишь вбить последний клин.

Кроме того, немцы стремились этой пропагандой произвести впечатление на собственный народ, а еще больше на покоренные ими европейские народы, особенно на народы Восточной Европы: ужасающие фотографии с места катынского массового убийства должны были наглядно показать судьбу, которая ждет их под большевистским владычеством. Но пропагандная шумиха вокруг неслыханного злодеяния имела своей целью еще и потрясти совесть демократического мира, который вступил в союз с большевиками для совместной борьбы против Гитлера.

Побочной целью было также замять и отодвинуть на задний план свои собственные, гитлеровские преступления, о которых с неослабевающей энергией говорили пресса и пропаганда союзников.

До некоторой степени немцы достигли успеха. Разрыв польско-советских отношений, т. е. первый разлад в лагере союзников, немцы смогли записать как плюс в своем балансе.

Это вполне ясно выразил прикомандированный к пропагандному отделу в Катynie старший лейтенант Geheime

Feldpolizei* Грегор Словенчик. В письме своей жене он писал:

...с утра до вечера я вожусь со своими трупами в 14 км от Смоленска. Благодаря этим несчастным ребятам я могу что-то сделать для Германии, и это прекрасно... Катынь перегружает меня непомерной работой. Я должен всем распоряжаться, принимать делегации, выступать на радио, кроме того, я работаю над книгой "Катынь"...

В конце письма Словенчик с радостью пишет о достигнутом политическом успехе — разрыве польско-советских отношений. Грегор Словенчик был австрийцем и в мирное время мелким газетным корреспондентом. Его жена жила в Вене. Это письмо каким-то образом попало в досье Нюрнбергского процесса, и французская газета "Монд" напечатала из него выдержки, как косвенное доказательство того, что катынское дело было всего лишь немецкой инсценировкой.

* * *

Я сам помню, как Словенчик, вылезши из могилы "L", названной так из-за своей формы, и отряхнув песок со своих тяжелых полицейских сапог, сказал мне наедине, когда мы отошли подальше от могилы, так как я с непривычки не мог дышать ужасным трупным воздухом:

— Дело, простите, не в том, по какую сторону наши чувства. Вы — поляк, и вам, наверно, неприятно и обидно, что мы устраиваем такую... ну, скажем, грубую пропаганду в свою пользу из вашей трагедии. Но должны же вы признать, что с нашей, немецкой точки зрения, мы были бы сумасшедшими (auf den Kopf gefallen), если бы, наткнувшись на такой пропагандный козырь, не воспользовались бы им, не разыграли бы его, не превратили бы в политическую акцию!

Я все время держал платок, прикрывая нос и рот, и Словенчик, вероятно, не увидел, согласен я с его доводами или

* "Тайная полевая полиция", род жандармерии в оккупированных немцами областях. /Прим. переводчика./

нет. Но, объективно говоря, с немецкой точки зрения этот вопрос не подлежал никакому сомнению.

Однако советское правительство, как сказано выше, на другой же день после немецкого сенсационного сообщения, отражает удар и заявляет, что не оно совершило преступление, а немцы. Большевистско-гитлеровские клинки, столь же символично, сколь зловеще, скрестившиеся над грудями тел польских офицеров, продолжают сверкать в поединке: на третий день немцы наносят удар, приглашая в арбитры Международный Красный Крест. Большевики парируют, парализуя решение этой международной организации. В ответ немцы наносят новый удар и создают "Международную комиссию представителей медицины и криминологии европейских университетов", которая 28 апреля прибыла в Смоленск.

Но этот удар был уже не таким эффективным, потому что, кроме единственного доктора Навиля, профессора судебной медицины в Женеве, который представлял нейтральную Швейцарию, все другие европейские эксперты были из стран, либо оккупированных немцами, либо находившихся под их прямым политическим влиянием. Тем не менее, комиссия была достаточно авторитетна именно благодаря тому, что немцы предварительно обратились за посредничеством в международную и совершенно независимую организацию.

Комиссия состояла из следующих членов:

Бельгия — доктор Спелерс, профессор офтальмологии Гентского университета.

Болгария — доктор Марков, доцент судебной медицины и криминологии Софийского университета.

Дания — доктор Трамсен, ассистент Копенгагенского института судебной медицины.

Финляндия — доктор Саксен, профессор патологической анатомии Хельсинкского университета.

Хорватия — доктор Милославич, профессор судебной медицины и криминологии Загребского университета.

Италия — доктор Пальмери, профессор судебной медицины и криминологии Неапольского университета.

Голландия — доктор де Бурлет, профессор анатомии Гронингенского университета.

Протекторат Богемии и Моравии — доктор Гаек, профессор судебной медицины и криминологии Пражского университета.

Румыния — доктор Биркле, судебно-медицинский эксперт министерства юстиции.

Швейцария — доктор Навиль, профессор судебной медицины Женевского университета.

Словакия — доктор Субик, профессор патологической анатомии Братиславского университета.

Венгрия — доктор Орсос, профессор судебной медицины и криминологии Будапештского университета.

Кроме вышеперечисленных лиц в комиссии приняли участие доктор Бутц, профессор судебной медицины и криминологии Бреславльского университета, который вел эксгумационные работы в Катыни по поручению немецкого правительства, и доктор Костедоа, прикомандированный к комиссии главой французского правительства в Виши.*

30 апреля 1943 года члены комиссии подписали в Смоленске экспертизу, а в первых числах мая опубликовали коммюнике, содержащее подробный доклад о проведенных в Катыни исследованиях (см. Приложение 12).

Доклад комиссии в целом подтвердил уже общеизвестные из немецких источников факты, касающиеся показаний свидетелей, состояния сохранности тел и мундиров — эти последние несомненно доказывали, что убитыми были польские офицеры. В докладе говорилось также о большом числе документов, писем, записок, газет и пр., найденных в карманах убитых. В докладе комиссии следует особо подчеркнуть некоторые детали.

Комиссия не обмолвилась ни словом — ни утвердительно, ни гипотетически — о предполагаемом общем количестве тел в Катыни, которое немецкая пропаганда определила сначала в 10 тысяч, а потом — от 10 до 12 тысяч. Зато первоначальную немецкую оценку числа тел в самой большой могиле (“L”) 3000 — комиссия сократила до 2500.

* Ввиду трудности транслитерации по-русски некоторых неславянских фамилий членов комиссии, я привожу их все в оригинале: Speelers, Tramsen, Saxen, Palmieri, de Burlet, Hajek, Birkle, Naville, Orsos, Buhtz, Costedoat. /Прим. переводчика./

Кроме того, комиссия констатировала разную степень разложения тел и в своих выводах только подтвердила, что при нынешнем состоянии судебной медицины трудно установить время смерти только на основании сохранности тел. Сенсационным в этом отношении было открытие доктора Орсо-са, которое комиссия приняла к сведению. А именно: ученый установил на основании опытов, что человеческие черепа, находящиеся в земле, подвергаются изменениям в виде затвердевания, которое откладывает на поверхности мозга вещество, подобное известковым отложениям. Черепа, находившиеся в земле менее трех лет, не претерпевают этих изменений. А часть черепов тел, раскопанных в Катynie, обнаруживала эти изменения.

...Вот выкопали тело офицера — на мундире знаки различия поручика. На нем ничего не было найдено, кроме двух писем, спрятанных на груди, фотографии женщины и образа Богоматери. Фамилию нельзя установить: письма были без конвертов... "Дорогой..." — начиналось одно из них, а дальше в буквы впиталась трупная жижа и проела их, уничтожила. Итак, он остался безымянным, обозначенный только эксгумационным номером: 526.

Этим-то номером и занялся профессор Орсос. Череп, череп "дорогого" кому-то, лежит теперь на конференц-столе, а венгерский профессор в резиновых перчатках, вооружившись ланцетом, поворачивает его во все стороны. Вещь, вполне нормальная в прозекторской. Ученый объясняет членам комиссии результаты своих исследований: номер 526 ясно обнаруживает феномен изменений, которым подвергается череп тела, пролежавшего в земле более трех лет. Это значит, что номер 526, вот этим выстрелом в затылок, после которого остались четкие входное и выходное отверстия от пули, был убит не позже 1940 года...

А в 1940 году под Смоленском это могли сделать только большевики.

* * *

Комиссия также достоверно установила, что тела были склеены друг с другом, слеплены трупной жижей и особо

деформированы под давлением. Эти факты указывают, что тела оставались нетронутыми, никто не мог их стронуть, с того времени как они были сброшены в смертные рвы. Комиссия единогласно признала, что преступление было совершено в 1940 году.

В связи с этим единогласным заключением, в этой главе будет уместно еще раз возвратиться к Нюрнбергскому процессу. Советский обвинитель на этом процессе вызвал свидетелем профессора Маркова из Софии, члена бывшей Комиссии, учрежденной немцами. Марков, прибыв в Нюрнберг из покоренной Советским Союзом Болгарии, дал показания, из которых можно было заключить, что комиссия экспертов действовала и огласила свое коммюнике под нажимом немецких властей. 2 июля 1946 года агентства печати передали из Нюрнберга следующее:

Один из членов так называемой Международной комиссии, учрежденной немцами для расследования катынского преступления, утверждает, что члены комиссии на изолированном аэродроме, оцепленном немецкими солдатами, были принуждены подписать документ, который полностью снимал с Германии ответственность за преступление.

Этот свидетель, профессор Марков из Софии, болгарский член Комиссии, рассказал суду, как немцы пользовались так называемым "психологическим давлением", чтобы получить подписи экспертов на документе, которого эти эксперты никогда не имели возможности прочитать, а тем более написать.

Маркова вызвала свидетелем советская сторона с целью доказать, что не советские, а немецкие власти убили под Смоленском 11 тысяч польских офицеров.

Дальше свидетель рассказал, что Софийский университет командировал его в Комиссию, учрежденную из таких же, как и он, профессоров из государств-сателлитов Рейха. Он прибыл в Катынь 29 апреля 1943 года. Им разрешили обследовать только восемь трупов в течение двух дней, а затем отправили в Берлин. Именно по пути туда всю группу задержали на изолированном аэродроме, и каждый член Комиссии получил для подписи уже готовый акт экспертизы. В акте утверждалось, что трупы в Катыни пролежали в земле по крайней мере три года, т. е. со времени, когда там

еще не было немцев. Все члены Комиссии подписали этот документ, хотя и не пришли ни к каким выводам. ”У меня не хватило смелости не подписать, — заявил Марков, — хотя, по-моему, дата смерти не соответствовала истине”.

Все, что профессор Марков рассказал суду в Нюрнберге, было неправдой. Другие члены Комиссии отвергали показания профессора Маркова в частных беседах, поскольку никто их не вызвал в суд и не просил подтвердить слова профессора Маркова. Нет сомнения, что и сам профессор Марков не рассказал бы ничего подобного, если бы на него не оказывали нажим извне. О том, как действительно выглядела закулисная сторона Международной комиссии экспертов, рассказал профессор Пальмьери из Неаполя:

Комиссия была учреждена в результате отказа Международного Красного Креста принять участие в расследовании. А МКК, как известно, вынужден был отказаться, так как не получил от Советского Союза мандата на право участия в расследовании. Ввиду сложившихся обстоятельств, немецкое правительство решило заняться расследованием в пределах своих собственных возможностей, поручив расследование катынского преступления самым видным в Европе специалистам по судебной медицине. В Комиссию был также приглашен делегат польского правительства, который, однако, приглашением не воспользовался.

Тринадцать делегатов из разных стран собрались в Берлине. Немецкие ученые не приняли участия, и только профессор Бутц, заведующий кафедрой судебной медицины Бреславльского университета, был назначен посредником между Комиссией и немецкими властями.

С самого начала, на предварительном заседании, члены Комиссии единогласно постановили, что расследование будет вестись с исключительно научной точки зрения, не затрагивая никаких политических и полемических моментов. Затем были разработаны вопросы, на которые — и только на них — должна ответить Комиссия:

1. Оpozнание убитого.
2. Причина смерти.
3. Определение времени смерти.

Следует отметить, что, делая выводы, текст которых составлялся лишь с общего согласия всех членов Комиссии и при совершенно объективно проводившихся исследованиях, Комиссия точно придерживалась вышеуказанной линии.

Члены Комиссии пользовались полной свободой передвижения и получали технические средства, которые могли им понадобиться. Они лично могли спускаться в могилы, чтобы руководить работой по извлечению трупов, в местах и условиях по своему выбору и усмотрению. Одновременно, хотя и отдельно, в Катини работала Комиссия Польского Красного Креста из Варшавы, которая пришла к тем же выводам.

По возвращении в Берлин Комиссия вручила письменный отчет о своей работе доктору Конти (Conti), начальнику службы здравоохранения Рейха, после чего была распущена. Никакого нажима и никаких указаний с немецкой стороны не было.

Следует отметить, что все члены Комиссии работали совершенно бесплатно. Никто из членов Комиссии не получил ни командировочных, ни гонорара, ни наград, ни академических почестей или какого-либо другого "суррогата" вознаграждения. Им на руки выданы были только билеты, а счета за гостиницы были оплачены без их участия.

Заявление профессора Пальмери ясно, оно возбуждает доверие, а его правдивость в любое время могут подтвердить другие члены Комиссии, недостижимые для советской власти. Но как официальное общественное мнение, так и еще в меньшей степени компетентные органы союзников, ни до этого, ни после и по сей день — не признали заключение этой Комиссии решением загадки катынского массового убийства. Сам факт того, что в Нюрнбергский трибунал не были вызваны свидетелями все члены Комиссии, которых можно было найти, а давал показания только один из тринадцати, притом именно такой, который, по своей или чужой воле, пытался подорвать доверие к порядочности и добросовестности Комиссии, — достаточно свидетельствует о сознательной тенденциозности по отношению к экспертизе и выводам Комиссии.

Итак, заключение Комиссии не внесло в Катынское дело ничего решающего, а контрнаступление советской пропаганды

против этого достигло лишь того, что над разрытой, зловонной землей катынских могил продолжал висеть призрак — вопросительный знак. Однако он не был похож на другие знаки препинания. Точка под ним, казалось, имела форму капли — ибо это была живая кровь, которой он истекал.

Г л а в а 13

БОРЬБА ЗА ТРЕТИЙ ВОПРОС

Дальнейшие уловки немецкой пропаганды. — Пропущенная деталь в отчете Фосса. — Делегация из Польши. — Труп женщины. — Тайна стреляных pistolетных гильз. — Кропотливая работа советских агентов.

Используя ужасающее катынское массовое убийство для пропаганды, запланированной в мировом масштабе, немецкие власти, конечно, понимали, что во всем деле главными остаются три вопроса, на которые нужно ответить:

1. Кто убитые?
2. Сколько убитых?
3. Когда они были убиты?

Ответ на первый вопрос гласил, что жертвы преступления — польские офицеры, и был очевиден; ни одна из заинтересованных сторон и никто во всем мире этого факта не оспаривал и не оспаривает.

На другой вопрос — "Сколько?" — ответили немцы: "От 10 до 12 тысяч". Число это приблизительно соответствовало числу без вести пропавших военнопленных, которых разыскивала польская сторона.

Третий вопрос — "Когда?" — был равнозначен самому

главному вопросу: "Кто убил?" Ведь было совершенно ясно, что такую массовую резню не могли осуществить ни один человек, ни группа частных лиц. На это была способна только государственная организация. А ввиду того, что территория, на которой было совершено преступление, переходила из рук одного государства в руки другого, время казни давало возможность установить, какое из этих двух государств несет вину за катынское преступление. И далее: так как советская сторона категорически отвергла возложенные на нее обвинения и в преступлении обвинила немцев, спор временно сосредоточился исключительно на третьем вопросе, на который немецкая пропаганда делала главный упор, оглашая детали расследования.

22 апреля 1943 года, т. е. за два дня до прибытия Международной комиссии, секретарь немецкой тайной полевой полиции Людвиг Фосс (Voss) вручил судье доктору Конраду (Conrad) в присутствии чиновника армейского юридического учреждения Борнеманна (Bornemann) отчет о катынском деле, который можно резюмировать в следующих словах:

Первое известие о массовых могилах в Катыни мы получили в начале февраля 1943 года.

В катынском лесу были обнаружены холмики, которые при более внимательном обследовании оказались делом человеческих рук. На них бросались в глаза новые насаждения молодых сосенок. Пробные раскопки в феврале установили, что это было место массового захоронения.

Из-за сильных морозов нельзя было продолжать раскопку в широких масштабах.

С целью установления подробностей были допрошены в качестве свидетелей окрестные жители.

По приказу Верховного командования армии (Oberkommando des Heeres – ОКН) 29 марта 1943 года началась раскопка главной могилы. До сих пор опознано 600 трупов. В первой могиле находится около 3000 трупов. В близлежащих могилах должно находиться по нашим расчетам еще от 5000 до 6000 трупов.

Пока опознание трупов достоверно установило, что убитые – почти исключительно офицеры польской армии.

Записи в дневниках и записных книжках кончаются между 6 и 20 апреля 1940 года.

В этом отчете Фосс подтверждает события и даты, уже в общем известные по прежним коммюнике, но впервые, после обнаружения могил и вопреки немецкой официальной версии, он занижает число жертв. Он говорит о максимальном числе 9 тысяч (3 тысячи плюс от 5 до 6 тысяч). Немецкая пропаганда, как и широкая общественность, оставили без внимания этот факт. Тем временем, если бы, например, вместо 3000 прибавить только 2500 (определенное экспертами число убитых в самой большой могиле) не к самому большому числу (6000) а к меньшему, т. е. к 5000, то получилось бы 7500 жертв. Разве эта цифра не отклоняется существенно от максимальной цифры 12 000, поданной немецкой пропагандой?! Разве эта разница не заставляла задуматься, особенно если принять во внимание то, что она вытекала из показаний государственного чиновника? Как же могло случиться, что Геббельс утверждает — 12 тысяч, а господин Людвиг Фосс осмеливается предполагать, что, может быть, только 8 тысяч? По странному стечению обстоятельств, советская пропаганда, такая чувствительная к каждой мелочи немецкого расследования, не использовала это первое важное разногласие в официальной немецкой версии...

Быть может, в лихорадке борьбы за ответ на третий, фундаментальный, вопрос все стороны забыли о втором? Быть может... в этом что-то скрывалось? Но что? Разве ответ на второй вопрос — "Сколько?" — мог затрагивать существо третьего: "Когда (=кто)?" Об этом пока никто не подумал.

Немецкая пропаганда усиливалась с каждым днем. Вскоре стало известно, что немцы еще до своих сенсационных сообщений, т. е. до 13 апреля 1943 года, привезли в Катюнь польскую делегацию из оккупированных ими Варшавы и Кракова. Эта делегация, в состав которой, среди прочих, входили: представитель польского Общества взаимопомощи (RGO) Сейфрид (Seufried), доктор К. Ожеховский, доктор Э. Гродзкий, К. Пороховик и др., прилетела в Смоленск уже 10 апреля. Немецкие власти предоставили ей возможность ознакомиться с тогда уже открытыми могилами, с найден-

ными документами, письмами, дневниками и т. п. Члены делегации могли свободно разговаривать с жителями окрестных деревень, с работавшими в Катыни и т. д. На основе этого обследования члены делегации пришли к выводу, что массовое убийство было совершено не позже апреля 1940 года.

Через несколько дней в Катынь прибыла вторая польская группа — профессионально-технического состава, к которой, однако, примкнул краковский каноник о. Станислав Ясинский, доверенный архиепископа и митрополита краковского Адама Сапеги (Sapieha) и журналист Мариан Мартенс. Остальные — только врачи и сотрудники Польского Красного Креста: доктор А. Шебеста, доктор Т. Суш-Прагловский, доктор Х. Бартошевский, С. Кляперт, (J.) Скаржинский (генеральный секретарь ПКК), Л. Райкевич, (J.) Водзиновский, С. Колодзейский, Э. Боговский (Bohowski) и Р. Банах. Часть этой делегации осталась дольше в Катыни и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов (см. Приложение 13). Как и первая делегация, на основании найденных документов и показаний свидетелей она пришла к заключению, что массовое убийство могло быть совершено не позже весны 1940 года.

Одновременно с этой польской делегацией, из Берлина прибыла группа заграничных корреспондентов: корреспондент шведской газеты "Стокгольмс тиднинген" Едерлунд (Jaerderlund), корреспондент швейцарской газеты "Бунд" Шнетцер, корреспондент испанской газеты "Информасионес" Санчес и ряд других журналистов из стран, оккупированных Германией. Эту группу корреспондентов сопровождал представитель отдела печати Рейхсканцелярии советник Шипперт и посольский секретарь Ласслер.

О числе убитых вопрос тогда не поднимался, потому что открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены, а общая площадь между раскопками указывала скорее на достоверность немецкой цифры — от 10 до 12 тысяч. Корреспонденты, ознакомившись со всем документальным материалом и убедившись в том, что массовое убийство не могло быть совершено позже весны 1940 года, задали впервые вопрос, который до сих пор не затрагивался:

— Почему большевики оставили на телах убитых все

документы и вообще все то, что палачи не хотели взять себе как ценность?

— Потому, — ответил им сопровождавший группу полковник Герсдорф, — что в 1940 году большевикам не могло придти в голову, что убитые ими где-то в глубине России, под Смоленском, могут быть вскоре выкопаны и опознаны каким-то их врагом.

Этот ответ убедил корреспондентов. Задавать дальнейшие вопросы было бы бестактно. Корреспонденты ведь хорошо помнили, как еще в 1940 году Гитлер дружил со Сталиным, а Сталин с Гитлером... Переменив тему разговора, они попросили, чтобы при них раскопали какую-нибудь еще нетронутую могилу. Немцы исполнили их желание, и присутствующие убедились в том, что слипшийся слой трупов явно лежал в полной неприкосновенности со времени расстрела. Вдруг...

Это была настоящая сенсация. Вдруг один из корреспондентов указал на труп, и внимание всех сосредоточилось на нем одном:

— Женщина??!!

Да, женщина. Труп женщины в массе офицерских трупов. Почему-то несколько корреспондентов сняли шляпы, хотя раньше этим жестом они не почтили память убитых мужчин. Искоса, с нескрываемым любопытством смотрели на эту сцену работавшие там советские военнопленные. Наступила тишина. Только ветер рвал облака и гнал их на север, как будто желал ускорить приход весны в эти унылые края. Слышался стук дятла на отдаленной сосне. Корреспонденты были взволнованы, немцы — смущены. Один из них пошел звонить по полевому телефону, который был установлен во временном бараке.

Вечером немцы всячески пытались приуменьшить это открытие и отвлечь внимание корреспондентов.

Обнаруженный в Катynie труп женщины застиг немцев настолько врасплох, что они решили умолчать об этом факте и до конца так и не упоминали о нем в своих официальных отчетах. Не без основания им казалось, что этот немислимый случай — труп женщины в массе убитых военнопленных офицеров — станет исходным пунктом для новых сомнений,

подорвет подлинность сенсации, внесет сумятицу в общую картину событий, которая до сих пор складывалась так прекрасно и стройно, — что этот случай потребует объяснений, которых они не смогут дать. Немцы тогда не знали и знать не могли, что в лагере польских военнопленных в Козельске до весны 1940 года находилась одна женщина, поручик авиации, и что ее труп, обнаруженный теперь в катынской могиле, не опровергал и не подрывал, а как раз наоборот — подтверждал обстоятельства, о которых знало польское правительство.

И еще об одной детали умолчала немецкая пропаганда. Деталь эта очень важная, а раз о ней не говорилось вслух, то спрашивали потихоньку: "Куда девались стреляные гильзы?" Ведь на основании их можно было бы определить, чье-го производства были оружие и боеприпасы, которыми пользовались при расстрелах. Калибр оружия известен: 7,65 мм. А марка неизвестна? Вполне допустимо, что убийцы после выстрелов собирали гильзы. Но совсем невероятно, чтобы после стольких выстрелов на месте не остался хоть какой-то процент этих гильз. Впрочем, эксперты-профессионалы не могут прийти к какому-то заключению на основании пуль, которые во многих случаях сохранились в черепаках и обнаруживались в большом количестве.

Но об этом немцы упорно молчали.

Удивительно и то, что советская пропаганда, которая не могла пропустить мимо ушей такую деталь в немецком расследовании, тоже совсем не затрагивала этого вопроса...

* * *

После первой группы корреспондентов следуют новые. Немцы привозили в Катынь людей со всей Европы. Они привезли из немецких лагерей для военнопленных английских и американских офицеров. Привезли также группу польских офицеров. Первоначально немцы пробовали сделать из этого новое оружие своей пропаганды, предложив польским офицерам выступить с речами, докладами, заявлениями, записать их выступления на грампластинки, транслировать по

радио. Но поляки решительно отказались и поставили условия, на каких соглашались приехать в Катынь: никаких речей, никаких интервью и даже никакой публикации их фамилий. Немцы согласились и свое обещание сдержали.

Польских офицеров привезли в Катынь тоже в апреле. Они предполагали, что перед ними одна огромная могила. Они измерили ее площадь и глубину и на основании вычислений пришли к убеждению, что немецкие утверждения — от 10 до 12 тысяч тел — скорее всего правильны. Поручик авиации Ровинский сделал даже отдельную зарисовку этой "общей" братской могилы. Немцы ни в чем не ограничивали свободу действий и инициативу офицеров при изучении тел убитых, документов и т. д. Один из офицеров, по профессии лесничий, спустился в могилу там, где на ее краю росла большая сосна. Он заметил, что корень этой сосны пустил росток в плотную массу трупов. Он срезал его и, проведя экспертизу, заявил:

— Верно. Ростку этого корня не меньше трех лет.

Значит — 1940 год.

Члены всех делегаций ознакомились с показаниями свидетелей — местных жителей, которые они дали в конце февраля и в первых числах апреля. О косогорских возвышенностях свидетельствовали: Кузьма Годунов, Иван Кривозерцев и Михаил Шигунов. Они показали, что о Косогорах все знали как о месте казней с 1918 года, еще со времен прославленной ЧК. В 1931 году эту территорию огородили и поставили столбы с надписями о том, что вход на нее воспрещен. Кроме того, с 1940 года для охраны Косогор ввели патрули с овчарками.

О транспорте и расстреле военнопленных в 1940 году дали показания: тот же Кривозерцев, а также Матвей Захаров, Григорий Сильверстов, Иван Андреев и Парфен Киселев.

Кривозерцев видел, как в апреле 1940 г. на станцию в Гнездово ежедневно приходили поезда из Смоленска в составе от трех до четырех вагонов с зарешеченными окнами.

Захаров, который работал на вокзале в Смоленске, подтвердил, что он видел вагоны с военнопленными в тот же период. Это были военнопленные в польских мундирах. Этапы военнопленных в направлении Гнездово продолжались

28 дней.

Сильверстов видел прибытие вагонов в Гнездово и как из них выгружали военнопленных в польских мундирах. У них отбирали ручную кладь и бросали ее на грузовик, а военнопленных грузили в три тюремные машины и увозили в направлении Катыни. Иногда машины возвращались до десяти раз в день, курсируя между домом отдыха в Косогорах и Гнездовым.

Андреев видел в марте и апреле 1940 года железнодорожные составы с арестованными, которые приходили на станцию Гнездово. По форме их фуражек он распознал, что это были польские военные. Их грузили в машины и увозили в Катынь.

Киселев подробно рассказал о том, как он указал в 1942 году польским рабочим место расстрелов.

В группе польских военнопленных офицеров, которых привезли в Катынь, было довольно много владеющих русским языком и они могли свободно говорить с вышеназванными свидетелями без помощи навязанного им переводчика.

Показания свидетелей о том, что Косогоры давно служили местом расстрелов, было легко проверить. Поэтому немцы распорядились раскопать указанные места. Было обнаружено 11 могил, вернее рвов, поверхность которых уже давно слилась с поверхностью леса. В этих рвах были найдены тела в гражданской одежде. Их было немного. Несколько десятков. Все указывали на один и тот же способ убийства: выстрел в затылок. Состояние разложения трупов указывало на большую разницу во времени, из чего можно было заключить, что расстрелы производились в разные довоенные годы.

Таково было действительное положение вещей в Катыни, о существовании которой до этого никто во всем мире не слышал, а сегодня знали, что находится она в 16 км от Смоленска и в четырех — от станции Гнездово, что там растут сосны, что весной там еще холодно, что Днепр омывает ее лесистые высокие берега, что там стоит дом в стиле русской дачи, который служил местом отдыха сотрудников НКВД и фотографии которого у одних вызывали дрожь ужаса, а у других — либо сомнение, либо пренебрежительный жест, опровергающий все эти сенсации.

Европейские радиостанции, контролируемые почти повсюду немцами, передавали в эфир все новые и новые подробности. Немецкое радио "Трансоцеан" вело передачи на весь мир.

В ответ советская пропаганда мобилизовала все средства, чтобы парировать острие немецких утверждений. И Москва упорно повторяла: "Банда гитлеровских палачей зверски убила польских военнопленных офицеров в августе-сентябре 1941 года".

Одновременно с этим официальным советским заявлением, которое радиостанции союзников обошли молчанием и оставили без всяких комментариев, успешно развивалась советская подпольная работа в оккупированной немцами Европе. Ее целью было опровергнуть, подорвать немецкие утверждения или хотя бы внести в них неразбериху, посеять сомнения и подозрения. Интенсивность этой деятельности ясно указывала наличие одного руководящего центра. А почва была податливой. Почва, которую немцы подготовили против самих же себя. Их жестокие методы, массовое истребление в концлагерях, газовые камеры и печи крематориев, вся их тупая, беспощадная политика геноцида и цинизм программы "Новой Европы" под эгидой гитлеровской свастики — все это вместе взятое мобилизовало против них истерзанную Европу гораздо раньше, чем они успели оповестить мир о чудовищном преступлении под Смоленском. Обычно люди верят в то, во что они хотят верить. Немецкой пропаганде они верить не хотели.

Даже в Восточной Европе, которая столько выстрадала от советской оккупации, под гнетом немецкой оккупации забывались старые раны, а кровоточили и жгли новые, которые наносили немецкие оккупанты.

Но Катынь была неслыханным преступлением. Она могла бы подействовать на перемену в настроениях, если бы немецкая политика пожелала изменить свои методы. Перед лицом такой угрозы советские агенты удвоили свои усилия, не гнушаясь никакими средствами для достижения своих целей. Они распускали самые невероятные слухи, противоречившие друг другу, а иногда и официальной советской версии, чтобы в общей сумятице посеять сомнение в подлинности

результатов катынских расследований.

В один прекрасный, по-летнему теплый апрельский день этого года ко мне на веранду пришел человек из соседней деревни и, как положено крестьянину, начал с разговора о погоде. Когда мы затем перешли к неизбежной тогда злободневной теме, он спросил:

— Вы думаете, правда — то, что люди болтают, будто немцы ездят к каждой семье, о которой узнают, что ее родственник был в Козельске, записывают его анкетные данные, чтобы потом внести в список будто убитых в Катыни? А там, там, — он указал пальцем на восток, — вроде бы и нет никаких могил...

— Кто вам это говорил?

— А люди болтают...

А то еще болтали, что из концлагеря в Освенциме привезли в Катынь трупы и одели их в польские мундиры.

А то — что немцы расстреляли военнопленных, да только советских.

А то — что это были расстрелянные евреи.

Нужно обратить внимание, что каждый из этих слухов шел вразрез с советской версией. Но, во-первых, последняя редко доходила до местного населения под немецкой оккупацией, так как радиоприемники были конфискованы, а во-вторых, она не очень-то годилась для распространения на польской территории... Несмотря ни на что, слишком свежи были в памяти недавние события, а кроме того... письма! Почему же, если польские военнопленные находились до августа 1941 года под Смоленском, всякий их след и слух о них исчез именно с весны 1940 года? Нет, люди качали головой и опять начинали верить немцам.

Агенты советской пропаганды почти никогда не разоблачали себя. Их тактика, предписанная впрочем сверху, состояла в том, чтобы проникать в подпольные патриотические организации. Оттуда они могли гораздо легче и эффективнее вести свою работу. Они проникали особенно в подпольные организации стран, оккупированных немцами, которые граничили с СССР и по планам советской империалистической политики должны были войти в состав СССР после победоносной войны.

Однажды, в одно из воскресений, я услышал, что мой товарищ, ротмистр 4-го уланского полка Константы Антон, заключенный козельского лагеря, а потому фигурировавший в одном из немецких списков жертв Катыни, — жив.

— Жив. Точно, жив! — говорили мне. — Проверьте. Его жена получила письмо из Турции. Он теперь в польской армии на Ближнем Востоке.

Через неделю об этом уже все говорили в городе и его окрестностях. Я, побывавший в Катыни и видевший собственными глазами процедуру опознания трупов, отнесся сначала скептически к этому слуху, но его повторяли так настойчиво, что и я в конце концов поверил в него, предположив, что, может быть, Антон обменялся с кем-нибудь документами. Однако никто, включая меня самого, не сходил к жене Антона проверить, получила ли она действительно такое письмо. Нужно хорошо знать психологию, чтобы среди бела дня пользоваться подобными приемами. Большевики ее знают: каждый повторит слух, но никто не проверит его. Я проверил только тремя годами позже в Италии. Там я узнал, что Антон без вести пропал из Козельска. Он никогда не был в польской армии на Востоке. Его жена никогда не могла получить от него письма через Турцию...

А в Варшаве распространился такой слух: "Некая дама прочла в немецком списке фамилию своего мужа, где он числился жертвой катынского преступления, а на самом деле он был арестован немцами и вывезен в Освенцим. Тогда она ("дура") пошла в Гестапо и... никогда оттуда не вернулась!" Этот слух был пущен более ловко: его никто не мог проверить. И хотя никто не знал ни фамилии этой загадочной дамы, ни ее адреса, ни каких-либо других подробностей, этот мистический случай облетел всю Польшу и передавался из уст в уста как самый что ни есть достоверный. Конечно, это была неправда, так как после окончательной проверки никто нигде с 1940 года не видел никого из числившихся в списке жертв Катыни.

Но такого рода слухи вызывали доверие. И не только в других странах мира, но даже в Польше, где, несмотря на то, что в общих чертах жители осознавали действительный ход

трагедии, далеко еще было до полной уверенности в том, какая судьба постигла без вести пропавших военнопленных.

Г л а в а 14

МОИ КАТЫНСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Найденные газеты определяют время массового убийства.—
Не 10 и не 12 тысяч, а... четыре тысячи. — Тайна
пистолетных гильз выясняется. — Свидетельствуют евреи...

Во второй половине апреля критического 1943 года я жил по-прежнему в своем деревенском домике в 12 километрах от Вильно, а в город ходил пешком и редко. Во время советской оккупации я переменял свою профессию журналиста и литератора на более соответствовавшую условиям — стал грузовым возчиком. Во время же немецкой оккупации я сидел тихо в деревне и никто меня не тревожил, хотя, конечно, немецкие власти не могли не знать о моем существовании.

Как-то за неделю до Пасхи, продавая свое летнее пальто на базаре в Вильно, я встретил своего старого товарища. Он работал сборщиком объявлений для издаваемой немцами газеты на польском языке и поэтому зачастую знал новости из первых рук.

Было тепло. Весна. Дуновения южного ветра подняли ртутный столбик в термометре. Люди оставили дома свои зимние пальто на ватине, а с ними и надежду на скорый конец своих лишений и страданий — надежду, которую до сих пор возлагали на каждую новую весну. Тогда мы все пережевывали свои впечатления и комментарии к страшному,

только что открытому преступлению под Смоленском. В остальном тянулась все та же удручающая, голодная, бедная, вялая жизнь. Однако, встретив меня, мой знакомый сиял — видно было, что под влиянием какого-то внутреннего возбуждения. Схватив за пуговицу пальто, которое я держал в руках, он с места начал вполголоса:

— Со вчерашнего дня мне звонит Клау. Вернер Клау, начальник Отдела прессы при Областном комиссариате города Вильно (Gebietskommissariat Wilna-Stadt), все добивается, не знает ли кто-нибудь из служащих твоего адреса. Он хочет пригласить тебя в Катынь.

Тот, кто соприкоснулся с подпольной работой времен владычества Гестапо, знает как трудны были внутренние контакты в подполье и сколько иногда терялось времени на то, чтобы дожидаться согласования. Из сказанного я сразу понимаю, что поездка в Катынь — дело первостепенной важности, но не хочу делать этого, не связавшись прежде с подпольными властями. Потому я говорю:

— Прекрасно. Дорогой, постарайся уведомить этого Клау, что сам берешься разыскать меня за три дня. Я же воспользуюсь этими тремя днями...

— Все понятно.

”Ядзи”, моей связной с заместителем командира подпольной армейской организации, конечно, нет там, где она должна быть. В небольшой подвальной столовке только пожимают плечами. Я, правда, нашел на месте ”Романа”, наборщика подпольной газеты, а официально — официанта другой столовой, с которым я нахожусь в постоянном контакте, но он не может обеспечить немедленную связь.

— Постараюсь... — отвечает он.

За ”Зыгмунтом”, занимающим в конспиративной иерархии более ответственный пост, идет слежка, и он должен соблюдать осторожность, чего, впрочем, он не делает. Через три месяца он повесился на собственных носках в следственной камере гестаповской тюрьмы, не выдержав пыток на допросах.

Конечно, все эти происшествия не имеют прямой связи с делом Катыни, которому посвящена эта книга. Но они

указывают, какие трудности, не только крупные, но и мелкие в бесконечной путанице нагромождались на пути к выяснению истины. Через три дня оказалось, что "командир" уехал и остался только его заместитель. Пока последний отдал ясный приказ — "ехать", — прошло пять дней, и только после обеда на шестой день я смог удобно усесться в кресле перед письменным столом начальника немецкого отдела прессы.

Вернер Клау, сам бывший берлинский журналист, принял меня любезно. Никаких обязательств, подписей, заявлений, никакого принуждения. Просто:

— Поезжайте и увидите.

Однако ошибается тот, кто думает, что немецкая административная машина работала четко. Любая тоталитарная система увеличивает бюрократию и усложняет самые простые вещи. Проходят еще три недели в запутанной переписке между Восточным министерством в Берлине, командованием фронта и гестапо. Я жду.

Между тем я разыскал доктора Сингалевича, бывшего профессора Виленского университета, самого авторитетного в Польше специалиста по судебной медицине. Я прошу его подготовить меня теоретически к тому, что мне будет суждено увидеть собственными глазами.

Профессор достает с полок множество книг. Показывает иллюстрации, объясняет и сопоставляет с фактами, которые он вычитал в немецких газетах о состоянии трупов в Катыни.

— Если там действительно суглинок, то вполне возможна частичная сохранность трупов от гнилостного распада, известная в медицине под названием "жировоска". Я не заметил каких-либо противоречий или загадочных мест в немецких сообщениях. И еще одна важная вещь: эксгумационными работами и общим исследованием руководит, как это видно из газет, профессор Вроцлавского университета доктор Бутц. Это мой коллега еще со студенческих времен. В частном порядке я могу вас заверить, что, во-первых, в этой области он ученый европейского масштаба, а во-вторых, человек безусловно порядочный, который ни в коем случае не поставит своей подписи под фальшивой экспертизой. Поговорите с ним, ссылаясь на наше старое знакомство.

— Благодарю. А вы, господин профессор, обратили внимание на то, что в немецких сообщениях нигде не упоминается о том, были ли найдены и на чье производство указывают pistolетные гильзы от пуль, которые убили наших офицеров.

— Ах да! Конечно. Я это заметил и хотел вам сказать об этом. Гильзы как вещественное доказательство — первооснова при расследовании любого убийства, совершенного с помощью огнестрельного оружия. Не понимаю, почему об этом не пишут...

* * *

Только во второй половине мая 1943 года мы поднимаемся в воздух на немецком транспортном самолете устаревшего типа "Ю-88". Кроме меня, летят два португальских журналиста и один шведский, а также группа из десяти варшавских рабочих — немцы посылают их, чтобы они во всем убедились на месте и рассказали своим соотечественникам. Старые немецкие пропагандистские приемы, давно всем известные... Нас сопровождает офицер вермахта, бывший немецкий атташе в Токио, а теперь связной в министерстве иностранных дел. В таком составе мы с трудом пробиваемся сквозь тучи. Теперь ветер дует с северо-востока, в нос самолета. Полет над землей, разоренной войной, тянется долго, очень долго. В это время в прифронтовой полосе охотятся советские истребители. Надо соблюдать осторожность. Сидеть в самолете, предназначенном для парашютного десанта, плохо, неудобно; поташнивает. Когда мы приземляемся за Днепром, термометр показывает едва три градуса выше нуля, идет мелкий дождь.

— Это хорошо, — говорит немецкий офицер.

— Почему хорошо?

— В теплую погоду вы все не выдержали бы у катынских могил.

Здесь все выглядело рыжим от глины, от кирпича разрушенных домов, от ржавчины развороченных машин, пушек, танков и прочего железного лома, от сожженных перелесков

и всякой гнили, которую всякая война оставляет позади и вокруг себя. Штатских было мало, а те, кого мы видели, были оборваны и запуганы. Зная советскую жизнь, я не удивляюсь тому, что любой житель Смоленска старается говорить как можно меньше и больше пожимает плечами. А иностранных корреспондентов это удивляет:

— Как же так! Неужели они тут, в Смоленске, в 16 километрах от места массового убийства, могли о нем не слышать?

Какой-то смоленский житель стоит и угрюмо смотрит в землю, усеянную осколками оконного стекла и кирпичным щебнем разрушенных домов. Он думает свое. Я смущенно улыбаюсь, как будто я тоже виноват во всем том, что творится теперь в Восточной Европе. Наконец русский поднимает голову и, поняв меня по выражению моего лица, улыбается такой же блеклой улыбкой, как это небо, нависшее над страной.

* * *

Положение на месте таково: на запад от Смоленска идут железнодорожные пути на Витебск через Гнездово; более или менее параллельно с ними проходит шоссе. Больше нет сомнений — да никто этого и не оспаривает, — что весной 1940 года на станцию Гнездово привозили польских военнопленных. Там их выгружали. Шоссе идет дальше на Катынь. От Гнездова до Катыни около 4 км. По обочинам — залитые дождем рощицы, вырубки, на которых там и сям уже выросли березки, ольшанник. Глаз смотрит на них равнодушно, скользя по мокрым стеблям, веткам, по стройным побегам каких-то кустов. И только мысль, побуждаемая воображением, колесит по этой дороге, вторя крутящимся шинам: "Тут, тут, тут ехали эти люди".

Резкий скрип тормозов перед воротами и колючая проволока пересекают поток воображения. Все сразу становится реальностью: и жандарм с бляхой на груди, и все еще морозящий дождик, и мокрые сосны, и птичка, которая упорно требует: "синь-синь-синь". А над всем этим — страшная,

удушливая трупная вонь. Ни один лес в мире не пахнет так, и хочется во весь голос закричать: Боже! Что они сделали с нашей природой!

Когда я приехал в Катынь, уже раскопали все семь могил. Некоторые уже совсем опустели. Эксгумационные работы близились к концу. Первое, что бросилось в глаза, — замусоренный лес вокруг уже пустых рвов. Вскоре я узнал, почему лес замусорен, — это-то и навело меня на самое главное открытие.

Чтобы наглядно показать его значение, необходимо вкратце обрисовать методы эксгумационных работ. Само собой разумеется, что общее руководство было в немецких руках. Но непосредственные работы велись вышеупомянутой группой специалистов-профессионалов из Польского Красного Креста во главе с доктором Водзинским из Кракова. У него работали как жители окрестных деревень по вольному найму, так и советские военнопленные. Трупы, извлекаемые из рвов, складывались рядами на землю. Затем из этих рядов их брали по одному с целью осмотра и обыска. В большинстве случаев мундиры были в хорошем состоянии, можно было распознать даже, из какой материи они сшиты, — только обесцветились. Все кожаные изделия, в том числе и сапоги, выглядели резиновыми. Поскольку почти каждое тело, как правило, было склеено с другими трупной жижей — липкой, страшной, зловонной, — не могло быть и речи о том, чтобы расстегивать карманы, не говоря уже о стягивании сапог. Специальные рабочие, в присутствии дежурного делегата Польского Красного Креста, разрезали ножами карманы и голенища сапог, так как в них тоже иногда находили спря-танные вещи.

Все, что было извлечено и представляло собой какое-нибудь вещественное доказательство, память для семьи, указание для опознания убитого или материальную ценность (личные документы, удостоверения личности, дневники, записные книжки, письма, фотографии, образки, молитвенники, квитанции, медали, ордена, кольца и т. д.), — вкладывалось в приготовленные для этой цели конверты с порядковым номером. Тот же номер затем прикреплялся к телу, которое откладывали в другой ряд, если оно не представляло

собой особого интереса для медицинской экспертизы. Потом тела перезахоранивали в братских могилах. Но...

Что происходило с остальными вещами?

Человек, даже влачащий жалкое существование в советских лагерях, все же пользуется множеством разных мелочей. Щеточки, гребешки, спички, мундштуки, какие-то корбочки, табак, папиросы, карандаши, лезвия для бритвы, зеркальца, кошельки, что еще... память отказывает мне, и я не могу припомнить все то жалкое, покоробленное, полустлевшее... Я видел у одного пакетик презервативов, с отчетливым фабричным штемпелем... И вот этот интимный предмет его жизни лежит на виду у всех, в этом страшном лесу, посреди зловония и смерти, перед лицом трагедии... Этот предмет, принадлежавший человеку с простреленным навывлет черепом, кажется чем-то крайне человеческим на фоне этого бесчеловечного преступления. Ко множеству этих мелких вещей можно еще прибавить польские деньги, уже изъятые из оборота, не представлявшие никакой ценности. Иногда их находили целыми пачками. Все это сразу бросали в лес, на его растительный покров, на брусничные и черничные листья, на вереск и мох, под кусты можжевельника. Но со всем этим выбрасывали еще кое-что: г а з е т ы .

Хотя и Международная комиссия экспертов (см. Приложение 12), и секретарь тайной полевой полиции Фосс (см. Приложение 14), и доктор Бутц в своих докладах справедливо обратили внимание на даты газет, найденных на телах убитых, однако, они не учли в должной степени их значения как вещественного доказательства в разрешении загадки:

Когда было совершено массовое убийство? — а тем самым: кто убил?

Немцы сохранили несколько газет как экспонат, а остальные повыбрасывали в лес. В большинстве случаев это были обрывки газет. Газетная бумага — необходимый бедному человеку, каким безусловно является военнопленный, материал для самых разных целей. Она заменяет ему бумажник, кошелек, служит для упаковки разных вещей, которые военнопленный носит в карманах, мешке или рюкзаке; она заменяет ему папиросную бумагу, стельки, даже теплые носки и т. д. Лес был усеян множеством таких газетных

лоскутьев, наряду с отдельными страницами и даже целыми газетами. На них смотрели как на вещь, не представляющую никакой ценности.

Наш гид, старший лейтенант Словенчик, указывая рукой на лес поперх вереска и раскопанных рвов, сказал:

— Господа, вы можете брать отсюда себе на память все, что угодно.

Наклонившись, я ворошил прутиком эти зловонные лоскутья, но не сразу обратил на них должное внимание. Только тогда, когда я подошел к месту обыска трупов доктором Водзинским и когда он в моем присутствии вынимал из карманов, одну за другой, газеты от марта-апреля 1940 года, — я полностью понял всю убедительность этого факта. "Глос Радзеcki", советская газета на польском языке, попадалась в большом количестве среди других советских газет, издаваемых по-русски. "Глос Радзеcki"! Сегодня я могу подтвердить показания поручика Млынарского, который говорил о том, что лагеря польских военнопленных усиленно снабжали этой газетой... Даты газет не вызывали никакого сомнения. Тут следует отметить, что все печатное сохранилось в могилах лучше, чем все остальное... Некоторые газеты можно было легко прочитать — буквы на них, как на пропитанной жиром бумаге, были отчетливо видны.

Я вернулся в лес с тем же платком у носа, спрятался за ствол большой сосны, и меня стошнило. Потом я снова принялся ковырять прутиком в клочках газет, разбросанных вокруг. На обрывках, где не было даты, я читал отрывки телеграфных сообщений, последние новости, которые относились к первым месяцам 1940 года — ни в коем случае не позже.

— Итак, нет никакого сомнения, — я, очевидно, сказал это произвольно вслух, так как стоящий рядом со мной варшавский рабочий спросил:

— Что? — Впрочем, его внимание всецело поглотила поднятая с земли толстая пачка стозлотовых банкнотов.

Я ничего ему не ответил — я сводил воедино свои размышления. Не могли газеты в таком количестве пролежать полтора года в карманах убитых, если бы, по советской версии, военнопленные были еще живы в августе 1941 года. Газета,

даже вражеская, для военнопленного — источник информации, которую он жадно ловит. Ввиду этого, хранение старых газет было бы полным абсурдом, полной ерундой перед лицом тех важных событий, которые приносил с собой каждый новый день идущей мировой войны. А что уж говорить о начале советско-немецкой войны, которая могла прямо повлиять на судьбу польских военнопленных. Да чего тут разглагольствовать: ерунда, и все! А как материал для упаковки, для стелек, на "закрутку" или для какой-либо иной утилитарной цели, они опять-таки не выдержали бы так долго: истерлись бы и истлели. Нет, военнопленные не могли сберегать старые газеты. У них должны были бы быть более свежие. А именно таких, датированных позднейшими числами, — не было совсем.

Итак, датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года. Разве что...

Разве что немцы, еще до публичного осмотра трупов, сумели тайно и тщательно обыскать их карманы и изъять из них газеты с позднейшими датами. Но и этого мало: еще нужно было вложить в карманы газеты более раннего времени. Из этого следует, согласно советской версии, что немцы, задумав такой сложнейший маневр, должны были где-то достать, купить или иным способом раздобыть сотни и сотни советских газет от марта-апреля 1940 года и...

Я опять вернулся к могиле, откуда продолжали извлекать тела.

— Что с вами? Вам нехорошо? — спросил швед.

Я помотал головой и посмотрел вниз. Передо мной зияющий ров, а в его пропасти слоями лежат трупы, вплотную, как сельди в банке. Мундиры — польские мундиры, — шинели, ремни, пуговицы, сапоги, взлохмаченные волосы на черепках, полуоткрытые рты. Дождик перестал моросить, и бледный луч солнца пробился сквозь густую крону сосны. "Синь-синь-синь!" — отозвалась птичка. Солнечный луч осветил могилу и на мгновение блеснул на золотом зубе в открытом рту какого-то трупа. — Все-таки не выбили... — "Синь-синь-синь!" — Жутко. Сплетенные в клубок руки и

ноги, все утрамбовано словно катком. Посерелые, мертвые, ряд за рядом, сотня за сотней, невинные, беззащитные воины. Вот на груди какого-то офицера крест “Virtuti Militari,” а голова придавлена сапогом товарища. Другой лежит лицом в землю. А вот еще один в фуражке. Это исключение. А там дальше все в шинелях, и не распознать уже в этой липкой массе их индивидуальных особенностей и примет. Именно: масса — излюбленное слово в Советском Союзе.

— Отойдем отсюда, — снова говорит швед, молодой симпатичный паренек. — Вы жутко бледны. Здесь, правда, трудно выдержать, — он снял очки и вытер пот, хотя было холодно.

— Одну минуту.

Сплошная масса тел была настолько спрессована, склеена трупной жидкостью, как бы сплавлена, что рабочие, извлекая у меня на глазах очередное тело, должны были крайне осторожно его приподнимать, а затем почти силой отрывать от общей массы.

Нет! Это немислимо! Никакая человеческая сила, никакая техника не смогла бы обыскать, открывать карманы на одежде этих трупов, вынуть из них одни вещи, затем вложить другие, снова застегнуть карманы, положить трупы обратно, утрамбовать слой за слоем! Да еще догадаться завернуть какие-то мелочи в специально подобранные по датам обрывки газет или сделать из них стельки для сапог!.. А кому-то вложить в карманы махорку, завернутую в “Глос Радзецки” как раз от 7 апреля 1940 года!.. Абсурд. Засыпать могилы и через месяц (согласно советской версии — см. Часть II) раскопать их и показывать экспертам, добиваясь участия Международного Красного Креста в расследовании!

Итак, не подлежит никакому сомнению: только большевики могли совершить это преступление.

На телах убитых в Катynie офицеров было найдено около 3300 писем и открыток, полученных ими от своих семей из Польши, и несколько написанных ими, но не отосланных в Польшу. Ни одно из этих писем и ни одна из этих открыток не датированы позже, чем апрелем 1940 года. Это подтверждают и их семьи в Польше, у которых переписка внезапно оборвалась как раз в это время. Большевики могли бы

ответить, что по тем или иным причинам они запретили военнопленным переписку. Но они этого не утверждают, потому что у них нет доказательств. Впрочем, могли бы утверждать и без всяких доказательств. Однако в отношении газет у них нет никакого объяснения, которое не противоречило бы здравому смыслу.

Эксгумационные работы продолжаются. Тела отрывают от слипшейся массы, кладут на носилки, укладывают в ряд. Оттуда опять на носилки и на осмотр. Одно за другим, одно за другим. День за днем, неделя за неделей, тысячи... Сколько этих тысяч?

* * *

Мое второе открытие не потребовало особых усилий, поскольку эксгумационные работы близились к концу. Я должен вновь подчеркнуть, что немцы, впусив нас прямо на территорию, где были рвы, предоставили нам полную свободу действий, свободу осматривать все, что угодно, и разговаривать с кем угодно.

Один молодой поляк в темных очках с повязкой Красного Креста на рукаве, которого я принял за ассистента доктора Водзинского и фамилию которого я и до сих пор не знаю, шел в сторону одной из могил и давал какие-то распоряжения рабочим. Я подошел к нему и слегка притронулся к его рукаву. Тут все было насыщено трупным зловонием: лес, одиночные деревья, песок, трава, кусты и живые люди. А больше всего воздух, которым мы дышали. Наверно, и человек, к которому я подошел, был пропитан трупным запахом с ног до головы, ничем не отличаясь от всего окружающего, а темные очки делали его лицо особенно непроницаемым, но меня к нему подтолкнула интуиция.

— Что здесь неладно? — спросил я.

— А что может быть неладного? — резко ответил он, отдергивая руку.

— То, что немцы говорят в своих коммюнике... — и тут же, одним духом, я сказал ему, кто я, откуда и зачем приехал сюда.

Темные очки окинули меня взглядом, выражения которого я, конечно, не мог разгадать.

— Вы понимаете, — добавил я. — Я должен знать...

— Да, прежде всего — неправильная цифра.

Я отнял ото рта носовой платок, и трупный угар одурманил меня с удвоенной силой. В тот момент, когда происходил этот наш разговор, никто не оспаривал цифры 10–12 тысяч убитых. Немцы упорно придеживались ее в каждом своем сообщении.

— Как так... их не столько?

— Какое там! — он пожал плечами. — Мы открыли общим счетом семь могил. Видите, тут еще лежат слои нетронутых трупов, но третьего дня мы уже дошли до самого конца. Еще там, в небольшой могиле, в подпочвенной воде плавают позеленевшие тела — может быть, пятьдесят. Я сейчас вам скажу: приблизительно, может, дотянем до четырех с половиной тысяч — никак не больше.

Он не то что пожал плечами, а скорее нервно подернулся:

— Заврались, а теперь уже не могут отступить. Боятся все скомпрометировать. А во-вторых, они слышали, что мы столько не можем досчитаться. Вы, наверно, знаете?

Я поддакнул.

— Ну вот. Они делают отчаянные усилия, раскапывают всю возвышенность, чтобы найти больше, но находят только отдельные, более давние скелеты русских, не военных.

— А где же остальные? — я спросил машинально, как будто мог рассчитывать на ответ, как будто этот человек в темных очках мог знать об этом больше меня.

— Ба!.. — он развел руками. Одна рука повисла над могилой, другая указывала на барак, возле которого грелись у костра рабочие. Вероятно санитар думал так же, как я. Своим жестом он будто охватывал пространство от Северного Ледовитого океана до азиатских пустынь. Пространство огромное...

Где остальные? Теперь мы уже знаем, что советское правительство любой ценой хотело избежать этого вопроса и потому судорожно ухватилось за ложную цифру, поданную немецкой пропагандой. Но тогда, в мае 1943 года, это была еще сенсация.

— А вы спросите насчет этого профессора Бутца, — добавил неожиданно санитар. — Вот так прямо, без обиняков. Он, кажется, приличный человек. Интересно, что он скажет.

Через полчаса, ссылаясь на проф. Сенгалеви́ча, я представился профессору Бутцу и спросил:

— Как вы считаете, господин профессор, сколько здесь трупов?

— О! Это еще точно не вычислено... — ответил он честно — так, как мог ответить немецкий офицер, мнение которого явно расходилось с официальными утверждениями немецкой пропаганды.

* * *

Костры в Катъни, у которых греются рабочие, имеют двойное назначение. Они дают тепло и дым, который хоть ненадолго разгоняет трупный смрад, как в других местах отгоняет комаров. У людей, столпившихся вокруг костров, глаза слезятся от дыма. Там как раз стоит уже известный нам старичок Парфен Киселев, который первым указал место преступления. Другие окрестные жители, которые тоже давали показания по катынскому делу, а теперь тут работают, сидят на корточках и недружелюбным взглядом окидывают "гостей".

Я понимаю их. Им уже давным-давно надоело бесконечно повторять через переводчика все одно и то же. Их, наверно, тошнит не только от вечного смрада, но и от постоянного повторения одних и тех же рассказов. Разве они виноваты, что видели?! Ну, действительно видели, как ехали воронки, как возвращались за новой партией, как все те, кого грузили на станции в Гнездове, исчезали именно тут, в Козьих Горах. Их лица сильно оживляются, когда я обращаюсь к ним без переводчика, на чистейшем русском языке.

— А вы что? Русский будете?

— Нет, я поляк.

— Ааа...

— А это, по-вашему, лучше или хуже?

Они улыбаются.

Один из них начинает рассказывать. Вещи уже известные. Вдруг возникает спор о количестве машин, которые возили военнопленных из Гнездова в Катынь. — "Четыре", — говорит рассказчик.

— Не бреши! — возражает ковыряющий палкой в огне. — В смоленском НКВД всего и было четыре "воронка". А ездило только три. Четвертый оставался в городе. А спереди ездил легковая машина с энкаведешниками. А сзади грузовик с вещами. Вот как оно было.

— Ты, может, видел три, а я видел четыре.

— Со страху, видно, чтобы и тебя не завезли на Косогоры.

Спор кажется мне несущественным.

— А давно тут было место казней — в Косогорах, в Катыни?

— О-го-го! — отвечают они чуть не хором и умолкают.

— Но не всегда, — добавил кто-то.

— Правда, — поддакнул первый. — Бывало и тихо. Но проволокой было огорожено, и охрана ходила с собаками. Бывало, ребенок или баба подлезет под проволоку за грибами. Если девка молодая, то солдат ей юбку на голову, на землю повалит и хе-хе-хе... — все засмеялись злым, плотоядным смешком.

И вот неожиданно один из сидящих начал рассказывать, обращаясь больше к товарищам, чем ко мне:

— А помните, как Марфа из Новых Батеков, было это в августе тридцать девятого, пошла за грибами, а охранник ей: "Стой!" А потом на землю, юбку вверх и насиловать начал. Она хотела кричать, а тут собака здоровенная прибежала и стоит над ними, язык свесила и смотрит, смотрит...

— Верно, слюнки текли...

— Хе-хе-хе-хе!

— А Марфа перепугалась, не защититься.

Ветер разогнал дым, и опять понесло трупным смрадом. Каждый сплюнул по-своему — кто вбок, кто в огонь, — и снова все умолкли.

— А выстрелы, когда расстреливали, были слышны? — спросил я.

— Нет, ничего не было слышно, — другие кивнули головой в знак согласия...

— А я слышал. Слышал, — упирается Киселев.

— Он один только и слышал. Больше никто.

— Как же так, что до сих пор все было тихо и никто не проболтался?

— А вы, что ли, не знаете, как тут у нас...

— Откуда он может знать, — прервал Киселев, — человек издалека, из-за границы, может, приехал, а ты: "Знаете!" У нас язык за зубами держать надо...

— Да нет, я знаю, знаю. И я пожил при советской власти.

— Вот видишь, — вмешался первый, — человек, значит, свой. Понимает что к чему. Ему двух слов хватит.

Португальский корреспондент подошел к костру и смотрел, прислушивался к чужому языку.

— Что они говорят?

Вмешался немецкий переводчик. Я отошел.

* * *

Профессор Бутц лояльно признает наводящим на размышления тот факт, что, кроме Киселева, никто не слышал выстрелов.

— Я вам покажу гараж. — Мы идем в направлении известной нам уже "дачи", дома отдыха служащих НКВД. — Я искал в этом гараже, — продолжает Бутц, — следов крови. Я думал, что, как это часто бывает у большевиков, гараж мог служить местом казни. Тогда возле него ставят грузовики с включенными моторами. Но следов от пуль нет. Офицеров расстреливали у края могил. Очевидно, лес заглушал выстрелы. Калибр мелкий, а расстояние до ближайших изб большое. Может, есть еще люди, которые слышали. Мы ведь не опросили всех в окрестностях... К тому же, многих уже нет. Одни ушли в армию, другие эвакуировались при отступлении.

"Дом отдыха" действительно очень похож на типичную русскую дачу. Именно такие летние дачи строили себе до революции богатые купцы. Отсюда открывается очень живописный вид. Наконец есть чем дышать. Глубоко в долине течет Днепр, синий на фоне еще голых кустов, которые густо,

как щетина, покрывают крутой берег. До самого низа обрыва идет деревянная лестница. Летом здесь, должно быть, чудесно. Можно купаться. Наверно, когда наступает тепло и все расцветает, тут заливаются соловьи. А осенью, наверно, алеет рябина, калина, летят над течением Днепра перелетные птицы к Черному морю и дальше, дальше на юг... Летят они, свободные, над этой тюремной страной, теперь еще изуродованной, развороченной, усеянной бункерами. Наверно, тяжело умирать, глядя на эту благодать Божию. Например, с веранды. Каких это людей рождали матери — людей, которые здесь отдыхали, потом шли в лес на палаческую работу и опять возвращались отдыхать? А что вы думаете, воробышки, там на крыше, что строите свои гнезда под застрехой? Они щебечут что-то, но их слов не понять. Молчат деревья и кусты, молча течет река.

Опять идет дождь. У доктора Бутца, плотно затянутого в мундир, вид слегка скучающий. Ему уже не раз приходилось сопровождать многих приезжих в Катынь.

— Вернемся, — говорит он.

Возвращаемся.

— Нельзя ли вас спросить, доктор...

— Пожалуйста. Я ведь для этого здесь.

— Вот меня интересует вопрос... неужели нигде не попадались гильзы от пистолетных патронов? И не удалось определить фабричную марку оружия, из которого расстреливали военнопленных?

Лицо немца становится серьезным.

— Ничего конкретного не могу вам пока сказать.

Но "тайна пистолетных гильз" скоро разъясняется.

Однажды я стоял вблизи доктора Водзинского и наблюдал, как он с помощью ланцета извлек пулю из черепа убитого офицера. Я уже было протянул руку, чтобы взять пулю, но вмешался все тот же молодой человек в темных очках.

— О, нет! Они вам пулю взять не позволят. Ни пули, ни одной найденной гильзы.

Рядом стоит немецкий майор. Я спрашиваю у него разрешения. Он взял этот сплюснутый кусочек свинца и в раздумье, будто взвешивая его на ладони, сказал наконец:

— Ja, ja, das können Sie behalten.

(Да, вы можете это себе оставить.)

Вечером я еще раз, и теперь без обиняков, спрашиваю Словенчика о гильзах. Он объясняет, что некоторое количество гильз действительно было найдено, но по существу это не имеет значения... Теперь каждый может употреблять оружие любого происхождения... Гильзы — не доказательство...

Его ответ явно уклончивый. Удивляет, однако, нечто другое, а именно то, что на эту деталь расследования, говорить о которой немецкая пропаганда тщательно избегала, не напала — и вообще ее не затронула — и бдительная советская пропаганда. Любому внимательному читателю немецких сообщений о Катыни бросается в глаза полное умалчивание о фабричной марке боеприпасов — так неужели это не бросилось в глаза аппарату советской пропаганды в Москве?

Вопрос о гильзах казался запутанным, но в то же время был простым.

Оружие, из которого расстреливали польских военнопленных, было — немецкого производства...

Гильзы, найденные в большом количестве, указывали на то, что боеприпасы были продуктом немецкой фирмы "Gustaw Genschow und Co." в Дурлахе под Карлсруэ (Баден). Гильзы были помечены: "Geco 7,65 D."

Какой же из этого вывод? С точки зрения немецкой пропаганды — ужасающий. Ничего удивительного, что местные немецкие власти, на которых было возложено расследование катынского преступления, были смущены и шокированы этим открытием. Вероятно, в ответ на соответствующий рапорт пришел приказ держать все это в тайне до выяснения. Позже мы узнали о дальнейшем ходе дела: министерство пропаганды обращается к Верховному командованию армии. Оно, в свою очередь, — к Главному управлению по делам вооружения. Затем идет бюрократическая переписка, поглощающая целые недели, так как, вероятно, Главное управление должно было снестись с заводом "Геншов". И что же выясняется?

После Рапсальского договора 1922 года и вплоть до 1929 года завод "Геншов" поставлял Советскому Союзу большое количество оружия и боеприпасов, которые, кстати, шли транзитом через Польшу. Кроме того, до самых последних

предвоенных лет эта же фирма снабжала оружием и боеприпасами, обозначенными "Геко", Польшу и прибалтийские государства. Боеприпасы "Геко" не только доминировали на польском частном рынке, но и повсеместно использовались польской армией. Оккупируя восточные земли Польши и захватив большие склады оружия и боеприпасов, большевики завладели крупными запасами именно этих боеприпасов.

Разъяснение немецкого Главного управления по делам вооружений датировано 31 мая 1943 г. (см. Приложения 14 и 15). Иными словами, это произошло через несколько дней после моего отъезда из Катюны. Вполне понятно, логично и жизненно объяснимо, что до 31 мая все это сохранялось в тайне и было опубликовано лишь после этой даты. Наоборот, вопрос о гильзах выглядел бы более подозрительно, если бы немцы заранее приготовили на него ответ.

Ибо что именно доказывает растерянность немецких властей? Косвенно: что не они совершили катынское преступление... Если бы, как утверждают большевики, немцы сами совершили массовое убийство в целях провокации, то они либо воспользовались бы оружием и патронами советского производства, которых у них было вдоволь после поражения Красной армии, либо по-другому подготовили объяснение, но ни в коем случае не были бы растеряны. Кого-кого, а немцев трудно было бы заподозрить в такой наивности в делах, касающихся преступления!

Вот почему советская пропаганда предпочла обойти молчанием вопрос о пистолетных гильзах, найденных в Катюны...

* * *

Я сделал еще одно открытие в Катюны, которое, хотя и косвенно, но все же помогает прийти к некоторым выводам и пролить свет на вопрос: кто убил?

Речь идет о внушительном числе еврейских фамилий в списках катынских жертв, которые публиковали немцы! Просматривая эти списки, я, насколько мог себе позволить, язвительно сказал немецкому офицеру:

— Гм... евреев тут тоже порядочно...

— Да-а-а, правда... но стоит ли это подчеркивать?..

Я ничего не подчеркиваю, а просто-напросто констатирую факт. Кто ближе познакомился со слепой, бешеной, с пеной у рта, гитлеровской антисемитской пропагандой, которая с абсолютным, не допускающим никаких оговорок упорством отождествляла большевизм с еврейством, только тот может себе представить, чего стоило этой пропаганде публиковать в списках жертв Катыни десятки еврейских имен и фамилий!

В оккупированной Польше расклеивали афиши о Катыни, называя ее преступлением "жидовско-большевистских палачей". В популярной брошюрке под заглавием "Массовое убийство в Катынском лесу", распространявшейся немецкой пропагандой, мы находим такой абзац:

И никого уже не удивит тот факт, доказанный вне всякого сомнения показаниями свидетелей, что этими палачами были без исключения евреи.

Немцы утверждали, что расстрелами руководили четыре сотрудника минского НКВД, и из этих четырех назвали три еврейских фамилии: Лев Рыбак, Хаим Финберг, Абрам Борисович. Между прочим, я должен сказать, что убийство военнопленных, как это подтвердилось позднее, было делом рук сотрудников минского НКВД, специально командированных в Катынь. Но три приведенные фамилии были просто взяты немцами наугад из архивов НКВД в Минске, который они заняли в самом начале войны при паническом отступлении Красной армии.

В то же время среди жертв Катыни мы находим имена: Энгель Абрам, Годель Давид, Розен Самуэль, Гутман Исаак, Зусман Эзехиель, Фрейнкель Исаак, Бернштейн Фейвель, Пресс Давид, Ниренберг Абрам, Хирштритт Израэль и т. д. И они-то пали жертвами "исключительно" еврейских палачей?

Это разительное противоречие не могло не раздражать немецкую пропаганду, и все-таки немцы публиковали эти списки. Отсюда можно прийти только к одному заключению:

если бы немцы хотели так или иначе фальсифицировать катынские документы, как это утверждает советское сообщение, то нет никакого сомнения, что первым делом они скрыли бы эти фамилии. Им было так легко уничтожить все, найденное на телах Юзефа Левинсона, Гликмана, Эпштейна и Розенцвейга и отнести их к "неопознанным". Но они этого не сделали и публиковали еврейские фамилии вместе с другими. Они не могли поступить иначе из-за большого числа свидетелей, которых сами пригласили.

Это лишний раз доказывает, какой большой вес немцы придавали гласности и объективному исследованию катынского массового преступления. В таких условиях они не могли позволить себе скрыть ряд документов и этим бросить тень или подорвать доверие к следствию, результаты которого их пропаганда с такой энергией разносила по всему свету.

Они сумели замять вопрос об одном трупе — о теле женщины, до времени умолчать о гильзах, но не могли фальсифицировать установление личностей десятков убитых, которых извлекали из могил в присутствии делегатов Польского Красного Креста и заграничных гостей. Немцы любой ценой хотели раскрыть правду о катынском преступлении, ибо... на этот раз не они совершили преступление, а большевики.

* * *

По возвращении из Катыни меня часто просили рассказать о своих "впечатлениях". Конечно, эти впечатления такие, о которых принято говорить, что они "замораживают кровь в жилах". Груды голых трупов чаще всего вызывают отвращение. Груды трупов в одежде наводят ужас. Может быть, потому, что нити этой одежды еще связывают их с жизнью, которой их лишили, и тем самым создают некий контраст. В Катыни были обнаружены почти исключительно военные, притом офицеры. Их мундиры производят, особенно на поляка, трудно передаваемое впечатление. Медали, пуговицы, ремни, орлы, ордена. Это не анонимные трупы. Здесь лежит

армия. Можно было бы рискнуть, сказав: цвет армии, боевые офицеры, некоторые ветераны трех войн. Индивидуальный характер убийства, умноженный на эту чудовищную массу, — вот что мучительно действует на воображение. Ведь это не массовое отравление в газовых камерах, не расстрел пулеметными очередями, когда за несколько минут или секунд умирают сотни людей. Здесь, наоборот, каждый умирал долго, каждого расстреливали отдельно, каждый ждал своей очереди, каждого тащили на край могилы, тысячу за тысячей! Быть может, на глазах смертника укладывали в могиле уже застреленных его товарищей, ровно, плотными рядами, может быть, их утаптывали сапогами, чтоб они меньше занимали места. И тут ему стреляли в затылок. Каждый по очереди извлекаемый в моем присутствии труп, каждый с черепом, простреленным от затылка до лба, опытной рукой, — это очередной экспонат ужасных мук, страха, отчаяния, всех тех предсмертных переживаний, которых мы, живые, не ведаем.

Когда-то я разговаривал с человеком, которого тяжело ранили в затылок пулей мелкого калибра и который прожил еще три дня: пуля застряла где-то в извилине мозга. "Это было, — прошептал он, — будто стакан лопнул — дзинь! — конец".

Еще один, и еще следующий, и опять, и опять несут трупы, но уже в обратном порядке — сверху на дно могилы, — и, как прежде, наполняют ее со дна доверху.

Душераздирающий, взвинченный вопрос, какое-то хищное любопытство, которое позднее не даст спать много ночей, возникает при виде каждого убитого: "Как это все выглядело в деталях?"

Похоже, что каждого военнопленного убивали три палача: двое держали его с боков, за руки под мышками, третий стрелял. Как в больнице при операции. Об индивидуальных, личных последних рефлексах и страданиях нередко можно судить по тому, что от них осталось: выбитые зубы, сдвинутая ударом приклада челюсть, колотые раны, нанесенные советским четырехгранным штыком. Многие были связаны веревкой со сложным узлом. Некоторым задраны на голову мундиры или шинели, завязанные на шее, а внутри набитые

стружками, чтоб заглушить крики. Рты раскрытые, полные песку, и пустые глазницы, которые, кроме смерти, уже ничего не выражают.

Но индивидуальность каждого выражается не только мундиром, офицерскими знаками различия, крестом на груди или в кармане. Прежде всего ее характеризуют вещи, которые были с ним до последней минуты и которые еще живут, потому что говорят буквами, которые можно прочесть. Фамилия за фамилией... тысячи.

— Хотите посмотреть этот список? — говорит безразличным тоном немец, подавая мне длинные столбцы машинописи.

Цишевский Тадеуш... Его я знал на Браславщине.

Антон Константы, ротмистр... Это мой одноклассник по гимназии.

Вершилло Тадеуш, поручик. № 233. Тадзё. Не знаю, но почему-то мне больше вспоминаются его причуды, а не достоинства. Еще бы! Тадзё, адвокат с начинающим расти брюшком, он любил выпить, пожить в свое удовольствие. "Ну, ну, — говорил он, — ну, ну, — и поднимал бровь кверху, когда был моим секундантом на дуэли. — Ну, ты, брат, стреляешь... на волосок и...". "Я обзавелся сапогами, — говорил он уже в июле 1939 года и качал головой. — Война, понимаешь ли, а я поручик танковых войск... Советую и тебе... Впрочем, как хочешь. Пане Михале! Маслица и еще один графинчик". Рядом с фамилией в списке стоит: две открытки, два письма. Одно от 8 сентября 1939 года на восьми страницах.

— На восьми страницах...

— Что вы сказали?

— Ничего. Письмо на восьми страницах...

— А он кто: ваш знакомый или родственник? Какой номер? Двести тридцать третий. Если вы хотите, то можете взять письмо или прочитать, а потом рассказать семье.

— Нет, я не буду читать.

А вот мой свойственник Пётрусь. "Не будь свиньей, — говорил он, подвигая блюдо, — ешь, как положено". Это была его обычная, глупая шутка. Всегда, всегда, всегда веселый. Его улыбка расплывается в моей памяти, вот как этот туман за окном, в котором сейчас купаются сосны.

№ 1078. Крахельский Петр. В мундире без знаков различия. Письма и почтовые открытки. Свидетельство прививки № 318. Вот и все.

Следующий: № 1079. Кадымовский Станислав Мариан, подпоручик. Письмо жене, написанное в Козельске и не отосланное. Военная книжка. Служебное удостоверение № 1260. С ним я никогда не был знаком.

Следующий...

Этот список, лежащий на столе в бараке-временке тоже уже пропитан трупным запахом. Здесь душно.

— Нельзя ли открыть окна?

— Нет, — отвечает немецкий унтер-офицер. — Будет вонять еще больше. Из леса.

* * *

Письма, письма, письма. Письма от родных, близких. Большинство сохранилось в таком состоянии, что их еще можно прочитать. Много писем, написанных еще в Козельске, но — так и не отправленных. На телах было найдено около 1650 писем, 1640 открыток и 80 телеграмм. Ни одно из этих писем, ни одна открытка и ни одна телеграмма не датированы позднее апреля 1940 года!

Тот, кто не держал в своих руках писем, добытых из могил, из слепившейся груды трупов, — тот еще может усмотреть в катынском убийстве дело, которое следует расценивать в плане политической игры. Но кто читал их, зажимая рот и нос носовым платком, кто вдыхал их сладковатый трупный запах над телом того "дорогого", кому они были написаны, — у того нет и не может быть иных побуждений, кроме долга бросить правду в лицо всему миру.

Письма хранились на груди, в боковых и задних карманах, в голенищах сапог — так, как хотел адресат, тогда еще живой. Они хранились как реликвия. И вот они выставлены напоказ и грубо используются вражеской немецкой пропагандой.

В двух километрах от Козьих Гор, в Грущенке, немцы устроили, на веранде одного из домов, выставку катынских

экспонатов — в застекленных витринах, как в музее. Каждый мог осматривать характерные предметы и состояние их сохранности. Рядом с документами, погонями, банкнотами, квитанциями, медалями, орденами и множеством других вещей — были и письма. Немецкая пропаганда умела устраивать такие выставки ради своих политических целей. Но это больше не имеет отношения к делу и ни в чем не изменяет его сути.

Однажды я и по-настоящему плакал — не от трупного угара или спасительного дыма костров, а именно там, на веранде дома в Грущентке.

Это было на третий день моего пребывания в Катыни. Мы вернулись из Козьих Гор, и перед моими глазами стояла картина, к которой я начал привыкать: сотни, тысячи гниющих трупов. А здесь, за чистым стеклом витрины, подгнившие открытки, расправленные кнопками, крупный, разборчивый почерк — письма детей своим отцам:

8 января 1940 г. — Папочка милый! Самый дорогой!.. Почему ты не возвращаешься. Мамочка говорит, что этими мелками, что ты подарил мне на именины... Я не хожу теперь в школу, потому что холодно. Когда ты вернешься, ты наверно обрадуешься, что у нас новая собачка. Мамочка назвала ее Филюсь... — Чесь.

12.11.40. — Дорогой папа, наверно война скоро кончится. Мы очень скучаем по тебе и страшно тебя целуем. Ирка подстригла себе волосы, и мама очень сердилась. Мама хотела послать тебе теплые перчатки, но... В апреле поедem к дяде Адаму и я тогда напишу тебе, как там...

В апреле... в апреле 1940 года... милый папочка Чесь и папа Ирки были убиты выстрелом в затылок.

Глава 15

ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**В Катыни найдены только военнопленные из Козельска. —
Число жертв выдает убийц!**

Я уехал из Катыни в конце мая 1943 года, пробыв там четыре дня. Отчитываясь перед польскими подпольными властями в Варшаве и в Вильно, я уже столкнулся с какой-то туманной убежденностью (основанной на предыдущих сведениях), что в Катыни отнюдь не обнаружено 10—12 тысяч тел, как утверждает немецкая пропаганда, и что там лежат только офицеры из Козельского лагеря. Подробностей никто не знал, так как эксгумационные работы еще шли полным ходом. Сведения, представленные мною, были самыми точными, хотя тоже не окончательными.

Через несколько дней, 6 июня, немцы заканчивают работы в Катыни и в официальных сообщениях, опубликованных, кстати, с некоторым опозданием, передают гласности как полицейский рапорт Фосса, так и отчет доктора Бутца, из которых следует, что в семи могилах обнаружено 4143 тела.

Цифра эта не совпадает не только с прежними сообщениями, но и с общим числом без вести пропавших военнопленных. Она не совпадает даже с числом военнопленных Козельского лагеря.

Где остальные?

Разъяснение наступает быстро. За несколько дней до окончания эксгумационных работ, 1 июня, рабочие обнаруживают очередную, восьмую могилу. Это небольшая могила. Согласно оценке Польского Красного Креста, в ней не может быть больше ста тел. На первых трупах, извлеченных из этой

могилы, нет ни теплой одежды, ни шинелей. Найденные на них русские газеты "Рабочий путь" за 1 и 6 мая 1940 года указывают на то, что они были убиты позднее, в мае, когда уже было тепло. Это вполне совпадает со свидетельством о ликвидации лагеря в Козельске, согласно которому 10 и 11 мая 1940 года оттуда вывезли 100 человек, впоследствии пропавших без вести (см. Приложение 4). Если этих сто человек прибавить к 4143 обнаруженных в остальных могилах, сумма будет почти точно соответствовать числу без вести пропавших из Козельска.

В Катыни были найдены только тела военнопленных из Козельского лагеря.

Первоначально чисто гипотетические предположения находят позднее полное подтверждение. Прежде всего, когда сопоставили опубликованный немцами список опознанных жертв Катыни со временным списком, включавшим 3845 фамилий, который генерал Сикорский вручил Сталину 3 декабря 1941 года, — оказалось, что 80% фамилий в списке генерала Сикорского принадлежало офицерам, тела которых позднее были опознаны в Катыни, и что рядом с каждой из этих фамилий стояла пометка "Козельск". Итак, при сравнении эти два списка согласуются друг с другом подобно тому, как согласуется число без вести пропавших военнопленных из Козельска с числом эксгумированных в Катыни.

Кроме того, на телах убитых было найдено много памятных безделушек, жалких деревянных мундштуков, коробочек для папирос вместо портсигаров и т. п. — и на всех было вырезано "Козельск". Что еще важнее, дневники и записные книжки также помечены только Козельском. Между тем, известно, что и в Старобельске и в Осташкове военнопленные тоже мастерили себе из дерева разные мелочи, тоже вели дневники. Если бы они тоже находились в Катыни, то трудно себе представить, чтобы среди тысяч убитых у кого-нибудь не нашлось хотя бы нескольких такого рода предметов, помеченных Осташковым или Старобельском.

Наконец, нужно обратить внимание еще на один знаменательный факт: в Осташковском лагере было заключено большое число военнопленных из частей польской государственной полиции. Как известно, польская полиция носила темно-

синие мундиры, которые и цветом, и покроем с первого взгляда отличались от армейских мундиров. Несмотря на огромное число рядовых и офицеров полиции, бесследно пропавших из Осташкова, никто из них не был найден среди жертв Катыни. Не было найдено ни мундиров, ни полицейских документов.

Из этого следует, что военнопленные из лагерей в Осташкове и Старобельске не были убиты в Катыни и что число найденных там тел, поскольку оно соответствует числу военнопленных в Козельске, не может превышать 4143 извлеченных из семи могил плюс примерно 100 в восьмой могиле — в сумме 4243, или, округляя, 4250.

Но как же поступают немцы? Погрязши во лжи своей пропаганды, продолжающейся без передышки полтора месяца, они, боясь себя скомпрометировать, не хотят отступить от своей взвинченной цифры. Раскрыв восьмую могилу площадью 5,5 x 2,5 метров, они осматривают 13 тел, зарывают ее и заявляют, что "жара и засилье мух" препятствуют дальнейшим эксгумационным работам (см. Приложения 14 и 15). Таким образом они не делают окончательного подсчета всех трупов, что дает им возможность оставить вопрос об общем числе открытым и позволяет по-прежнему придерживаться гипотетического тезиса о "10—12 тысячах тел", якобы захороненных в Катыни.

Нелепость этого тезиса очевидна. Получается, что в этой одной, восьмой могиле (ибо других, несмотря на полутора-месячные поиски, не обнаружено) должно лежать, по немецкой оценке, 6—8 тысяч тел, а если взять общее число пропавших без вести, то даже 10 тысяч!..

Куда завел немецкий тезис о "10—12 тысячах", с самого начала возведенный на произвольном и фантастическом фундаменте, доказывает, в частности, резкое противоречие между официальной немецкой пропагандой и отчетами самих же немцев, руководивших эксгумационными работами в Катыни. Надо напомнить, что секретарь немецкой полевой полиции Людвиг Фосс в своем рапорте от 26 апреля 1943 года не говорит о 10—12 тысячах тел, а только о 8—9 тысячах. В последнем же коммюнике, завершающем расследование, тот же Фосс (см. Приложение 14) всего лишь констатирует,

что было извлечено 4143 тела и добавляет: "На некотором расстоянии была обнаружена новая могила, емкость которой еще неизвестна". Итак, здесь не говорится о "10—12 тысячах", а только о 4143-х плюс восьмая могила. Это вполне соответствует фактическому положению.

Все же наиболее заслуживает доверия д-р Бутц, а он в своем отчете (см. Приложение 15) окончательно констатирует:

Все трупы, извлеченные из семи могил, были похоронены по уставу в нововырытых могилах к северо-западу от прежнего места захоронения. Тринадцать трупов польских военных, извлеченных из могилы № 8, после вскрытия, исследования и отбора доказательного материала были вновь похоронены в той же могиле. (Стр. 42. Собрание немецких документов — Sammlung deutscher Dokumente).

Дальше, на стр. 47: "Извлечено 4143 тела". Еще раз он подтверждает эту цифру в резюме, где добавляет такое примечание:

Дальнейшее значительное число жертв ждет еще своей очереди изъятия из могил, опознания и исследования.

На 56 страницах отчета, изданного типографским способом, доктор Бутц ни разу не упоминает о числе "10—12 тысяч" и с явным смущением обходит эту деталь немецкой пропаганды. А все то, что может превышать установленную цифру (4143), он скромно определяет как "значительное количество жертв", которые еще не эксгумированы.

С одной стороны, мы видим в его отчете явное нежелание поддержать первоначальный тезис немецкой пропаганды, а с другой — невозможность прямо дезавуировать ее, будучи... немецким офицером. Во всяком случае, весьма общая оценка "значительное число" казалась бы неуместной в устах руководителя работ по изучению и расследованию катынского преступления, если бы число еще не извлеченных тел вдвое-втрое превышало число уже извлеченных!

Все это, вместе взятое, еще раз укрепляет убежденность в том, что "жара и засилие мух" были не причиной, а предлогом

для прекращения эксгумационных работ, с целью спасти престиж немецкой пропаганды.

В таком освещении и с учетом вышеупомянутых фактов, все дело принимает неожиданный оборот. Первоначальный вопрос: "Сколько?" — вопрос сам по себе ограниченный и до сих пор не оспариваемый ни одной из заинтересованных сторон — вторгается вдруг в область самого важного вопроса: "Кто убил?"...

Итак, в Катыни было убито больше 4250 офицеров из Козельска — из общего числа около 15 тысяч без вести пропавших военнопленных. Принимая во внимание сходство судебных и сроки ликвидации всех трех лагерей, не подлежит никакому сомнению, что остальные тоже убиты, и столь же несомненно, что в их убийстве повинны те, на ком лежит вина за катынское преступление.

Если бы мы даже, вопреки очевидным фактам, хоть на мгновение допустили, что, как утверждают большевики, катынское преступление совершили не они, а немцы, то все равно остается вопрос: кто убил остальных?

И что же делает советское правительство в таких обстоятельствах?

Создается совершенно парадоксальная ситуация: советское правительство поддерживает версию немецкой пропаганды — точнее, ее единственный ложный пункт. Иными словами, из всех немецких открытий оно отвергает правду и сохраняет только ложь: число убитых. Поскольку немецкая пропаганда публично огласила цифру "от 10 до 12 тысяч", советская комиссия, которая приезжает в Катынь в начале 1944 года, после отступления немцев из Смоленска, пользуется этой фальсификацией и, принимая среднюю цифру, заявляет: в Катыни лежит 11 тысяч трупов.

Комиссия возлагает ответственность за убийство на немцев и одновременно:

1. "помещает" в Катыни число тел, сравнительно близкое к общему числу пропавших без вести;
2. снимает самый компрометирующий советскую власть вопрос: "где остальные?"

Стоит отметить, что советская комиссия (см. Часть вторую) справляется со всей проблемой двумя фразами, с

неслыханным пренебрежением к возможной критике, крайне лаконично и голословно:

В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Ни слова о том, когда и как производился этот "подсчет". Разумеется, никогда никакого подсчета общего числа убитых не было, что, впрочем, подтверждает и само советское сообщение, где говорится, что комиссия эксгумировала и осмотрела только 952 трупа.

Вопиющая бесцеремонность, с какой большевики оставляют без внимания щепетильный вопрос, не может удовлетворить никого, кому важно установить и раскрыть истину.

Да нужно ли ее раскрывать? Эта истина... известна.

То, что в конце мая и в начале июня 1943 года было известно только немногим посвященным в тайну, уже через полгода становится доказанным фактом, о котором польское правительство в Лондоне обладает полными и подробными свидетельствами. От него эти сведения попадают к союзникам, и с 1944 года вершители судеб мира — на основании всех этих отчетов, рапортов, сводок и сопоставления более ранних документов — не только знают, что массовое убийство в Катъни совершили большевики, но дополнительно узнают, что, кроме Катъни, те же большевики виновны еще в большем преступлении: они убили, неизвестно где, в два с лишним раза большее число таких же беззащитных военнопленных.

Однако, к сожалению, ведущим кругам в лагере союзников было не на руку выяснение голой истины. Им важнее были сотрудничество с Советским Союзом и пропаганда, которая оправдывала бы, можно сказать, давала бы общественному мнению переварить союз демократических государств с большевистской диктатурой. Им было важно изобразить Советский Союз в возможно более положительном свете, а не описывать совершенные им массовые убийства. Поэтому катынское дело, которое (особенно после установления числа убитых военнопленных) уже приобрело окон-

чательную форму, они не только не выдвигают на суд общест-венности в свете истины, а совсем наоборот: оказавшись перед лицом несомненного нового советского преступления, совершенного в другом, неизвестном месте, ведущие круги союзников прилагают все усилия, чтобы замять катынское дело и, не возражая, принимают к сведению сообщение советской Специальной комиссии. А годом позже они соглашаются включить в обвинительный акт в Нюрнберге дело о катынском преступлении, поставив свои подписи рядом с подписью советского представителя Руденко, который представляет в данном деле — преступника...

Так доходит до одной из величайших в мире фальсификаций, кульминация которой разыгрывается на Нюрнбергском процессе.

Г л а в а 16

ДЕЛА, О КОТОРЫХ НЕ ГОВОРИТСЯ ВСЛУХ

Дела такого рода характерны тем, что о них трудно говорить даже тому, кто хотел бы, наперекор всему, не замалчивать их. Они лежат не под пресловутым сукном, а просто в сейфе, помеченные штампелем: "Секретно". Это такие дела, о которых говорится на ухо без свидетелей и которые можно вполне официально опровергнуть в любую минуту. Нет копий этой переписки. Нет протоколов бесед, ведущихся приглушенным голосом.

Потому я должен буду разочаровать читателя, который ожидает найти в этой главе какие-нибудь сенсационные разоблачения. Он ознакомится в ней не с самой интригой, а лишь с ее результатами.

Прежде всего я еще раз повторяю то, о чем уже не раз говорилось: катынское дело и все связанные с ним документы и доказательства уже несколько лет не являются чем-то новым, сенсационным. Они переведены на многие языки и прекрасно известны государственным деятелям в Лондоне, в Париже и в Вашингтоне. Но их никогда не публиковали и не публикуют до сих пор. А опубликованные, не связанные друг с другом фрагменты, выхваченные из контекста, недостаточно убеждают мировую общественность в том, кто же действительный виновник самого страшного, после массового уничтожения евреев, преступления Второй мировой войны.

Публикация всего дела была уже раз подготовлена — осенью 1945 г. Набор был сделан, готов для печатания тиража. Вместо этого он был отправлен на переплавку, а книга так и не вышла. Почему?

Ответ на этот вопрос тоже не содержит ничего нового. Если кто-нибудь очень сильный и влиятельный хочет чего-то достичь, мы знаем по житейскому опыту, что он обычно находит средства и пути, чтобы добиться поставленной перед собой цели.

Советский Союз теперь одна из самых мощных мировых держав и он заинтересован в том, чтобы правда о катынском злодеянии не дошла до западного мира. Поставило ли советское правительство этот вопрос так, что разоблачение данного преступления демократическими государствами приведет к политическим осложнениям, охлаждению взаимоотношений, или будет рассматриваться как доказательство злой воли и допущения "фашистской пропаганды"? Мы не знаем, как он был поставлен, — не исключено, что именно так. Не менее вероятной представляется возможность, что ведущие руководители британского правительства, стоящие ныне у кормила власти, даже без советского вмешательства, предвидя политические осложнения, предпочитают скорее не допустить выявления правды, чем изменить что-либо в своей политике по отношению к Советскому Союзу, которая официально именуется политикой "доброй воли и доверия". Но какими бы ни были закулисные пружины, факт остается фактом: на командование польских вооруженных сил за

границей, продолжающее находится на британской службе и непосредственно заинтересованное в выяснении судьбы без вести пропавших в Советском Союзе военнопленных, было оказано давление: не торопиться с полным разглашением всего дела — ”выждать”, по крайней мере...

В такой ситуации начинается процесс в Нюрнберге, в обвинительный акт которого включается катынское преступление — в качестве акции, совершенной не советским правительством, а немцами.

Трибунал именуется себя ”международным” и должен судить военных преступников от имени народов мира. И вот наблюдается одно из самых гнусных зрелищ в истории человечества: сторона, которая совершила неслыханное в истории войн преступление — убийство 15 тысяч военнопленных, оказывается не на скамье подсудимых, а в судейском кресле этого международного трибунала.

Не ошибка ли это Суда, или недосмотр или недоразумение, которые порочат доброе имя этого учреждения — символа Совести и человеческой Справедливости?

Ничего подобного. Мрачный фарс разыгрывается, несмотря на полную осведомленность о подлинном положении вещей. В руках польского правительства в Лондоне находится громадное досье катынского дела, которое было послано не только многим государственным деятелям, о чем упоминалось выше, но и судьям Трибунала, представляющим Великобританию, Соединенные Штаты и Францию, — в качестве доказательного материала. При таких обстоятельствах судьи не могут отговориться незнанием дела, так как им представляется возможность тщательно с ним ознакомиться. Но они этого не делают — просто потому, что не хотят. И Трибунал, который принял к рассмотрению катынское дело по советскому обвинению, в то же самое время не допускает рассмотрения доводов другой непосредственно заинтересованной и притом пострадавшей стороны — польской. Таким образом, Трибунал нарушает не только основные юридические принципы и элементарное чувство справедливости, но и насилует свою собственную судейскую совесть.

На процессе члены Трибунала явно и беспардонно пренебрегают всем и избегают всего, что могло бы помочь бес-

пристрастному обсуждению катынского дела. Никого из занимавшихся в 1941 и 1942 годах розыском пропавших военнопленных не вызвали в суд в качестве свидетелей. Никого из представителей тогдашнего польского правительства, признанного всеми державами мира, кроме Германии и ее сателлитов. Никого из беспристрастных и нейтральных людей, которые собственными глазами видели эксгумационные работы, допросы свидетелей и проверку документов или даже участвовали в этом. Однако из 13 экспертов международной комиссии, созданной немцами, допустили единственно профессора Маркова из Болгарии — страны под советским контролем. Допустили также в качестве свидетелей советских граждан, хотя каждый знает, что они подчиняются правовым нормам, принятым в их государстве, но не принятым и не признанным остальным цивилизованным миром.

Становится также известно, что в суд должны были вызвать в качестве свидетеля одного из польских генералов, который мог бы многое рассказать, но... потому ли, что он подчинялся по службе британскому командованию или по каким-либо другим неизвестным причинам, — он не попал в Нюрнберг и тем самым не смог сказать правды...

На стороне немецкой защиты было разрешено выступить нескольким третьестепенным свидетелям. Профессор Бутц погиб во время бомбежки во Франции.

И все же, несмотря на эту возмутительную процедуру, Трибунал не посчитал возможным вынести приговор по этому делу. В приговоре ничего не говорится о катынском преступлении, оно заботливо затушевывается, чтобы о нем говорили поменьше, не упоминается ни о возбуждении следствия, ни о поисках преступника. Почему? Ведь нюрнбергский трибунал должен был карать не "немцев", а — "военных преступников"!

Можно было бы сказать, что это страшное преступление против человечества, физически совершенное в Катыни, дождалось своего эквивалента... в виде морального преступления против человечества. Ибо преступник не только не был наказан, но удостоился чести заседать в Международном трибунале справедливости.

Как выглядит сегодня катынское дело? Фактически, как

это следует из результатов нюрнбергского процесса, преступление остается загадкой, а преступник не найден!..

* * *

Когда все эти, рассказанные и нерассказанные, происшествия разыгрывались в разбомбленном Нюрнберге, некий молодой человек невысокого роста скитался по таким же разбитым городам северной и средней Германии. По его худобе и одежде, в нем с первого взгляда можно было распознать иностранного рабочего, которого война и принудительный вывоз на работу загнали в Германию. По произношению слышно было, что он русский.

Русский, после выигранной войны с Германией стремившийся не домой в восточном направлении, а в противоположном, на запад, — не был тогда единичным явлением. Десятки, сотни тысяч ему подобных убегали от надвигающейся на них "родины трудящихся масс".

Но об этом также не говорилось вслух.

Русский, о котором я говорю, был действительно рабочим с "Arbeitskarte" /рабочей карточкой/. С середины 1944 года он жил в Дрейлингдене под Берлином. Оттуда он каждый день ездил на работу в ремонтные мастерские в Грюнвальде. Его судьба была такой же, как и у других рабочих: тяжелый труд, мизерная зарплата, продовольствие по карточкам, жизнь в бараках. А в последнее время перед концом войны, днем и ночью — бомбы, бомбы, бомбы.

Из-за постоянных налетов и без того тусклая жизнь становилась совсем беспросветной. В бомбоубежищах было душно и тесно. От недосыпания его глаза, слабые от рождения, воспалялись.

Когда Красная армия приближалась к Берлину, этот русский двинулся пешком на запад, преодолевая тяжелый путь через развалины, под гул моторов на небе, укрываясь в канавах от перестрелок. Он предпочел еще хуже питаться, совсем не спать, лишь бы не дать большевикам "освободить" себя. Так он добрал до Гамбурга, оттуда подался в Бремен. Продолжая скитаться и после окончания войны, он нашел

себе товарища, бывшего советского военнопленного, который тоже не стремился возвращаться домой. И вот до этого бездомного странника, наслаждающегося счастьем, обретенной свободой, первой в жизни подлинной свободой, дошли слухи, что в городе Нюрнберге начался грандиозный процесс, суд человеческой справедливости над содеянными преступлениями, содеянными в ходе только что отгремевшей войны.

А человек этот знал об одном ужасном преступлении — знал больше, чем кто-либо из заседающих в нюрнбергском Трибунале. Это был никто иной, как Иван Кривоцерцев, житель деревни Новые Батеки (дом № 119), Смоленской области, около станции Гнездово, близ леска в Косогорах.

Кривоцерцев, опьяненный лозунгами свободных демократических стран, которые встречались ему на каждом шагу на развалинах гитлеровской Германии, был готов, наконец, уверовать в правду и справедливость. Ему казалось, что на нем, прожившем сравнительно короткую трудовую жизнь, лежит долг внести свою долю в дело мировой справедливости.

Из этого уже видно, что Кривоцерцев, хотя и вдоволь повидавший на своем веку, был человеком наивным. Его случайный товарищ Мишка, бывший советский военнопленный, был тоже не весьма искушен в политике. Еще больше приходится удивляться, что они нашли третьего, тоже русского, образованного, владеющего иностранными языками, инженера, который согласился быть их переводчиком.

В Бремене Кривоцерцев со своим переводчиком пошли в американскую комендатуру. Их принял солдат, который, на непринятый в Европе манер, держал обе ноги на письменном столе, а руки — скрещенными на груди, и жевал резину. Он спросил их, чего они хотят.

— Я должен дать очень важные показания, — сказал Кривоцерцев через переводчика.

Солдат выплюнул резину, закурил хорошую американскую папиросу, снял ноги с письменного стола и, морщась — видно, они у него затекли, — пошел за офицером.

Когда Кривоцерцев начал говорить, а инженер переводить, американцы иронически улыбались. Когда же они начали открыто смеяться, Кривоцерцев смутился. А когда один из

них, перестав смеяться, серьезно сказал: "Нужно бы его передать русским, им уж там виднее, что делать и как использовать его показания", — Кривозерцев побледнел.

Сегодня он уже сам не помнит, чего он больше испугался: серьезности, с какой это было сказано, или самого смысла произнесенных слов...

Он убежал.

Нашел своего друга Мишку и пробормотал сквозь зубы:

— Давай сматываться отсюда!

Они вышли из Бремена пешком. Потом влезли где-то в поезд и поехали. Все через ту же разоренную Германию.

Сейчас, когда я это пишу, политическая ситуация в Европе все еще такова, что я не могу сказать, где и при каких обстоятельствах я встретился с Иваном Кривозерцевым, который как раз в те дни, когда нюрнбергскому Трибуналу предстояло заняться катынским преступлением, рассказывал мне подробно, как все происходило, — рассказывал втайне от стражей общественного порядка.

Г л а в а 17

ИСПОВЕДЬ

ИВАНА КРИВОЗЕРЦЕВА

— Начинать с самого начала?

— С самого-самого.

— Ладно. Я расскажу не только о деле, но и о самом себе.

У нас было когда-то 9 десятин в деревне Новые Батеки, в 12 километрах от Смоленска, на запад, это значит — в направлении Витебска. Земли не так-то уж и много, но хватало на жратву для всех, и жилось нам до большевистской революции неплохо, так как мой отец был большим работягой.

Моя мать, урожденная Захарова, была тоже из местных. Кроме меня были еще две сестры. Нашу семью любили и уважали все кругом — я могу судить об этом по частым и многочисленным гостям, которые у нас бывали. Сколько раз, засыпая на печи, я видел сквозь сон отца за столом в обществе соседей, улыбающуюся мать... Словом, жили мы хорошо. Мы жили своей жизнью, в стороне от событий. По витебской дороге движение было небольшое. С одной стороны тянулись длинные деревни, покрытые соломой хаты, сами знаете, как у нас... С другой стороны — лес. Его звали Катынским лесом. Тогда он был собственностью поляка, пана Козлицкого. Часть леса, что ближе к Смоленску, называли Косогорами. А дальше — Разбойничий Колодец и Черная Грязь. В детстве мурашки пробегали по спине от одних этих названий. В лес ходили за хворостом, ягодами и грибами — ну, как обычно в лес...

Дореволюционного времени я почти что не помню, как будто сквозь сон, а повторяю, что слышал. Я родился в 1915 году. Но говорили, что после революции стало хуже. Мы оставались от всего в стороне. Лес у Козлицкого отобрали и национализировали, но мы продолжали ходить туда за хворостом, ягодами и грибами.

Помню, в 1926 году, когда мне было 11 лет, начались первые преобразования. У нас отобрали часть земли и оставили шесть гектаров. Отец продолжал работать на земле, как работал его прадед, дед и все кругом, кого мы знали. И вдруг в 1929 году обрушилось на всех несчастье. Коллективизация!

Я помню, как однажды отец вошел в избу, швырнул шапку в угол и сел на скамью за стол, подперев голову трудовыми, жилистыми руками... Вскоре он узнал, что его причислили к кулакам, а их всех ссылали на принудительные работы на Крайний Север, в концлагеря. Тогда они еще так не назывались, и никто из нас еще ничего не слышал о Гитлере, но так оно было. Все знали, чем это пахнет. Отец бежал. Он бежал с матерью и младшей сестрой. На Урал убежали.

А я и старшая сестра остались. Ей было 16, а мне 14. Мы работали в колхозе. Через два года отец вернулся с Урала. Его съедала тоска по дому. Вскоре его арестовали и посадили

в тюрьму.

— За что?

— На основании 58 статьи, пункт 10. У нас обычно знают только, по какой статье, а не что в ней сказано.

Удивительно — через 9 месяцев отец вернулся. Но от него осталась одна тень: физически разбитый, неспособный к тяжелому труду. Вялым и равнодушным вернулся он в родную деревню, где был когда-то хозяином, а стал батраком на колхозной барщине. Но и там он долго не продержался. Его затравили, исключили из колхоза. Где-то там на Урале он работал стекольщиком. И тут он пробовал вставлять оконные стекла, чтобы заработать на кусок хлеба. Но кому они нужны, эти стекла в стране, превращенной в нищую, в жизни без завтрашнего дня? Дыры заклеивают старой советской газетой: и дешевле, и пропаганда на всю деревню... Да-а-а...

Еще год или два отец слонялся по окрестностям, а в 1934 году его опять арестовали. Теперь даже никто не знал, по какой статье, да никого это и не интересовало.

Я кое-как пробиваюсь сквозь эту распроклятую жизнь, которая выпала на нашу долю. Кончаю школу и учусь на токаря. Как-то раз зовут меня от станка, это было уже в 1937 году. "Письмо пришло, — говорят. — Официальное письмо". Это был ответ на наши хлопоты: "Местонахождение вашего отца неизвестно". У нас всегда так, когда кого-нибудь расстреляют без суда... Я только перекрестился в сторону Косогор и вернулся к станку.

— Почему Косогор?

— Потому что думал, что, может, там...

Потому, что это место уже с первых лет после революции стало местом казней. Время от времени туда привозили каких-то людей, на которых никто не смотрел, да и не хотел смотреть. Расстреливали как стояли, закапывали, где упали, выравнивали землю, а потом люди из деревни опять ходили за грибами и хворостом. Расстреливали редко. Наконец, в 1929 году, не помню уж в каком месяце, приехала комиссия ГПУ, осмотрела этот лес и забрала его себе. С того времени его огородили проволокой, а со стороны дороги поставили деревянный забор и ворота. А над воротами

вывеска: "Запретная зона ГПУ. Вход посторонним лицам воспрещается".

Теперь начали расстреливать чаще, но тоже не так уж регулярно. Временами в лесу было тихо. Люди, привыкнув к такому соседству, подлезали под проволоку и ходили по лесу. Случалось, что охрана кого-нибудь поймает. Пойманный получал прикладом в спину или кулаком в зубы и его отпускали. Этим обычно кончалось. Но таким образом стало известно, что в середине леса, над Днепром, построили дом, дачу. В нем постоянно жили какие-то служащие ГПУ. Люди уже знали сторожа, повара, прислугу и шофера, который часто ездил в Смоленск. Летом сотрудники ГПУ приезжали туда на отдых. В этом доме помещался также конвой, когда привозили смертников. Там же жили исполнители, те, что расстреливали. Со временем об этих делах все у нас узнали, но, как водится, никто о них вслух не говорил.

Я тогда работал в деревне попеременно то кузнецом, то слесарем, то просто сельским рабочим. От армии меня освободили по болезни глаз. Потому я не попал на финскую войну, а в начале 1940 года поступил на работу в колхоз "Красная заря", в который входили деревни: Новые Батеки, Гнездово, Грущенка, Жилки. Я почти постоянно жил в Грущенке. У меня уже были свои друзья и приятели, были также в окрестности и родственники. Я хорошо знал всю местность — и поля, и леса.

Приближалась весна 1940 года. Меня назначили на работу на парниках неподалеку от станции Гнездово. Поднимая голову от кучи навоза, в котором теперь вечно приходилось копать, я видел перед собой железную дорогу Смоленск—Витебск. На работу мне приходилось ходить по шоссе. Я не мог не заметить, что с началом марта в открытых грузовиках в направлении Косогор стали возить заключенных из смоленской тюрьмы. Они ездили с кирками и лопатами на какую-то работу. На третий, кажется, день я узнал, что наши колхозники разговаривали с этими заключенными.

"Что они там делают?" — спросил я.

"Копают большие ямы".

Тогда ГПУ уже называлось НКВД. Но это дела не меняет.

Никто не спрашивал: "На что им эти ямы?" Всякий догадывался. Но чтоб столько рабочих привозить?!.. Мы только головами качали.

Помню утро 14 марта 1940 года. В этот день я работал ближе к шоссе и вижу — по нем едет колонна машин. Спереди легковая машина, за ней "черный ворон" и еще одна машина. Едут в сторону Косогор. Это все, что я видел. Моя сестра в то время работала в "овощной бригаде". Она возила навоз для парников и проезжала возле самой станции Гнездово. В обед мы встретились. Я говорю ей, что я видел колонну тюремных машин. А она мне в ответ: "Знаю, видела больше твоего. На станцию Гнездово привезли военнопленных, финнов, и грузили их в 'черный'. Хрусталеv тоже видел".

Роман Хрусталеv в то время возил навоз и тоже проезжал около станции. Вечером я ему говорю:

"Что это, Хрусталеv, финнов возят расстреливать?"

"Это никакие не финны, — отвечает, — это поляки. Я знаю их мундиры".

Это так, Хрусталеv был на польской войне 1920 года.

Я никогда не видел поляков, и у меня с ними никогда не было ничего общего. Но вдруг вспомнил, что говорили о старых временах... вспомнил отца, потом вспомнил, как нас обидели. Как-то сжалось сердце...

Я прервал Кривозерцева и порылся в своих записях. Как же сходится его рассказ со свидетельством польского офицера об этапе, который ушел из Козельска 8 марта 1940 года и исчез в смоленских тюремных стенах 13-го числа того же месяца!

— Ну, и что дальше? — спросил я.

— Что ж дальше... — задумался он. — Дальше весь апрель шли транспорты, и все население об этом знало. А откуда они шли, тоже скоро все узнали, хотя народ у нас не очень разговорчивый. Они шли из Козельска через Смоленск.

Семен Андреев, слесарь на станции Красный Бор, у которого были приятели среди железнодорожников, как-то в разговоре за бутылкой водки подробно рассказал, как все это было. В Смоленске эшелон разделяется на сцепки по два-три

вагона. Оттуда пускают их по двум железнодорожным линиям, одна из которых, Александровская, проходит через станцию Гнездово, а другая, Лихарловская, идет в стороне от Гнездова. А от нее шла еще ветка. Это делалось для того, чтобы сцепку можно было подать на тупиковый путь, очень короткий в Гнездове. Преимущество этого пути в том, что он положен немного севернее станции, в стороне, не очень на виду. С самой станции тоже трудно видеть, что делается на тупиковом пути. Прямо туда подъезжали зарешеченные тюремные машины, в которые поспешно грузили военнопленных. Грузовик забирал их вещи, если они были у них. Все это окружало густое оцепление из энкаведистов с винтовками.

В апреле шел транспорт за транспортом. Из Гнездова в Косогоры в Катynie возили днем в разное время, но никто не слышал, чтобы возили ночью. Мой родственник Ананий Андреев заговорил как-то со знакомым энкаведистом, обязанностью которого было следить в Гнездове за поездами, привозившими военнопленных. Этот энкаведист, фамилию которого я уже не помню, был из катынской волости и занимал некоторое время должность председателя сельсовета в Сырлипецкове. Потом он перешел в НКВД. Жилось ему прекрасно.

”Что будете делать с этими поляками? — спросил будто невзначай Ананий. — В лагерь их какие-нибудь возите, что ли?”

”В лагеря-а-а... — протянул энкаведист. — А где ты тут видел эти лагеря-то, а?”

”Правда, лагерей тут никаких вроде нет”.

”Так и нечего задавать дурацкие вопросы”. Он хлестнул прутиком по голенищу сапога и ушел.

А я знал одного парня, который давно, еще с 1937 года, был шофером одного из ”черных воронов” в Смоленске. Его звали Аким Разуваев, а в сокращении просто — Ким. От него я узнал, что смоленское НКВД только сопровождает железнодорожные транспорты из Смоленска в Гнездово и дальше — в Косогоры в Катynie. А расстреливают люди из минского НКВД — их специально для этого сюда привезли. Наверное, такое было дано распоряжение, чтобы никакие

подробности не стали известны местному населению, которое, конечно, не знало никого из Минска.

С этим Кимом я потом разговаривал еще несколько раз. Он получил большую денежную награду, на эти деньги купил себе мотоцикл. Его приятелем был заведующий гаражом НКВД. Вместе с ним они кутили и пили до потери сознания. Случилось ему раз-другой проболтаться, но было видно, что убийство польских военнопленных было организовано так, что их передавали из рук в руки, чтобы одни и те же энкаведисты не могли знать всего. Он узнавал только из разных домыслов, намеков, из случайных обрывков разговоров. Так, например, стало известно, что якобы число набранных добровольцев из Минского НКВД не превышало 50 человек. Кто это число подсчитал, сказать не могу.

В то время лес вокруг Косогор был оцеплен, не то что раньше, когда ходили единичные охранники, иногда с собаками. Теперь никто не мог ни туда, ни оттуда проникнуть, да, по правде сказать, весь апрель люди издали обходили это место. А транспорты шли ежедневно...

Однажды, а дело было под вечер, хорошо помню, уже смеркалось и от леса тянуло прохладой, кажется 23 или 24 апреля, я шел по шоссе в сторону станции, и едущие сзади машины зажгли фары. Это ехали грузовики, некоторые прикрытые брезентом, а другие совсем открытые. Я сошел на обочину и смотрел. Машины были загружены вещами. Какие-то сундучки, вещевые мешки, шинели, полушубки, кожухи. На каждой машине сидело по два энкаведиста. Колонна проехала мимо, но еще долго был виден свет фар. Было поздно, и я быстро пошел домой.

Окрестные жители притихли, все были подавлены. Хотя, как я уже говорил, в Косогорах все время расстреливали людей, но в таких темпах и в таком количестве, как в апреле 1940 года, никогда еще не бывало. Прямо, как говорится, мороз по коже.

Кривозерцев глотнул из бутылки, откинулся назад и умолк.

— А выстрелов не слышно было?

— Нет. Ни я, и никто из моих знакомых не слышал. Может,

кто-нибудь из проезжающих и слышал, а, может, они заводили моторы, как это у них делается, у энкаведистов. Кто ехал тогда по шоссе, мог слышать только шум моторов и не обратил внимания.

— Да, это согласуется с тем, — сказал я, — что и другие говорили мне в Катыни. А вот почему единственный Киселев упорно твердит, что он слышал выстрелы?

Кривозерцев почесал в затылке.

— Я думаю, что старик как начал болтать, так зашел далеко и, может, приукрасил. Но... жил он ближе всех. Ну да, Киселев вообще мог тоже знать больше других и уж наверно больше, чем показал немцам на следствии.

— А в советском сообщении говорится, что на следствии немцы били Киселева и всех других свидетелей. Будто старик даже потерял слух от побоев, и руку ему сломали.

Кривозерцев рассмеялся.

— Я уже догадываюсь, кто ему эту руку сломал. Вот я вам теперь расскажу все по очереди, как оно было, когда пришли немцы.

Немецкие войска приблизились с юга, шли берегом Днепра. Это было сразу после прорыва через "линию Сталина". Нас обошли стороной. 16 июля начался бой за Смоленск, а взяли его, кажется, 19-го. Первые немецкие патрули появились в нашем районе только дней через десять. В эти дни царил полный хаос. А народ как народ — бросился грабить государственные склады. Тогда никому в голову не приходили Косогоры. Все перли в Гнездово, где был мучной склад. Всякий брал, сколько мог.

Вначале народ возлагал большие надежды на немцев. Особенно старики ждали, что это будет конец большевизма: "Немцы потом уйдут, и все будет, как в доброе старое время". Так говорили.

Уже в августе этого же года местные жители спокойно ходили по Косогорам, собирали грибы и топливо. Я тоже все время работал там, пилил дрова для немцев. События были настолько важные, такие большие перемены, что никто даже не вспоминал о жутком убийстве польских военнопленных. Да и разве это могло интересовать немцев? Нам совсем не

приходило в голову, и мы даже не задумывались, знали они об этом или не знали.

На даче НКВД в Катыни поселился какой-то немецкий военный. Я не знаю, в каком чине. Люди говорили: "Какой-то генерал". Бог его знает, может, и генерал. Но никто не мешал ходить в лес и делать что кто хотел...

— Подождите, — прервал я. — Не размещалось ли там, в этой даче, какое-то немецкое подразделение под названием "Штаб 537-го рабочего батальона"? Так якобы утверждают свидетели, упоминаемые в советском сообщении.

— Нет. Такой штаб был, но не "рабочего батальона", а просто немецкого саперного батальона, и квартировал он не в Катыни, а в Гнездове. Каждый в окрестности мог пальцем показать, где он находится. Он стоял в здании санатория БВО, то есть Белорусского военного округа, возле самой станции.

— Раз уже речь зашла о советском сообщении, я хочу еще раз спросить: не было ли все же в округе каких-нибудь, не важно каких, лагерей польских военнопленных? Может, раньше, или позже?

— Никаких и никогда. Кроме поляков, которых выгружали в 1940 году на станции Гнездово, никто нигде не только не видел, но даже не слышал, чтобы кто-либо другой слышал о польских пленных...

— На чем же тогда основаны утверждения в советском сообщении, будто осенью 1941 года немцы устраивали массовые облавы на польских военнопленных, которые якобы бежали из лагерей?

— Врут, — коротко ответил Кривоцерцев. — Как раз наоборот. Так вышло, что в наших окрестностях облав не было, хотя все знали о страшном терроре в других местах. У нас был один случай, но не осенью 1941 года, а летом 1942-го. А было так. В более глухих местах начала создаваться партизанщина с помощью агентов, засланных через линию фронта. Однажды появился из Смоленска в Гнездове бывший студент Смоленского медицинского института. Фамилия его у меня выскочила из головы, но его все знали, он был из местных. Но тогда никто не знал, что он служил в немецких органах безопасности, СД (Sicherheitsdienst). Он на-

вестил тут своих знакомых, известных своими коммунистическими убеждениями. Зашел к студентке Чуркиной, Нинке, и начал при ней высмеивать трусость местных коммунистов и упрекать их, что они ничего не делают. Провоцировал ее. Студентов, говорил, у вас много, а толку с них мало. Нинка стала спорить и проболталась, что как раз создается партизанская группа во главе с бывшим секретарем коммунистической ячейки, по кличке "полковник Саша". Рассказала она ему и другие детали. Провокатор вернулся в Смоленск и выдал всех немцам. Вскоре после этого немцы устроили облаву. Они арестовали около 30 человек и 11 из них расстреляли. Это была единственная облава, и длилась она одну ночь.

— Давайте вернемся к прерванному рассказу, — сказал я.

— Раз я уже вспомнил о лете 1942 года, — продолжал Кривозерцев, — приходится сказать: именно тогда я впервые снова услышал о расстреле польских военнопленных в Катыни. В то время в наши места приехали польские рабочие, которые служили в немецкой организации "Тодт". Товарные вагоны, в которых они жили, стояли возле так называемого Брецкого моста, где пересекались те самые железнодорожные линии — Александровская и Лихарловская. Они в основном были заняты сбором металлолома. Однажды мой знакомый Александр Егоров сказал: "А знаешь, это поляки откопали своих, которых, помнишь, расстреливали в 1940 году". Я кивнул головой, и мы заговорили о чем-то другом.

С начала 1943 года немецкий террор смягчился. Их дела на фронте шли плохо. В Смоленске появились разные немецкие печатные издания на русском языке, которыми они пытались привлечь население на свою сторону. Должен сказать, я охотно читал эти газеты, потому что давно уже не видел газет. К немцам, понятно, я не чувствовал никакой симпатии, после того, как я видел, что они творят. Но большевиков я ненавидел так же сильно, как и мой отец, который из-за них погиб. Как-то в русской газете, вышедшей в Смоленске, я прочел, что в Советском Союзе создается польская армия, но генерал Сикорский не может отыскать своих офицеров.

Теперь уже могу признаться: это я был первым, кто сообщил немцам о массовых убийствах в Катыни. Как сейчас помню: я сунул газету в карман и пошел в канцелярию немецкой тайной полевой полиции в Гнездове. Во главе ее стоял офицер по фамилии Фосс. Я сказал переводчику: "Сикорский ищет своих офицеров, а они лежат тут в земле, в Косогорах". Переводчик отнесся безразлично к моему сообщению. Я волновался, и его безразличие огорчило меня и задело за живое. Уходя, я добавил: "Не верите, так я их сам откапаю!" В это время Фосс позвал переводчика, и тот ушел.

Откапывать я так и не собрался. Была зима. Так прошли еще две недели. Как-то вечером, едва я вернулся с работы, ко мне зашел сосед и сказал, что меня ищет секретарь немецкой полиции и велит прийти к нему завтра утром.

Я пришел в немецкую канцелярию. Это было 17 или 18 февраля. Кроме меня вызвали еще Ивана Андреева и Григория Василькова. Васильков работал в местной "Службе охраны порядка" ("Ordnungsdienst"). Нас посадили в машину, бросили в нее кирки и лопаты, и мы поехали в Косогоры. Впереди — переводчик с немецким унтер-офицером на мотоцикле. Они ждали нас у въезда в лес, и мы поехали все вместе в сторону дачи. Унтер-офицер подозвал одного из нас и что-то спросил. Тот развел руками, что, мол, не понимает. Тогда переводчик обратился ко мне и сказал:

"Ты говорил, что тут закопаны польские офицеры, покажи теперь, где".

Я ответил, что в самом деле говорил это, но местоположения могил не знаю. Тут вмешался Андреев:

"Киселев точно должен знать. Он тут недалеко живет".

"Сбегайте за ним!" — приказал переводчик.

Я побежал. Киселев спал на печи. Однако он охотно встал и сказал:

"Известно где. Летом уже поляки там раскапывали".

"А теперь мы будем копать", — ответил я.

"Давно пора, — пробурчал старик, — а то вроде как грех лежит на душе".

Киселев был человеком верующим.

Мы все пошли за Киселевым, и он показал рукой место:

”Вот здесь они лежат”.

Это была самая большая могила. Я теперь только заметил, что ее края неровны и отличаются от грунта вокруг. Кроме того она была замаскирована вывороченными деревьями и посаженными молодыми сосенками. Мы начали копать. Было трудно — земля замерзла. Я обливался потом, сбросил полушубок. В эту минуту я заметил небольшой березовый крест.

”Откуда взялся этот крест?” — спросил я Киселева.

”А там еще и другой есть, — ответил он, — это поляки поставили”.

”Ой, тут ужасно воняет трупами!” — воскликнул Андреев, который копал на дне ямы.

Васильков обратил внимание, что земля черная, хотя кругом суглинок. Он влез в яму, но не мог там выдержать. Я опять начал копать, снял слой черной земли, вижу — лежит... труп в военном мундире. Всадил в землю лопату, что-то лязгнуло. Я наклонился и поднял пуговицу с польским орлом.

”Нашел!” — я позвал переводчика и дал ему пуговицу. Он спрятал ее в карман и приказал кончать работу и возвращаться в Гнездово.

Но когда Фосс узнал о результатах наших поисков, он велел нам опять ехать в Косогоры. Яму расширили. Фосс собственноручно приподнял голову одного из убитых, осмотрел, приказал слегка присыпать трупы песком, нам всем велел явиться в полицейский участок, а сам поехал в Смоленск.

В тот же день мы дали первые показания, которые записывал чиновник немецкой полиции Густав Понка, родом из Вены. Васильков испугался последствий этих показаний и не захотел их подписывать. Вообще-то каждый из нас прекрасно понимал, что этим мы зарабатываем себе у советской власти смертный приговор. А у немцев дела на фронте шли неважнецки... Понка не настаивал и отпустил Василькова. Когда Васильков вышел, тут уже заколебался Андреев. Тогда я ему сказал: ”Подписывай брат! Я дам показания и подпишу всю правду!”.

Я убедил Андреева, и он подписал. Через несколько дней

мы давали уже более подробные показания. Теперь уже немцы организовали полное расследование и собирали показания многих местных жителей.

Через неделю или две приступили к основательному раскапыванию могил. Я взял на себя обязанность нанимать на эту работу местных жителей. С того времени я постоянно бывал в Косогорах, и вся работа до самого конца шла на моих глазах. Приезжало много всяких комиссий, делегаций и экскурсий. Когда кто-нибудь нам, свидетелям, задавал вопросы, немцы не вмешивались и вообще уходили. Оставался только их переводчик. А потом они предложили нам, чтобы мы нашли себе собственного переводчика. Это для того, чтобы не было подозрения в каком-то нажиме на нас. Мы нашли такого человека. Это был Евгений Семяненко из Новых Батек, сын местной жительницы, Эмилии Семяненко, польки, ее девичья фамилия была Козловская. Немцы не оказывали на нас никакого давления, ни при встречах с делегациями, ни на следствии.

Если бы немцы кого-то при этом терроризировали или избивали, я бы наверняка знал. Не тот, так другой проболтался бы. Никого они и пальцем не тронули. Да и зачем бы им? Мы говорили правду, вот и все. А правда была им тут на руку. А о Киселеве могу сказать особо: он и до, и после слышал на оба уха, хоть и был старый. Руки у него были в порядке, крепкие. Последний раз я видел его 24 сентября 1943 года. Он попрощался со мной и пожимал мою руку своей правой, а в левой держал какую-то веревку с узлом и еще придерживал тачку. Значит, обе руки действовали. А то, что теперь руки у него переломаны и он оглох, — этому я не удивляюсь. Скорей можно удивляться, что он еще живой. Если вообще жив... А почему, сейчас скажу.

Никто из нас, свидетелей, не пострадал, кроме Александра Егорова. Он все время работал на вытаскивании трупов и... крал. Если найдет что-нибудь более-менее ценное в кармане покойника или за голенищем, сразу присвоит. Добыл какие-то золотые монеты, кольцо... Его поймали с поличным и расстреляли.*

* В советском сообщении расстрел А. Егорова объясняется тем, что он якобы высказывал сомнение в правдивости немецкой версии.

А нас всех, кто давал показания, привезли в Грущенку и там записали наши голоса на пластинки. Потом мы еще давали показания под присягой немецкому судье.

Тем временем отступление немецкой армии становилось неминуемым. Фронт приближался. Со дня на день все слышнее слышался с востока грохот орудий. Большевики вернутся — что тогда будет с нами? А особенно с теми, кто раскрыл это их преступление, рассказал правду да еще и присягал?! Люди только головами качали: "Плохи ваши дела". Советовали бежать.

Но вдруг все эти разговоры затихли. Даже наоборот. То тут, то там потихоньку стали убеждать: ничего нам не будет, надо оставаться. Ну, меня обмануть не так легко. Я чувствовал какой-то подвох. Теперь-то уж окончательно ясно, что засланные с той стороны фронта агенты получили указание задерживать на месте любой ценой всех, кто знал о катынском убийстве и кто давал немцам показания или встречался с разными делегациями. Большевики хотели, чтобы все эти люди попали к ним в руки. Я как-то встретил в волостном управлении Сергея Николаева, всем известного коммуниста. Он отвел меня в сторону и прошептал:

"Ты, Иван, не уезжай. Ничего не бойся. Мы тебя тут защитим".

"Подумаю еще", — ответил я.

Однажды я зашел в избу Киселева. Там я застал другого коммуниста, кандидата партии, Тимофея Сергеевича. Он бойко о чем-то толковал со стариком. Когда я вошел, замолчал. Я присел на скамью, поговорили о том, о сем, а потом я спрашиваю Киселева:

"Ну, а ты как, Парфен? Остаешься или едешь?"

Сергеевич не дал ему ответить:

"Киселев, — говорит, — никуда не поедет. Он старик, ему ничего плохого не сделают. Он скажет, что немцы силой заставили его давать показания, и на том дело кончится".

Потом я заметил, что около Киселева все время кто-то крутится: или кто-нибудь из знакомых коммунистов, или какие-то неизвестные люди. Ясно, что за ним следили. Конечно, старик знал больше других, вот на него и обратили больше внимания. Его так окружили агентами, что он в

конце концов остался и попал в их руки... Потом его, наверно, страшно били в НКВД, потому что это был человек твердых убеждений, верующий и привык говорить правду в глаза.

Кажется, на другой день я навестил Матвея Захарова, который при немцах был старостой в Новых Батеках и тоже давал показания по катынскому делу. Он приходился мне дядей по матери. Тетка угостила меня водкой и сказала по секрету:

”Приходили партизаны и говорили, чтобы мы оставались. У нас ни у кого и волос не упадет с головы. Они нас защитят”.

”А я думаю, что надо бежать!” — возразил я.

”Ты, Ванька, больно умен! — крикнула тетка. — Но в этом деле — дурак. Мы остаемся”.

Меня тоже стали уговаривать. Все та же песня: ”Дадите показания, что фашисты вас заставили, били, мучили, что вы говорили по принуждению или вообще не сознавали, где вы и что с вами”.

Дошло до того, что однажды утром пришел ко мне Иван Андреев с таким планом:

”У меня в хате сидит один мой знакомый. Его прислали партизаны. Он нас всю уговаривает, чтобы мы бежали с ним в лес, пока здесь еще немцы. Они нас укроют до прихода Красной армии”.

”Аж до прихода НКВД, ты хотел сказать”. Андреев почесал в затылке, а я продолжал: ”Ты что, рехнулся?! Не знаешь, что ли, что они сделают с нами?! Если даже не за то, что мы свидетельствовали, так за одно уже то, что мы знаем правду”.

В конце концов Андреев решил бежать от большевиков. Ему удалось убедить переводчика, работавшего у Фосса, и они взяли его с собой. Для меня уже не нашлось места. Через два дня я взял мать и маленькую племянницу, и мы упросили водителей немецкой автоколонны взять нас с собой.

В Минске я встретился с Андреевым и Евгением Семяненко. Не имею понятия, что с ними стало потом. Свою мать я должен был оставить в Германии и вот скитаюсь теперь...

— Еще один важный вопрос: сколько трупов выкопали в Катыни?

— Это ведь всем известно. Немногим больше четырех тысяч.

— А эта восьмая могила?

— Это совсем маленькая могила. Немцы ее засыпали. Да ведь вы были там...

— Да, — ответил я. — Все совпадает.

Глава 18

ГДЕ УБИЛИ ОСТАЛЬНЫХ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ?

Загадка катынского преступления разгадана. Известно, кого здесь убивали, сколько их было и кто их убил.

Больше четырех тысяч польских военнопленных, почти исключительно офицеров из Козельского лагеря, было расстреляно большевиками весной 1940 года.

Но так как общее число без вести пропавших было около 15 тысяч (возможно, 14 500) и они содержались не в одном лишь Козельске, но и в Осташкове и Старобельске, возник, как мы знаем, вопрос: куда девались остальные военнопленные из этих двух лагерей, останки которых в Катыни не были обнаружены. Так как никто из них, из числа около 10 тысяч, не подал признаков жизни с весны 1940 года, несмотря на самые энергичные поиски и усилия, — не подлежит никакому сомнению, что они также уничтожены. Уничтожены

на советской территории, следовательно — советской государственной машиной.

Итак, как уже было сказано выше, перед нами открывается новое преступление, с еще большим количеством жертв. Мы знаем преступника, но не знаем только точного места преступления и связанных с ним обстоятельств.

Судьбы Осташкова

26 января 1943 года в канцелярию 5-го поста польской армии, которая покинула пределы Советского Союза, явилась некая Катажина Гонщецкая. Эта женщина, жена одного из без вести пропавших офицеров, была одной из числа многочисленных польских граждан, принудительно сосланных советскими властями. Она рассказала следующее:

”В июне 1941 года меня вместе с почти 4 тысячами мужчин и женщин, как и я арестованных и высланных из Польши, везли по Белому морю. Мы плыли из Архангельска к устью реки Печоры, на новые принудительные работы, на новую каторгу. Я сидела на палубе. Глядя на отдаляющийся берег, я почувствовала вдруг непреодолимую тоску по свободе, родине, мужу, вообще по жизни — и заплакала. Неожиданно передо мной появился молодой русский из экипажа баржи и спросил:

— Ты чего ревешь?

— Я плачу над своей судьбой. Разве и этого у вас нельзя, в вашем ”свободном” государстве? Я плачу над судьбой своего мужа...

— А кем он был?

— Капитаном, — ответила я.

Большевик язвительно засмеялся.

— Ему уже слезы не помогут. Здесь потоплены все ваши офицеры. Здесь в Белом море.

Он стукнул каблуком по палубе. Затем он, ничуть не смущаясь, рассказал, что он лично участвовал в конвое, транспортировавшем около 7 тысяч человек, и что среди них было много бывших служащих польской полиции и офицеров. Тянули две баржи. Когда вышли в открытое море, баржи

отцепили и затопили. — ”Все пошли ко дну”, — закончил он и ушел.

Когда он это говорил, рядом стоял старик, тоже русский, тоже из экипажа баржи, но не военный. Когда тот ушел, старичок подошел ко мне, облокотился о борт и тихим голосом выразил мне свое сочувствие.

— Это правда, — сказал он, — что тот говорил. Это все происходило на моих глазах. В баржах сделали пробоины. Это было ужасное зрелище. — Он утер слезу и вздохнул. — Никто не спасся.

В общих чертах этот рассказ совпадает с рядом обстоятельств, касающихся лагеря польских военнопленных в Осташкове. Хотя бы тот факт, что речь шла о служащих польской полиции, которые были сосредоточены исключительно в Осташкове. Кроме того, названная русским цифра ”около 7 тысяч” отвечает численности военнопленных в Осташкове, которых, как известно, было свыше 6 тысяч. Мы знаем также, что старший постовой польской полиции Воронежский, которому с небольшой группой удалось попасть в Грязовец и оттуда выйти на свободу, тоже слышал от лагерного охранника, что военнопленных потопили. Показания вахмистра жандармерии Б. хотя ничего не говорят о потоплении, тем не менее указывают на северное направление, в котором был вывезен весь лагерь в Осташкове.

Их, действительно, довезли до станции Бологое, расположенной на север от Осташкова; а что было потом?..

В дальнейшем, когда в Советском Союзе формировалась польская армия и когда в связи с этим предпринимались лихорадочные попытки найти без вести пропавших офицеров, накопилось множество сообщений о том, что польских военнопленных видели или слышали о них на дальнем севере СССР. Упорно повторялись слухи об их потоплении, о какой-то загадочной аварии в Белом море и т. п. Вначале верили, что вообще всех военнопленных вывезли на север. Открытие Катыни оборвало этот поток предположений. С другой стороны, выяснилось, что в 1940 году действительно были вывезены на Север польские военнопленные, но не весной, а осенью, и не из трех упомянутых лагерей, а из числа интернированных в прибалтийских государствах. В общем хаосе и

последовавшей за ним военной путанице — спутали одних с другими. Поляков, интернированных в лагерях прибалтийских государств, хотя и вывезли на Север, но не лишили жизни.

На основании материалов, которыми мы располагаем в настоящее время, следует сказать: пока еще нет исчерпывающих конкретных данных для того, чтобы прийти к окончательному выводу и чтобы можно было утверждать, что военнопленные из Осташкова были действительно потоплены. Показания Катажины Гонщевской важны, но недостаточны.

Очевидно, если бы военнопленных из Осташкова везли в Архангельск, их путь вел бы через станцию Бологое. Но...

Против предположения о потоплении возражает логика. Известно, что судьба всех трех лагерей — их существование и техника их ликвидации — указывают на полную аналогию. Тождественность методов, примененных в отношении военнопленных, дает право предполагать, что их судьба была решена одним и тем же приказом сверху, который предусматривал не только их уничтожение, но и метод осуществления этой преступной акции.

Рассматривая вопрос в такой плоскости, можно утверждать, что было бы нелогично убивать военнопленных из Козельска в густонаселенной местности близ Смоленска, в сравнительно небольшом лесу, и в то же самое время везти свыше 6 тысяч военнопленных из Осташкова в Архангельск, там грузить их на баржи и топить в море, когда можно было тем же способом, что и в Катюни, перестрелять их по дороге, в местах более пригодных, чем окрестности Смоленска, чтобы замести следы преступления.

Логика говорит нам, что военнопленные из Осташкова лежат где-то недалеко от станции, где их выгрузили, подобно тому, как лежат военнопленные из Козельска вблизи станции Гнездово.

Судьбы Старобельска

Где погибло около 3500 польских офицеров из Старобельска? На этот вопрос нельзя ответить иначе, чем на предыдущий: Здесь тоже нужно исходить из аналогии.

Как известно, последний след, который оставили за собой этапы, шедшие весной 1940 года из Старобельска, мы находим на станции в Харькове. Затем он обрывается. "Здесь всех ваших выгружают", — говорил советский железнодорожник. Может быть, он говорил правду, а может быть — лгал. Это очень неполное свидетельство. Может, ближе, может, дальше их прикончили выстрелом в затылок и бросили в общие могилы, засыпали землей и посадили деревца...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛОЖЬ СОВЕТСКОГО СООБЩЕНИЯ

Советское правительство, по приказу которого было совершено преступление в Катыни, опубликовало, как известно, ряд заявлений, в которых не признало себя виновным в содеянном. Официальная советская версия утверждает, что не советская сторона, а немцы виновны в убийстве тысяч польских офицеров.

После того, как Красная армия вытеснила немцев из Смоленска, вблизи которого находится Катынь, туда прибыла созданная советским правительством "специальная комиссия", которая якобы на месте исследовала преступление и опубликовала результаты в своем заключении, которое я привожу ниже полностью.

Следует еще сказать, что, инсценируя это мнимое "расследование", советские власти пригласили иностранных корреспондентов, аккредитированных в Москве. Вот что пишет об участии последних известный американский журналист У. Л. Уайт:

Большинство англо-американских корреспондентов — людей опытных — поверило еще до приезда в Катынь в то, что это преступление совершили немцы.

Трудно было сказать с полной уверенностью, когда военнопленные были расстреляны, но какой-то из наблюдательных корреспондентов заметил, что на одном из убитых поляков было зимнее нижнее белье, и поделился своим наблюдением с прикомандированным советским врачом. Этот врач сказал, что на большинстве трупов было теплое белье или шинели, или то и другое. Его слова как будто подтверждали версию, что поляки были расстреляны скорее в августе и сентябре 1941 года, после прихода немцев, как утверждает советское правительство.

Когда эта точка зрения была высказана советским офицерам, сопровождавшим иностранных корреспондентов, среди них возникло заметное замешательство. В опровержение они выставили аргумент, что климат в Польше настолько непостоянный, что шинели на меху и теплое белье могут быть вполне пригодны в сентябре.

Корреспонденты предпочли поверить рассказам своих союзников, которые самым очевидным образом сваливали всю вину на немцев. Более того, московская цензура вычеркивала все, что могло бы вызвать какие-либо сомнения.

Если репортер писал: *"Я не медицинский эксперт, но врачи говорят: состояние трупов свидетельствует, что преступление совершили немцы"*, — то цензура вычеркивала гипотетическую начальную часть предложения и оставляла только сухую констатацию факта. Она удаляла также всякого рода обороты и слова, отражавшие сомнения, неуверенность корреспондентов, как например — "по-моему", "вероятно", "доводы, которые нам привели, указывали..." В результате дошедшие до Америки отчеты обвиняли немцев в преступлении так же безоговорочно, как это делала "Правда". (W. L. White. *Report on the Russians*. New York, 1945, стр. 133–134).

Печатаемые ниже советские документы приводятся по тексту приложения к журналу "Новое время" № 10, от 5 марта 1952 года.

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ПРАВИТЕЛЬСТВУ США

25 февраля Государственный департамент США прислал на имя советского посла в США г. Панюшкина письмо Р. Мэддена (вместе с приложенной к нему резолюцией палаты представителей Конгресса от 18 сентября 1951 г.), являющегося председателем Комиссии палаты по так наз. расследованию "Катынского дела". В своем письме Мэдден выразил

желание получить от Советского Правительства какие-то "доказательства" относительно убийства военнопленных польских офицеров, расправа над которыми была произведена гитлеровскими преступниками в 1941 году в Катынском лесу.

29 февраля посольство СССР направило Государственному департаменту США по этому поводу ноту следующего содержания:

"При этом Посольство возвращает препровожденное Госдепартаментом письмо Мэддена с приложенным к нему текстом резолюции палаты представителей от 18 сентября 1951 г., как нарушающее общепринятые нормы международных отношений и оскорбительное для Советского Союза.

Посольство напоминает, что:

1. Вопрос о катынском преступлении еще в 1944 г. был расследован официальной Комиссией и было установлено, что катынское дело является делом гитлеровских преступников, о чем было опубликовано в печати 26 января 1944 г.;

2. Против такого заключения Комиссии правительство США не заявляло никаких возражений в течение восьми лет, вплоть до последнего времени.

Посольство считает, ввиду этого, необходимым заявить, что возбуждение вопроса о катынском преступлении через восемь лет после заключения официальной Комиссии может преследовать лишь цели оклеветать Советский Союз и реабилитировать, таким образом, общепризнанных гитлеровских преступников.

При сем прилагается вышеупомянутое сообщение официальной Комиссии о катынском преступлении".

К ноте приложено "Сообщение Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров", подписанное председателем Специальной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко, членами Специальной Комиссии: академиком Алексеем Толстым, митрополитом Николаем, академиком В. П. Потемкиным, генерал-лейтенантом А. С. Гундоровым и др. Это сооб-

щение Специальной Комиссии было опубликовано в советской печати 26 января 1944 года.

”Правда”, 3 марта 1952 г.

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н. Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит Николай, председатель Все-славянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров А. С.; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С. А., Народный Комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В. П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е. И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р. Е.

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследова-

тельского института судебной медицины Прозоровского В. И., заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук Смольянинова В. М., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР Семеновского П. С., ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М. Д., гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора Выропаева Д. Н.

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом "Козьи Горы", в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства

преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкассы, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуски, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась "Козьи Горы", а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 метров от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: "Штаб 537-го строительного батальона".

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно

эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря № 1-ОН майор государственной безопасности Ветошников В. М. показал:

...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж. д. т. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю.

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер Иванов С. В. показал Специальной Комиссии:

Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьбу администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области.

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница Сашнева Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной

Комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940–41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую Сашнева записала в книге. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге "Практические занятия по естествознанию" Ягодовского на последней странице имеется запись:

"Лоек Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25".

В опубликованных немцами списках под № 3796 Лоек Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на "Козьих Горах" в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что Лоек Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница Сашнева.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза "Красная Заря" Катынского сельсовета, показал:

В 1941 г. в августе — сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.

Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А. С. — врач Смоленска, Оглоблин А. П. — священник, Сергеев Т. И. — дорожный мастер, Смирягин П. А. — инженер, Московская А. М. — жительница Смоленска, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Куцев И. В. — водопроводный техник, Городецкий В. П. — священник, Базекина А. Т. — бухгалтер, Ветрова Е. Н. — учительница, Савватеев И. В. — дежурный по ст. Гнездово и другие.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И. М., плотник, показал:

Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях.

Быв. староста дер. Новые Батеки Захаров М. Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно "прочесывали" деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Даниленков Н. В., крестьянин колхоза "Красная Заря", показал:

У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились.

Свидетель Фатьков Т. Е., колхозник, показал:

Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе – сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел.

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше "Штаб 537 строительного батальона", помещавшийся на даче в "Козьих Горах", не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот "штаб", показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: Алексеева А. М., Михайлова О. А. и Конаховская З. П. — жительницы дер. Борок Катьинского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта поселка Катънь они были направлены старостой деревни Борок — Солдатенковым В. И. — для работы по обслуживанию личного состава "штаба" на упомянутой даче.

По прибытии в "Козьи Горы" им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом Арнесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе "штаба" Алексеева А. М. показала:

На даче в "Козьих Горах" постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант

Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Грневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья; имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны.

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются "какие-то темные дела".

Алексеева А. М. показала:

...Переводчик Иоганн, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны "держать язык за зубами" и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в "Козьи Горы" почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей – двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой – среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключала, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабро-санную землю. Площадь, занятая этой свеженаброшенной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид.

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150–200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в "Козьи Горы".

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в "Козьи Горы" мы догадывались по напряженной обстановке, которая царила в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр непрерывно проверял посты по телефону...

Михайлова О. А. показала:

В сентябре месяце 1941 года в лесу "Козьи Горы" очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлагае правого рукава его мундира.

Михайлова О. А. и Конаховская З. П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Глиневский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: "Все в порядке". Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны.

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З. П.

Напуганные тем, что происходило на даче, Алексева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им "зарплаты" с 9 марок до 3-х марок в месяц в

начале января 1942 г., по предложению Михайловой, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — Михайлову на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в "Козьих Горах" расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы заготавливали в лес "Козьи Горы" большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу.

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская.

Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в "Козьих Горах" немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца — Алексева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

Она мне долго ничего не говорила, показал Алексей Михаил, только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто

слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу "Козьи Горы" немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья.

Показания о приводе на "Козьи Горы" военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: Киселев П. Г. — крестьянин хутора "Козьи Горы", Кривоцерцев М. Г. — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, Иванов С. В. — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, Савватеев И. В. — дежурный по той же станции, Алексеев А. М. — председатель колхоза дер. Борок, Оглоблин А. П. — священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на "Козьих Горах".

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в "Козьих Горах" осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б. В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен адвокат Меньшагин Б. Г., впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-Швеца.

В начале сентября 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшагину ходатайствовать перед комендантом фон-Швец об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жиглинского. Выполняя эту просьбу, Меньшагин обратился к фон-Швецу и, затем, передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-Швеца "получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе".

Я невольно возразил, показал свидетель Базилевский: "Что же может быть жестче существующего в лагере режима?" Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: "Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить".

"Как так? Как это понимать?" — воскликнул я.

"Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина", — ответил Меньшагин и тут же попросил меня "ради всего святого" никому об этом не говорить.

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: "Что слышно о поляках?" Меньшагин помедлил, а потом все же ответил: "С ними уже покончено. Фон-Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска".

Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал "объяснять" мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора.

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондер-фюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения "жизненного пространства Германии". В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери.

Показания Базилевского подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики Ефимовым И. Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшагиным.

Документальным подтверждением показаний Базилевского и Ефимова являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своем блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского "гетто" и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-й, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

"Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру".

На странице 15-ой (без даты) записано:

"Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)".

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, используя для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на А. П. Оглоблин показал:

...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что "немцы свои дела поправляют".

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками "свидетелей", которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всех к даче в "Козьих Горах" крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в "Козьих Горах" расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселев показал:

Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я

зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня – давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе "Козьих Гор" с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катьинском лесу на участке "Козьих Гор" расстреляли польских офицеров, и спросил меня – какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в "Козьих Горах", да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как "Козьи Горы" совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе "Козьих Гор", сам видел, как

в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: "Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!"

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится.

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными "делегациями", Киселева заставили выступить перед прибывшей "польской делегацией".

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселева и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на "публичные выступления".

Об этом Киселев показал:

В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе "Козьих Гор" обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район "Козьих Гор".

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это "польские делегаты", прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, "делегаты" на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от "делегации" и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: "Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим". Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли "очевидца" расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед "делегациями" в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: "Я живу на хуторе в районе 'Козьих Гор' недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали". И обязательно нужно было дословно заявить, что "это дело рук НКВД".

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших "делегаций". Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то "делегацией" и мне задали вопрос: "Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками". Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо отташил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток.

Показания Киселева П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиной, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках "свидетелей" немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от "Козьих Гор".

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные

поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — Иванов С. В., дежурный по станции Савватеев И. В. и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо Иванов С. В., 1882 года рождения, показал:

...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. "Поэтому, — продолжал офицер, — вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого".

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убраться вон. Я помедлил минуту, переводчик

схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...

Поиски "свидетелей" не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюка Е. Л., немцы упорно, путем угроз и избиений, добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, показал:

Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь

Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно.

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по "Катынскому делу", кроме упомянутого выше Киселева П. Г., были названы в качестве "свидетелей" Годезов (он же Годунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андреев Иван, 1917 года рождения, Жигулев Михаил, 1915 года рождения, Кривозерцев Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Годезов и Сильверстов) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (Андреев, Жигулев и Кривозерцев) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по "Катынскому делу":

В начале марта 1943 года, показал Захаров, ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: "Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у "Козьих Гор".

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю еще гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой.

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзнева Н. С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалева В. Г. и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ

Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами

и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово—Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

3 май 1943 года.

лейтенант полевой полиции

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете "Новый путь" (№35 (157) от 6 мая 1943 г.)

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по "Катынскому делу", заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: Соколова О. Е., Пущина Е. А., Бычков И. И., Бондарев Г. Т., Устинов Е. П. и многие другие.

Обработка катынских могил

Наряду с поисками "свидетелей", немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач Чижов А. Г., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся.

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...

Тожественные показания дали: медсестра Леньковская О. Г., медсестра Тимофеева А. И., свидетельницы Орлова П. М., Добросердова Е. Г. и свидетель Кочетков В. С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы Московской А. М.

Гр-ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в апреле месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катинский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер на этих трупах обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катинского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись.

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказались длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день—два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой.

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же Егоров рассказал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачева П. Ф.

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы "Росглавхлеб", работавший при немцах машинистом

на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

..Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользкий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: "Что это такое?" Тот так же тихо мне ответил: "Которую уж ночь возим трупы в Катьинский лес".

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах.

Показания Сухачева подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссеиных дорог Москва—Минск и Смоленск—Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, некоторые были вооружены и, несомненно, это были немцы.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему "держать язык за зубами" и добавил: "Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела".

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катьинский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катьинского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катинский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катинский лес, они преследовали тройную цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество "большевистских жертв" в могилах Катинского леса.

"Экскурсии" на Катинские могилы

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катинском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытались приписать Советской власти зверства, совершенные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катинских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и "делегациями" из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в васальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в "экскурсиях" на катинские могилы.

Свидетель Зубков К. П., врач патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды – пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов – лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных

случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поляков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок я твердо убедился, что совершенное чудовищное злодеяние — дело рук немцев.

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в "экскурсиях" на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью Куцев И. З., учительница катынской школы Ветрова Е. Н., телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова Н. Г., житель дер. Борок Алексеев М. А., житель дер. Новые Батеки Кривоцерцев М. Г., дежурный по ст. Гнездово Савватеев И. В., гражданка Смоленска Пущина Е. А., врач 2-й Смоленской больницы Сидорук Т. А., врач той же больницы Кесарев П. М., и др.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами "экскурсии" не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение "держать язык на привязи": такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским Загайновым и над Егоровым А. М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выразивших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска Зубарева М. С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска Козлова В. Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М. показал:

Создалась обстановка, вызывавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в "катынское дело".

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня – нач. Смоленской районной полиции Каменский.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что "катынское дело" – немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на "экскурсии" в Катынском лесу.

Видя, что "экскурсии" местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заметать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал "штаб 537 строительного батальона", была сожжена до тла. Трех девушек — Алексееву, Михайлову и Конаховскую — немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть, и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного "свидетеля" — Киселева П. Г., но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других "свидетелей" — б. начальника станции Гнездово Иванова С. В. и б. дежурного по этой станции Савватеева И. В., а также б. сцепщика ст. Смоленск Захарова М. Д.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Базилевского и Ефимова. Обоим удалось избегнуть увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами.

Акт судебно-медицинской экспертизы

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В. И. Прозоровского;

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — В. М. Смольянинова;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — Д. Н. Выропаева;

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П. С. Семеновского;

Старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М. Д. Швайковой;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского;

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы Бусоедова;

Начальника патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — Субботина;

Майора медицинской службы Оглоблина;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садыкова;

Старшего лейтенанта медицинской службы Пушкаревой, в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории "Козьи Горы" в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60 x 60 x 3 метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около 7 x 6 x 3,5 метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

- а) личности покойных;
- б) причины смерти;
- в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

Заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечения трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлеченных трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трех случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырех случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве

случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твердым, тяжелым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме микроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное

значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывания их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории "Козьи Горы" с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеоновке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории "Козьих Гор" произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт "д" ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем—декабром 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских

граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимися немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР —

В. И. ПРОЗОРОВСКИЙ.

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук —

В. М. СМОЛЬЯНИНОВ.

Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук —

Д. Н. ВЫРОПАЕВ.

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор —

П. С. СЕМЕНОВСКИЙ.

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент —

М. Д. ШВАЙКОВА.

Смоленск, 24 января 1944 г.

Документы, найденные на трупах

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март — июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12 сент. 40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — "Варшава, сент.—40" и штамп — "Москва, почтамт 9 экспедиция, 28 сент. 40 года" и резолюция красными чернилами на русском языке: "Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15 нояб.—40 г." (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем "Тарнополь 12 нояб. — 40 г."

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19 дек. — 1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе № 46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16 дек. 1939 г. Старобельским лагерем о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — "Ядвиня" и дата "4 апреля 1941 г."

6. На трупе № 46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе № 101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе № 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский.

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием "штаб 537 строительного батальона", во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт;

4. В связи с ухудшением для Германии общей военнополитической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам Советской власти в расчете поссорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти "свидетелей" из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число "жертв большевистских зверств" в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда избыточных их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

(Следуют подписи членов Спец. Комиссии)

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик

Н. Н. БУРДЕНКО.

Ч Л Е Н Ы :

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии,
академик Алексей ТОЛСТОЙ.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии —
Митрополит НИКОЛАЙ

Председатель Всеславянского Комитета
генерал-лейтенант А. С. ГУНДОРОВ.

Председатель Исполкома Союза Обществ "Красного Креста"
и "Красного Полумесяца"
С. А. КОЛЕСНИКОВ

Народный Комиссар Просвещения РСФСР,
академик В. П. ПОТЕМКИН.

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной
Армии,
генерал-полковник Е. И. СМИРНОВ.

Председатель Смоленского облисполкома
Р. Е. МЕЛЬНИКОВ

Гор. Смоленск. 24 января 1944 года.

(Напечатано в "Правде" 26 января 1944 г.)

УСТАНОВЛЕНИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Целью вышеприведенного "Сообщения" была попытка снять с советской стороны обвинение в совершенном преступлении, которое было, вне всякого сомнения, по своему характеру и значимости крупнейшим в минувшей войне.

Этой цели, — как будет показано на основе детального анализа утверждений, содержащихся в "Сообщении", и сопоставления их с уже известными читателю фактами, — комиссия не достигла.

Состав советской комиссии

Преамбула к "Сообщению" содержит перечень лиц, входящих в состав советской "специальной комиссии". Рассматривая этот состав, уместно напомнить, что хотя в аналогичную комиссию по этому делу, созванную немцами, входили главным образом профессора из государств, зависимых от Германии, однако же в нее вошли представители науки из нейтральных государств. Кроме того, немецкое правительство не противилось тому, чтобы участие в этой комиссии официально принял Международный Красный Крест, — наоборот, оно приглашало его к участию. Польское правительство также обратилось к Международному Красному Кресту с просьбой принять участие в расследовании катынского преступления.

Таким образом, ни одно государство в мире, в том числе даже Германия, не видело препятствия к тому, чтобы передать дело о катынском преступлении в руки беспристрастной, нейтральной комиссии Международного Красного Креста, пользующегося всемирным авторитетом. Только советское правительство воспротивилось этому. Позиция советского правительства не позволила этой международной организации беспристрастно расследовать катынское преступление.

Вместо этого, год спустя, советское правительство созывает свою собственную комиссию в следующем составе: Бурденко, Алексей Толстой, Митрополит Николай, Гундоров, Колесников, Потемкин, Смирнов, Мельников. Все вышперечисленные лица — советские граждане. В состав комиссии не вошел ни один иностранец и ни один поляк. Ввиду того, что все члены комиссии — советские граждане, ее заключения не представляют объективной ценности и не содержат ни малейшей гарантии беспристрастия, так как общеизвестно — советские граждане лишены возможности свободно высказывать свое мнение.

Неверное указание количества убитых

В преамбуле советского сообщения сказано:

”Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч”.

Это неправда, так как общее число обнаруженных трупов не превышает 4300.

Неверное количество указали с самого начала немцы. Они, безусловно, располагали сведениями, что польское правительство и польские военные власти не могут доискаться без вести пропавших в СССР 15 тысяч военнопленных, в том числе 9 тысяч офицеров. Обнаружив могилы в Катыни, немцы исходили из представления, что все пропавшие польские офицеры были убиты именно там и, вскрыв могилы, но еще не эксгумируя трупы, оценили ”на глаз” их количество в 10 тысяч и в дальнейшем указывали их число ”приблизительно от 10 до 12 тысяч”.

Так как немцы публиковали эти сенсационные сообщения в своих политических целях и в целях антисоветской пропаганды, они были, конечно, заинтересованы в том, чтобы указать как можно большее количество убитых.

Немцы развернули свою пропаганду так широко, что они уже не могли потом отступить, снизив указанное ими количество убитых до половины или тем более до одной трети первоначальной цифры, так как это подорвало бы доверие к их пропаганде. Наверно поэтому они решили скрыть

подлинное число найденных в Катыни трупов и числа этого так нигде и не опубликовали.

Советское же правительство не могло знать, что польским подпольным властям в самой Польше было известно точное число жертв, найденных в Катыни. Поэтому, указывая в своей версии событий число 11 тысяч, оно не считалось с тем, что именно этот пункт может оказаться тоже уязвимым местом советского заключения. Немецкая версия была Советам как бы на руку в том смысле, что таким образом получалось: по существу все пропавшие офицеры были убиты в Катыни. Ведь если бы даже предположить, что "Катынь" — дело рук немцев, но указать действительное число катынских жертв, то сразу возник бы вопрос: "А что случилось с остальными польскими военнопленными в СССР, не найденными в Катыни?" На такой компрометирующий вопрос советское правительство было бы вынуждено искать какой-то ответ. И вот именно поэтому, во избежание таких осложнений, советская комиссия указала число: 11 000.

"Катынский лес"

В советском сообщении о нем говорится:

Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Формулировка этого параграфа явно рассчитана на читателя, не знакомого с топографией Катыни. По установившейся терминологии местом преступления принято считать "Катынский лес". Но это растяжимое понятие, так как Катынь занимает обширную территорию, покрытую лесом не в одном, а во многих местах. Таким образом, под понятие "Катынский лес" попадают и "Козьи Горы" — точное место преступления, и другие места. Советское сообщение в дальнейшем не избегает названия "Козьи Горы", напротив — часто пользуется им. Однако в сообщении не сказано конкретно, что "в Козьих Горах окрестное население пасло скот

и т. д.”, а говорится о Катынском лесе в целом, что, несомненно, отвечает правде и ни в чем не противоречит тому факту, что на территорию, примыкающую непосредственно к месту преступления, никто не имел доступа. Тем более, что это место, именно ”Козьи Горы”, на территории которых находился дом отдыха НКВД, было постоянным местом казней. Это подтвердило местное население и доказали эксгумированные в 1943 году многочисленные человеческие останки в разных стадиях разложения — трупы советских граждан, судя по сохранившимся остаткам одежды.

”Военнопленные поляки в районе Смоленска”

Под этим заголовком в советском сообщении идет следующий текст:

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именованных: № 1-ОН, № 2-ОН, и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не смогли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Все это заведомая ложь, так как убитые в Катыни офицеры ни в каких лагерях в районе Смоленска не содержались.

Примечательно и то, что советское сообщение, называя номера якобы существовавших лагерей и указывая их расстояние от Смоленска (от 25 до 45 км), не называет их точное местонахождение. Оно ничего не говорит о времени их создания и о том, когда привезли туда военнопленных. Оно не объясняет, почему они названы лагерями ”особого назначения” и в чем именно заключалась их ”особенность”.

Это сообщение резко, прямо-таки вопиюще противоречит целому ряду фактов, на которые указывали генералы Сикорский и Андерс, посол Кот и ротмистр Чапский во время многочисленных встреч с разными советскими сановниками самого высокого уровня. Исчерпывающий документальный материал об этих переговорах находится в руках польского правительства в эмиграции. Он известен также и британским властям.

Из этого материала, в частности, следует, что ни Сталин, ни высшие представители советских властей, НКВД, управления лагерей и т. д. не обмолвились ни единым словом о лагерях польских военнопленных в районе Смоленска до публикации немецких сенсационных открытий, несмотря на то, что поиски пропавших без вести офицеров охватывали, по их словам, территорию всего советского Союза — от Земли Франца-Иосифа до границы с Маньчжурией.

Таким образом, ни в коем случае нельзя принимать на веру показания некоего майора НКГБ Ветошников, коменданта лагеря № 1-ОН, который, согласно сообщению советской комиссии, обратился будто бы "к начальнику движения Смоленского участка железной дороги Иванову с просьбой обеспечить его вагонами для вывоза военнопленных поляков", как нельзя считать за истину и показания Иванова, что Ветошников на самом деле обращался к нему по этому поводу. Для того, кто знаком с советской системой, особенно в области работы НКГБ и НКВД, совершенно исключается вероятность того, чтобы в районе Смоленска, т. е. совсем недалеко от Москвы, могли находиться 11 тысяч (по советской версии) военнопленных офицеров и вместе с тем в течение нескольких лет нельзя было установить их местонахождение, несмотря на огромные, якобы, усилия, приложенные такими людьми, как Сталин, Молотов, Вышинский, генерал НКВД Райхман, начальник ГУЛага Наседкин, — в то время как начальник движения Смоленского участка ж. д. и майор НКГБ Ветошников были вполне об этом осведомлены. Сам Ветошников, по его же словам, эвакуировался при наступлении немцев в глубь СССР и не потерял контакта со своим начальством. Он якобы "пытался связаться из Смоленска также с Москвой" (относительно

военнопленных), но ему "это не удалось". Покинув Смоленск, он должен был бы доложить своему начальству о судьбе военнопленных, что он безусловно и сделал бы, если бы этот лагерь на самом деле существовал, а Ветошников был там комендантом. В таком случае упомянутые советские инстанции уже в июле 1941 года должны были бы располагать его исчерпывающим рапортом.

Кстати сказать, на этом фоне кажется особенно невероятным такой факт. Советские власти, которые на протяжении долгих месяцев не могли обнаружить 15 тысяч польских военнопленных, уже на другой день после немецкого сенсационного сообщения по радио сумели 15 апреля (1943 г.) через Совинформбюро (а затем дополнительно 17 апреля) не только оповестить о существовавших лагерях в районе Смоленска, но также подробно поведать миру о судьбе этих военнопленных: дескать, немцы захватили лагерь, военнопленных они расстреляли, а найденные на них документы и другие бумаги фальсифицировали, — и все эти подробности относились к территории, все еще находившейся под немецкой оккупацией.

Можно было бы подумать, что это были лишь предположения советской стороны. Но сам факт, что все эти предположения чудесным образом нашли свое подтверждение в позднейшем сообщении советской комиссии, наводит на подозрение, что и сообщения Совинформбюро от 15 и 17 апреля 1943 года и сообщение самой комиссии в 1944 году исходили из одного и того же источника, и содержание их было сочинено заранее, — еще до того, как советская комиссия собралась в Катыни.

Почему военнопленных выгрузили в Гнездове?

Ряд дальнейших обстоятельств подрывает утверждение о существовании лагерей, будто бы созданных советскими властями весной 1940 года для польских военнопленных в районе Смоленска.

Если бы лагерь на самом деле находились на запад от Смоленска, на расстоянии от 25 до 45 км от города, —

маловероятно, чтобы станцией выгрузки для узников этих лагерей было Гнездово, расположенное всего лишь в 12 км от Смоленска, на той же линии, где далее находится много других станций, столь же пригодных для этой цели, как и Гнездово. Не было бы никакого смысла возить военнопленных автомашинами из Гнездова на расстояние 12—32 км, коль скоро существовала возможность намного сократить дорогу, выгрузив двумя—тремя станциями западнее. Безусловно, так и сделали бы, если бы военнопленных возили со станции в лагерь, а не прямо из Гнездова на расстрел в катынский лесок за три километра от этой станции.

Вопрос эвакуации мнимых лагерей

Возвращаясь к показаниям Ветошникова о том, как он якобы старался эвакуировать лагерь, прежде всего бросается в глаза полное несоответствие общепринятым в СССР и широко применявшимся там методам эвакуации заключенных — методам, которые были подробно рассмотрены нами в 7-ой главе. Почему же НКВД не применил те же методы для эвакуации этих якобы существовавших лагерей под Смоленском? Такое несоответствие или даже противоречие еще более подчеркивается тогдашним положением на фронте.

Советская военная сводка от 16 июля 1941 года утверждает, что попытки неприятеля продвинуться на восток в районе Витебска окончились неудачей. Между тем, согласно советским утверждениям, три "особых" лагеря польских военнопленных находились в 25—45 км на запад от Смоленска, или в 80—100 км на восток от Витебска... Но еще даже 28 июля 1941 года советская сводка утверждает, что Смоленск продолжает держаться.

Теперь возникает вопрос: когда именно майор Ветошников будто бы обращался к Иванову с просьбой предоставить ему вагоны для вывоза военнопленных поляков? В сообщении советской специальной комиссии точная дата, правда, отсутствует, но специальный корреспондент издававшейся в Москве "Wolnej Polski" ("Свободной Польши") Ежи Бореяша в своем репортаже "По следам преступления" пишет:

”12 июля 1941 года к нему (Иванову) обращался начальник одного из лагерей с просьбой выделить ему вагоны”.*

Итак — 12 июля 1941 года. Военные сводки с этого участка фронта ясно показывают, что не только 12 июля, но еще 13-го и 14-го, а вероятно даже и 15-го, ”особые” лагеря можно было без труда эвакуировать — если не поездами, то в пешем порядке. Заключенные этих лагерей легко могли за сутки дойти до Смоленска, а там у них было бы достаточно времени, чтобы без всякой спешки продолжать эвакуацию в направлении Москвы, под защитой армии, оборонявшей Смоленск.

Примеры, приведенные в 7-ой главе, показывают, что эвакуация заключенных в других местах осуществлялась в ряде случаев в более трудных условиях и обстоятельствах.

Вся переписка прекратилась

Тот факт, что польские военнопленные были убиты еще весной 1940 года, а не осенью 1941 г. (и, стало быть, ”свидетели”, чьи показания приводятся в сообщении советской комиссии, не могли видеть их на дорожных работах под Смоленском в июле и последующих месяцах 1941 года), подтверждается еще и тем, что семьи офицеров, содержавшихся прежде в Козельске, Старобельске и Осташкове, после ликвидации этих лагерей, т. е. именно весной 1940-го, перестали получать от них какие бы то ни было известия. В то же время эти семьи получили обратно свои письма, которые советская почта вернула им со штемпелем: ”retour — parti.”

Ротмистр Чапский в своих ”Старобельских воспоминаниях” пишет, что горсточка польских военнопленных, которые чудом уцелели и очутились в лагере в Грязовце, получала письма из Польши с вопросами о судьбе офицеров, с которыми их близкие поддерживали переписку до весны 1940

* О Ежи Борейше см.: Ю. Мацкевич. ”Победа провокации”. Издательство ”Заря”. Лондон, Канада 1983. Глава ”Как и из чего возник ’РАХ’”. Стр. 141 и дальше. /Примечание переводчика./

года, после чего она внезапно и полностью прекратилась.

То же самое подтверждают семьи в Польше, которые с мая 1940 года перестали получать письма от своих близких из лагерей в СССР.

Если бы польские офицеры оставались в живых после этой даты, то вплоть до начала германо-советской войны ничто не мешало бы им поддерживать переписку с родными, разве что вышел бы запрет от советских властей. Но такого запрета мы не находим в советских источниках, о нем ничего не упоминает и сообщение "специальной комиссии". Как раз напротив: это советское сообщение отмечает, что на трупах были найдены письма, помеченные намного более поздними датами, чем апрель 1940 года. Это знаменательный факт — с одной стороны потому, что он исходит из самого авторитетного в данном случае источника и свидетельствует о том, что никакого запрета на переписку не существовало; а с другой стороны — потому, что он явно противоречит тому непреложному факту, что переписка прервалась. Возникает вопрос: каким образом в таком случае советская комиссия располагала письмами, о которых говорится в пунктах 1, 2 и 9 раздела "Документы, найденные на трупах"? Ответ очень прост. Под пунктами 1 и 2 значатся письма, посланные из Польши. Почта направила их, по всей вероятности, в НКВД, и там их задержали. Также безоговорочно подлинной можно считать почтовую открытку Станислава Кучинского от 20 июля 1941 года (пункт 9), которую он не отослал. Достоверно известно, что ротмистр С. Кучинский никогда не был в Козельске. Он был в Старобельске, откуда его забрали в декабре 1939 года, и с того времени его никто больше не видел. По всей вероятности, он попал в следственную тюрьму, а впоследствии был казнен в индивидуальном порядке. Все его вещи, в том числе и неотосланная открытка, остались в распоряжении НКВД. Это ведомство вполне могло доставить упомянутую открытку в Катынь и, согласно своей практике, подsunуть в карман одежды на каком-нибудь трупе... или проще того — сослаться на ее существование.

О прекращении всякой переписки весной 1940 года свидетельствует еще следующее обстоятельство.

Здравый смысл подсказывает, что немцы просто не риск-

нули бы на ”провокацию”, о которой говорит советское сообщение, и не оповещали бы весь свет, что военнопленные были убиты весной 1940 года, если бы могло существовать опасение, что у тысяч семей есть письма от военнопленных, помеченные более поздними датами. Ведь эти семьи стали бы свидетелями, а имеющиеся у них письма были бы до такой степени компрометирующими немцев доказательствами, что вся их широко раздутая в 1943 году пропаганда обратилась бы своим острием против них самих. Можно было бы опять-таки предположить, что немцы на оккупированных ими землях заставили молчать семьи военнопленных. Однако, учитывая значительное число этих семей (около 15 тысяч), это был бы трудный и весьма рискованный шаг. К тому же нельзя было исключить возможность, что некоторые причастные к переписке лица эмигрировали или были вывезены в СССР еще до начала германо-советской войны, или что они ускользнут за границу и вообще смогут так или иначе предать гласности письма, помеченные датами позднее мая 1940 года, — и таким образом обличить немцев во лжи.

Многочисленные облавы на польских военнопленных

Советское сообщение содержит, среди прочего, следующую констатацию:

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Затем приводятся показания мнимых ”свидетелей” о массовых облавах в поисках военнопленных поляков. Из этого полагалось бы сделать вывод, что большое количество польских военнопленных бежало из оставленных большевиками лагерей, которые захватили немцы. Известно, что в то время тылы немецкой действующей армии еще не были достаточно укреплены и не контролировались полностью. Росла партизанщина. Целые районы были заняты ею. Большие леса предоставляли хорошее для нее укрытие.

О положении в немецком тылу в районе Смоленска официальный советский орган печати "Известия" пишет:

Помимо того, что лучшие сыны Смоленщины пошли в ряды Красной Армии, многие тысячи доблестных патриотов-партизан по зову товарища Сталина взяли в руки оружие, чтобы беспощадно громить вражьи полчища. Партизаны зорко следили за врагом и днем и ночью: они били его в селах и городах, уничтожали у речных переправ, расправлялись с ним на лесных дорогах; они совершали смелые героические рейды по тылам врага, взрывали мосты и склады.

...И в те радостные дни /прихода Красной армии – С. К./ люди, только что вышедшие из лесов, ям и землянок...

(№ 224, 22 сент. 1945 г. М. Исаковский. "На Смоленщине".)

Трудно поверить, чтобы, после бегства из плена в таких благоприятных условиях, ни одному офицеру не удалось бы пробраться в Польшу, в другие районы, наконец, даже через линию фронта в СССР, а там — в уже формировавшуюся армию генерала Андерса. Но нам не известно ни об одном таком случае. Нет во всем мире ни одного польского офицера, который мог бы засвидетельствовать: "Я был летом 1941 года в лагере для военнопленных под Смоленском, и наш лагерь был захвачен немцами".

Явную ложь советского сообщения разоблачает Иван Кривоцерцев, который утверждает, что осенью 1941 года немцы не устраивали никаких облав на поляков, которых там никто не видел, да и видеть не мог, потому что их там вовсе не было.

Советские свидетели

Напротив, из советского сообщения следует, что не только Ветошников и Иванов, но и другие многочисленные свидетели видели польских военнопленных:

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей,

которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Некая свидетельница Сашнева рассказала советской комиссии, что она видела в 1940—1941 гг. военнопленных поляков, работающих на шоссейных дорогах; в других местах сообщения приведены сходные показания еще нескольких свидетелей. В целом же весь этот вопрос преподнесен в таком духе, будто факт существования лагерей польских военнопленных и их использования на дорожных работах был общеизвестен. Однако это резко противоречит высказываниям советских сановников (см. выше) и лишний раз свидетельствует о полной абсурдности утверждений советской комиссии, как и о том, что привлеченные советской стороной свидетели говорили неправду.

О "свидетелях" в Советском Союзе, дающих показания в государственных делах, следует сказать то же, что мы уже сказали о членах комиссии, а именно: советские граждане не свободны высказывать собственное мнение. В этом смысле советский режим — единственный в своем роде. Он исключает малейшую возможность, чтобы человек, находящийся в пределах его досягаемости, мог дать неугодные властям показания. Огромное разнообразие средств и способов, применяемых к советским гражданам для достижения этой цели, не входит в план наших рассуждений. (См. Приложение 16). Иван Кривозерцев привел убедительные примеры того, как советские власти, еще до немецкого отступления из Смоленска, готовились к "обработке" катынских свидетелей и с этой целью провели энергичные мероприятия, чтобы не дать им скрыться и обеспечить их захват в свои руки. Несомненно, что глухота Киселева и его сломанная рука были делом НКВД сразу по возвращении советских властей в Смоленск. Кроме всего этого, нельзя не упомянуть, что свидетели, дававшие показания перед советской комиссией, были в большинстве теми же самыми людьми, которые свидетельствовали в свое время перед немецкой и международной медицинской комиссией и перед многочисленными посетителями катынских могил. Но теперь их показания были абсолютно противоположными.

Август-сентябрь или сентябрь-декабрь?

При всем том, любой, кто внимательно ознакомился с советским сообщением, мог убедиться в том, что даже сама "специальная комиссия" отнеслась пренебрежительно к показаниям перечисленных в ее сообщении свидетелей или просто им не поверила. Вот почему:

Свидетель Фатьков показал, что облавы на военнопленных поляков прекратились после сентября 1941 года.

Свидетельница Алексеева утверждает, что немцы расстреливали поляков в конце августа.

Свидетельницы, та же Алексеева и ее подруги Михайлова и Конаховская, на показаниях которых основано все советское сообщение о загадочном "штабе 537 строительного батальона", утверждали и свидетельствовали, что польские военнопленные были расстреляны в августе и сентябре.

Свидетель астроном Базилевский рассказывает о своем разговоре с неким Меньшагиным, происходившим *в начале сентября* (здесь и далее курсив авторский — С. К.), а потом, продолжает он, недели через две после описанного выше разговора", Меньшагин сказал: "С ними (т. е. с поляками) уже покончено". Из этого выходит, что *около 15 сентября все военнопленные поляки были уже расстреляны*. Необходимо учесть, что советское Сообщение упорно придерживается цифры 11 тысяч военнопленных, расстрелянных в Катыни, и ссылается на показания других свидетелей, которые утверждают, что пойманных военнопленных немцы доставляли в "Козьи Горы" небольшими группами в 20—30 человек. Из этого можно заключить, принимая во внимание общее число военнопленных и медленный темп расстреливания, что *большинство их было расстреляно до 15 сентября, в том числе — и в августе*. И несмотря на все эти свидетельские показания очень ясные и сходные, Сообщение советской Комиссии пренебрегает ими и утверждает, что "расстрел относится к периоду около 2-х лет назад, т. е. *между сентябрем-декабром 1941 года*". Противоречие этого заключения с показаниями свидетелей углубляется еще тем, что некоторые свидетели определили время расстрела как август

1941 года (об этом, кстати, в заключении совсем не говорится), но никто из них не указал на октябрь, ноябрь, не говоря уже о декабре...

Это противоречие выглядит крайне загадочным, если учесть, что ни текст сообщения, ни заключение экспертов не уточняет и не объясняет, почему именно эти три месяца, о которых не упоминает ни один свидетель, следует считать возможным периодом расстрела польских военнопленных, в то время как август исключается вовсе. Однако эта загадка — мнимая, она решается совсем просто, если воскресить в памяти некоторые общеизвестные факты.

Советская версия, начиная с самых ранних радиосообщений, настаивала на том, что в августе-сентябре 1941 г. немцы расстреляли военнопленных поляков. Поскольку сообщение специальной комиссии наверняка было подготовлено еще до ее приезда в Катынь, и показания "свидетелей" были тоже отрепетированы заранее, — не приходится удивляться, что оно целиком и полностью придерживалось периода август-сентябрь.

Случилось, однако, нечто непредвиденное: приглашенные в Катынь (на время пребывания там Комиссии) иностранные корреспонденты обратили внимание на то, что на трупах была теплая, зимняя одежда. Они обратились с соответствующими вопросами к членам комиссии, что вызвало замешательство среди присутствующих советских граждан. Известно ведь, что в районе Смоленска можно носить такую одежду в апреле, когда там, как правило, еще холодно (это, в свою очередь, подтверждало немецкую версию времени убийства), но никто не станет носить зимнюю одежду под Смоленском в августе, когда там тепло, даже жарко!

Сперва члены комиссии старались разъяснить корреспондентам, что климат на Смоленщине весьма переменчив... Когда такое объяснение было принято к сведению в полном молчании и с большим скептицизмом, они спасли положение тем, что убрали из своего заключения месяц август и заменили его месяцами поздней осени, включив даже декабрь. Но, очевидно, уже невозможно было изменить в последнюю минуту текст показаний свидетелей — и подлинность этих показаний была, по сути, поставлена под вопрос самой комиссией.

Вопрос документов

Все вышеприведенные аргументы касаются только косвенных обстоятельств, которые поддерживают обвинение советской стороны в совершенном ею катынском преступлении.

Существовали ли обстоятельства, непосредственно указывающие на виновников преступления?

Исследование катынского массового убийства — это не поиск абсолютно неизвестных преступников. Самый объективный судья или наблюдатель не предстает здесь в роли сыщика, который ничего не знает и начинает с того, что подозревает всех и вся. Дело в том, что такое массовое убийство могло быть совершено только с помощью огромного аппарата, имеющего в своем распоряжении огромные средства, — аппарата, в чьей безраздельной власти каким-то образом оказалось (и было убито) несколько тысяч человек, — словом, речь идет о государственной организации.

Итак, преступник — это государство, власть которого в период совершения убийства распространилась на территорию, где было совершено преступление. Иначе говоря, время совершенного преступления указывает одновременно и на убийцу.

Преступление раскрыто. Кто преступник? Его автоматически разоблачает время совершенного преступления.

А что выяснилось на месте данного преступления? Что для определения искомой даты преступления не обязательно нужны ни признание самого преступника, ни показания свидетелей-очевидцев, ни даже медицинская экспертиза или ряд других факторов.

Убитые имели при себе документы — письма, квитанции, дневники и т. п., а прежде всего газеты — газеты с определенной датой, свидетельства их личной жизни, ограниченной во времени. Обычно каждый человек носит с собой такие документальные свидетельства, которые обладают собственной индивидуальностью, связанной с жизнью данного лица, с его началом и концом. В отношении отдельной личности такие документы могут служить лишь косвенной уликой

при установлении даты смерти человека, но когда дело идет о массе людей, свыше четырех тысяч, они обретают черты непреложного доказательства, когда совпадение в их датировке совершенно очевидно.

Итак, жизнь тысяч жертв катынского преступления, запечатленная в найденных у них документах, ясно, вне всякого сомнения для здравомыслящего человека, обрывается одно временно, и притом не позднее 1940 года.

А в мае 1940 года государственная власть в районе Катыни была в советских руках.

Можно прибегать к юридическим формулам и вести дискуссию на тему доказательств прямых и косвенных, положительных и отрицательных, — тем не менее факт остается фактом: при реальном и честном взгляде на вещи внезапное прекращение переписки и огромное количество найденных на трупах газет, помеченных весенними месяцами 1940 года, — с одной стороны, и отсутствие каких бы то ни было документов более позднего времени, включая сюда и газеты последующих полутора лет, насыщенных знаменательными событиями, с другой стороны, — представляют собой неопровержимое доказательство.

Как же на это неопровержимое доказательство реагирует советское государство? Оно прикрывается сообщением своей специальной комиссии, которое пытается не только сбросить с него эту тяжесть обвинений, но до некоторой степени просто игнорировать последние. Излагая этот вопрос крайне лаконично, сообщение сочиняет особую легенду о сфальсифицированных документах:

Наряду с поисками свидетелей, немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками, к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные

числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря № 126.

Где могилы этих 500 военнопленных?

Далее советское сообщение указывает, что эти советские военнопленные, работавшие по вскрытию могил, извлечению трупов, изъятию у них документов, замене их новыми и т. п., были расстреляны немцами по окончании работ. Где? Не сообщается, хотя это было важно знать, поскольку это подкрепляло бы советскую версию. Но хотя советская власть господствует в этом районе и располагает прекрасной разведкой, она не может установить места, где закопаны 500 советских солдат.

Это наводит на мысль, что вся история с 500 советскими военнопленными представляет собой чистейший вымысел.

Сообщение содержит показания ряда свидетелей, которые утверждают, что военнопленные были взяты из лагеря № 126, но не говорят, зачем их взяли, что они делали и что с ними случилось. Конечно, немцы могли взять сколько угодно военнопленных из лагеря № 126, но где доказательство, что пленные работали по вскрытию могил и были впоследствии теми же немцами расстреляны? Где доказательства, что немцы фальсифицировали документы?

Единственный свидетель — Московская

Важнейшее обстоятельство, которое должно было убедить мир в советской невинности, строится целиком на показаниях одного-единственного свидетеля, некоей Московской. В советском сообщении мы читаем:

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы Московской А. М.

Гр-ка Московская, Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на

кухне в одной из немецких частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Специальную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Советское сообщение не приводит ни точных личных данных свидетельницы, ни ее адреса, довольствуясь кратким упоминанием, что она проживала "на окраине гор. Смоленска". Такой лаконизм в подходе советской комиссии к главному свидетелю настораживает и наводит на некоторые подозрения.

Свидетель рассказывал в марте о том, что случилось в апреле

Ознакомившись с показаниями Московской, мы узнаем, что она лично ничего не видела и хочет только передать рассказ некоего Егорова, который, в конечном итоге, пропал где-то без вести.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года* перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

"...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был

* Юзеф Мацкевич работал над книгой "Катынь" в середине 1940-х годов и пользовался советским текстом "Сообщения Специальной Комиссии", опубликованным 26 января 1944 г. В настоящем переводе приводится текст "Сообщения", напечатанный в виде приложения к журналу "Новое время" от 5 марта 1952 г.

За восемь лет несуразница, выразившаяся в том, что, действительно, "военнопленный Егоров" в марте будто бы рассказывал Московской о том, что происходило в апреле, была обнаружена советскими властями. Они удалили "в марте" и в "Новом времени" поставили взамен "в апреле". (Прим. перев.)

направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать..."

Далее Московская повторяет рассказ Егорова о расстреле советских военнопленных и о том, как ему лично удалось бежать. Заканчивая свои показания, Московская говорит о судьбе, постигшей Егорова: вернувшись на следующий вечер домой с работы, она узнала от соседок, что скрывавшийся в ее сарае Егоров был схвачен немцами и бесследно исчез.

Эта часть сообщения заслуживает особого внимания с точки зрения сопоставления дат. В публикации сообщения, состоявшейся 26 января 1944 г., на странице 21-й напечатано: "она рассказала, что в марте месяце 1943 года... нашла в нем (сарая) неизвестного человека..." и т. д. Несколькоими же строками ниже, на 22-й странице, она передает слова Егорова: "В начале апреля 1943 года все работы..." и т. д.

Из сопоставления этих двух предложений явствует, что Московская в марте 1943 года разговаривала с Егоровым, который рассказал ей о случившемся в... апреле того же

1943 года!

Исключительно на словах Егорова, повторенных Московской, основывается утверждение советской комиссии, что немцы вынули из карманов трупов документы, помеченные датами позднее апреля 1940 года.

Возможно ли было фальсифицировать документы?

Если, несмотря на все, посчитать, что немцы в марте 1943 года вскрыли могилы убитых ими военнопленных с целью изъять из их одежды различные документы, помеченные датами позднее апреля 1940 года, чтобы уже в том же месяце и в дальнейшем демонстрировать результаты эксгумации разным делегациям, то прежде всего должны были бы остаться какие-то следы этой работы на самих жертвах и их одежде. Но таких следов не было, в чем как я, так и другие свидетели и эксперты имели возможность лично убедиться.

Кроме того, возникает вопрос о газетах, которые были найдены в большом количестве в карманах убитых. Наличие газет и характер их использования военнопленными категорически исключает возможность процедуры, приписываемой немцам, и тем самым — возможность фальсификации найденных на трупах документов в 1943 году. (См. Главу 14.)

В равной мере как свидетельства очевидцев, которые теперь проживают в свободном мире и в любое время могут дать показания, так и здравый смысл указывают, что физически было абсолютно невозможно в течение марта, как говорится в советском сообщении, в холод, снег, в мерзлой земле вскрыть могилы и осмотреть будто бы целых 11 тысяч трупов, пролежавших в могилах несколько лет, спрессованных, склеенных жировоском, расстегнуть и вновь застегнуть карманы (которые, подчеркну, можно было разве что разрезать), вынуть документы, просмотреть их, прочитать, некоторые вложить обратно вместе с новопривезенными и т. д.

Если бы, однако, вопреки здравому смыслу, признать такую сложнейшую процедуру возможной, то она оставила

бы за собой, как мы это уже отметили, явственные следы, шитые белыми нитками, и трудно даже себе представить, чтобы немецкое правительство решилось пригласить на такое зрелище многочисленных иностранных гостей, в том числе поляков, и даже Международный Красный Крест. Это означало бы огромный риск компрометации немецкой пропагандистской машины и скандал в мировом масштабе, который в глазах общественного мнения во всем мире был бы только на пользу Советскому Союзу.

ИЗ ВСЕХ ЭТИХ РАССУЖДЕНИЙ НЕДВУСМЫСЛЕННО ЯВСТВУЕТ, ЧТО СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ КАТЫНСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В СООБЩЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЛОЖЬ И СОЗНАТЕЛЬНО СФАБРИКОВАННУЮ ФАЛЬСИФИКАЦИЮ.

Почему март-апрель 1940, а не июнь 1941 года?

К приведенным выше рассуждениям необходимо еще добавить такое, чисто логическое, заключение.

Советские власти, отступая перед стремительным натиском немецких армий, эвакуировали всех без исключения военнопленных и других заключенных в тюрьмах, а тех, кого не могли забрать с собой, — убивали. (См. Главу 7.) Документальные материалы и отчеты об этом (см. в той же главе) свидетельствуют, с одной стороны, не в пользу советской версии, будто лагеря польских военнопленных были оставлены под Смоленском, а с другой стороны — в связи с этим возникает ряд вопросов.

Почему немцы (если на самом деле они, как это утверждает советская версия, убили польских офицеров под Смоленском осенью 1941 года), безусловно зная о большевистских методах эвакуации военнопленных и заключенных в тюрьмах и видя на каждом шагу кровавые следы отступления советской власти, не воспользовались этим и не заявили, что большевики убили польских офицеров в Катыни не в марте-апреле 1940, а, скажем, в июне 1941 года? Во-первых, такая версия была бы более достоверной, если бы немцам требовалось замести за собой следы преступления. Во-вторых,

это устранило бы целый ряд эвентуальных противоречий и вещественных доказательств, связанных еще с полуторагодовым пребыванием этих офицеров в живых. В-третьих, они избежали бы риска дискуссии о физическом состоянии трупов и других вопросов из области судебной медицины.

Это было бы настолько существенно в случае, если бы действительно немцы убили польских офицеров осенью 1941 года, а затем свалили вину на большевиков, что им явно имело бы смысл назвать в качестве времени убийства лето 1941 года, но отнюдь не весну 1940-го года!

На фоне этих рассуждений установление немцами произвольной даты — март-апрель 1940 г. — было крайним легкомыслием, не только ничем не обоснованным, но абсолютно непонятным. Ведь сами немцы были большими специалистами по части массовых убийств. Но в случае катынского массового убийства немцам не требовалась сложная механика заметания следов, потому что не они, а большевики совершили это преступление.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ВЫСТУПИТЬ С ДЕКЛАРАЦИЕЙ ПО ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ'

Nota заместителя директора политического отдела французского министерства иностранных дел от 18 мая 1940 г. по вопросу советских зверств в Польше.

”Британский посол уведомил Политический отдел о том, что польское правительство предложило британскому правительству опубликовать общую англо-франко-польскую декларацию с протестом против советских зверств в Польше.

Форейн Оффис считает выступление с такой декларацией в настоящее время нежелательным, так как она не имеет никакого смысла и может лишь повлечь за собой неблагоприятные с политической точки зрения последствия”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

АГРЕССИВНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПОЛЬШЕ ПО МОСКОВСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Агрессивный характер военных действий Красной армии в Польше в 1939 году находит подтверждение и в советских источниках. В первую годовщину нападения на Польшу, 17 сентября 1940 г., ”Красная звезда” (№ 210) опубликовала статью, в которой среди прочего говорится:

”Минул год с того исторического дня, когда части Красной Армии перешли границу Польши... В летопись успехов Красной армии навсегда вписаны победы у Гродно, Львова, молниеносный прорыв и разгром

укрепленного района Сарны, удары, нанесенные врагу под Барановичами, под Дубно, под Тарнополем... Быстрота действий очень часто не только парализовала сопротивление противника... В течение 12–15 дней враг был полностью разбит и уничтожен. За этот период одной только N группой войск Украинского фронта в боях и при окружении было захвачено в плен 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5.131 офицер, 4.096 унтер-офицеров, 181.223 рядовых польской армии”.

В том же номере газеты помещена и другая статья, подписанная неким С. Кожевниковым (корпусным комиссаром – прим. перев.), которая обвиняет Польшу в том, что она спровоцировала войну с Германией. Упомянув битву за Гродно, Кожевников пишет, что Красная Армия взяла там в плен 66 офицеров и 1.477 рядовых.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

На основании огромного количества отчетов Исторический сектор канцелярии штаба польской армии составил подробную историю польских военнопленных в Советском Союзе. Приводим здесь выдержки из этого труда.

”Жизнь польских военных в советском плену, ввиду ее исключительных особенностей, относится скорее не к истории польско-советской войны, а к мартирологии польского народа. Судьбу польских военнопленных в СССР невозможно сопоставить с чем-либо в прежней истории. Советский Союз не признает Женевской конвенции 1929 г., исходя из предпосылки, что постановления капиталистических стран, касающиеся области этики, лишены всякого смысла.

Взяв в плен польских военных, большевики сразу разделили пленных на офицеров и рядовой состав, отнюдь не с целью применить к офицерам статью 29-ую Женевской конвенции, но затем, чтобы

изолировать их как несомненных "врагов пролетариата". К офицерам присоединяли часто полицейских, солдат Корпуса пограничной охраны, жандармов, таможенных служащих, судей и прокуроров гражданских судов и других государственных чиновников.

Лицам, заподозренным в том, что они скрывают свое офицерское звание, угрожали различные наказания, избиение и пытки.

В лагерях, где офицеры и рядовые не были разделены, большевики ставили офицеров на самые неприятные и унижительные работы.

Офицерское звание для военнопленного в СССР является отягчающим обстоятельством.

Польские военнопленные в СССР, не только офицеры, но и рядовые, были лишены основных прав, принадлежащих каждому военнопленному, не совершившему преступления. Здесь советский подход резко противоречит положениям Женевской конвенции.

Прежде всего, вопреки статье 8-ой Женевской конвенции, которая обязывает воюющие стороны уведомлять немедленно заинтересованную сторону о взятых в плен военнослужащих, советские власти не только никого не уведомляли о попавших в плен польских военных, но воспротивились всяким попыткам установления фактического положения.

При таких условиях невозможно было определить точное число военнопленных. Поэтому вопрос о польских военнопленных в СССР окончательно не выяснен по сей день.

Особенно трудными были для военнопленных два периода. Первый — начало плена, когда все военнопленные попали в совершенно неподготовленные лагеря, проходили через исключительные мытарства и испытывали хронический голод. Тогда только здоровые и сильные могли выжить, а раненые и больные поголовно умирали. Примером может служить лагерь в Шепетовке, "где из-за недостатка уборных всюду была грязь, и многочисленные раненые и больные, несмотря на самоотверженные усилия польских санитарок, буквально лежали в нечистотах..."

Военнопленным в СССР приходилось работать в условиях, полностью противоречащих постановлениям Женевской конвенции. На работу посылали не только физически здоровых (ст. 27–30), но также слабых и больных. Рабочий день доходил иногда до 16–18 часов, выходных почти не было.

Женевская конвенция в специальном разделе (ст. 31–32) оговаривает запрещенные для военнопленных виды работ — те, которые

связаны с ведением войны или же с нездоровыми и опасными для жизни условиями. Большинство лагерей польских военнопленных в СССР предназначалось для производства работ, связанных с военными нуждами.

Пять крупных бригад из лагерей в Донецком бассейне и в районе Кривого Рога работали в шахтах по добыче угля и железной руды. Руда и уголь, добываемые руками польских военнопленных, шли до середины 1941 года в Германию. Это стало причиной забастовки военнопленных лагеря в Марганце, так как они не хотели работать на пользу Германии.

Невозможно установить, сколько польских военнопленных погибло в советских шахтах и рудниках, сколько стало инвалидами — советские власти скрывали количество умерших и искалеченных.

Первые лагеря военнопленных, взятых в плен Красной армией, размещались на территории Польши и носили временный характер.

Ужасные условия в этих временных лагерях вызывали многочисленные побеги военнопленных, так как бежать из лагеря на польской территории было нетрудно. Однако многие военнопленные верили большевистским заверениям о скором освобождении и ждали пропусков.

В первый период плена, как удалось выяснить, перемещение относительно крупных групп военнопленных происходило в следующих направлениях. Из лагерей на территории Польши военнопленных направляли в Шепетовку, в Старобельск, Козельск и Осташков. Небольшие группы попали в другие лагеря, как например в Путивль, Грязовец, Суздаль. Вначале в эти лагеря помещали вместе офицеров, унтер-офицеров и солдат. Позже начали создаваться офицерские лагеря. В октябре 1939 года забрали рядовых из Козельска и Старобельска. Рядовых из Козельска вывезли, в большинстве случаев, в мелкие лагеря на территории Польши. Из Старобельска, Путивля и других лагерей рядовых направляли на угольные шахты и на железные рудники на юге СССР. Полицейских, Корпус пограничной охраны, жандармерию отправили в Осташковский лагерь, который уже в 1919–1920 годах функционировал как лагерь для военнопленных поляков.

Таким образом, перемещение военнопленных (офицеров) шло в одном направлении — с запада на восток. Перемещение же рядовых было более сложным: сначала с запада на восток, потом одних направляли обратно, других — на юг, третьих — на север. Некоторая стабилизация создалась к концу 1939 года и продолжалась до весны 1940 года. В эти месяцы военнопленных этапировали в единичном порядке с места

на место, но численный состав лагерей не изменялся. Однако весной 1940 года началась ликвидация офицерских и полицейских лагерей (Старобельск, Козельск, Осташков), а также лагерей в южных шахтерских областях (Еленовка, Каракуб, Кривой Рог, Марганец, Запорожье).

По приказу Командующего польской армией на Востоке был проведен опрос бывших военнопленных в СССР, который установил существование 138 лагерей для военнопленных.

В силу сложившихся обстоятельств очерки об отдельных лагерях написаны очень неровно, в зависимости от имевшихся анкетных данных. Но несмотря на неточности и изъяны, общая картина судьбы военнопленных получилась достаточно полной, а местонахождение лагерей удалось установить с большой точностью.

Большинство лагерей, преимущественно мелких, находилось на территории Польши. Согласно имеющимся данным, таких лагерей насчитывалось 90.

На территории СССР было 48 крупных, иногда даже огромных, лагерей, которые находились в трех советских республиках: Украинской, Российской и Коми АССР.

Лагеря на территории крупнейшей советской республики – Российской – были разбросаны на огромном пространстве: от Малаховки под Москвой, Козельска, Суздаля и др. до Мурманска. Лагеря на территории Архангельской области – Котлас и Урдома были органически связаны с лагерями в Коми АССР.

Остальные лагеря были временными лагерями, в которых военнопленных не заставляли работать вне лагерной зоны; были и еще какие-то лагеря, характер которых не удалось установить опросом.

Эти отчеты не дают ответа на основной вопрос: сколько польских военнослужащих попало в советский плен? Вполне достоверные цифры относительно последних дней существования четырех лагерей, из которых вышли первые солдаты польских вооруженных сил в СССР, во много раз ниже официальных советских данных. Эти цифры составляют меньше 10% всего количества военнопленных. В связи с этим напрашиваются новые вопросы и возникают новые сомнения”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ТАБЛИЦА ЭТАПОВ ИЗ КОЗЕЛЬСКА (апрель—май 1940 г.)

3 апреля	62 человека		Среди прочих: (J.) Немчинский, Войцеховский.
4 "	302 "		
5 "	280 "		Фрыга, Бурдзинский, Вестеровский, Волошин.
7 "	92 "		Генералы: Минкевич, Сморовинский, Богатырович. Полковник Стефановский. Майор Сольский.
8 "	277 "		Крук, Залясик.
9 "	270 "		
11 "	290 "		Вайда, Вайс, Богуславский, Пшигодзинский, Иванушко, проф. Пеньковский, Ульрихс, Скупень.
12 "	204 "		Котецкий, Охоцкий.
15 "	150 "		Полковник Павликовский, Билевский.
16 "	420 "		Капитан первого ранга Мошенский, капитан Трояновский, Знайдовский, Солтан.
17 "	294 "		Рогушак, Лилиенталь, Маевский.
19 "	304 "		Юзвяк, Ханди, Лейтгебер, Румянка, Доманя, Жонжевский.
20 "	344 "		Ковалевич, Прауса, Яблонский, проф. Моравский, Пацерковский.
21 "	240 "		Доктор Якубович, капитан Трепак.
22 "	120 "		(J.) Зенцина.
26 "	160 "		(обнаружены в лагерях Павлишев Бор и Грязовец)
29 "	300 "		Профессор Свяневич, доцент Тухольский, поручик Жутовский, подпоручик Коровайчик.
<hr/>			
Всего	4309		
10 мая	50 человек		
11 "	50 "		
12 "	95 "		
<hr/>			
Всего	195 человек		

Из этих 195 человек нашелся последний этап (95 человек), который, как и этап 26 апреля, был вывезен в Павлищев Бор.

Итак, из вывезенных 4504 человек нашлись только два этапа – 255 человек, и еще несколько человек, выделенных из этапов в дороге.

Не нашлись:

из вывезенных в апреле	—	4149 человек
из вывезенных в мае	—	100 человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕКОТОРЫХ ИЗ ПОГИБШИХ

Упомянутый несколько раз Юзеф Чапский – офицер, художник, литератор, военнопленный из Старобельска – описывая свою лагерную жизнь и впечатления, приводит фамилии и дает сведения о некоторых своих товарищах по лагерю, пропавших без вести:

“В Старобельске было 9 генералов: генерал Станислав Галлер, генерал Скерский, генерал Луковский, генерал Францишек Сикорский, генерал Билевич, генерал Плисовский, генерал Ковалевский и генерал Петр Скоратович. В Козельске было три генерала: генерал Минкевич, генерал Сморовинский и генерал Богатырович. С ними был также контр-адмирал Черницкий. Из всех военнопленных генералов спаслось только двое: генерал Янушкевич, отправленный зимой 1939–1940 года на Лубянку, и генерал Волковицкий, который впоследствии был с нами в Грязовце. Около 300 полковников и подполковников, около 500 майоров, около 2500 капитанов и около 5000 поручиков и подпоручиков бесследно исчезли из вышеупомянутых лагерей.

В Старобельске было по меньшей мере 600 офицеров военновоздушных сил. В обоих лагерях было по меньшей мере 800 врачей. В Козельске находились известный невролог профессор Пеньковский, а также личный врач маршала Пилсудского доктор Стефановский, невролог проф. Матеуш Зелинский, профессор Ян Нелькен и доктор Ворочинский, в прошлом замминистра здравоохранения – редкий случай

сочетания интеллектуала с идеалистом. Был также профессор Годлович, преемник профессора Розе в Вильно, специалист по мозговой коре.

Я встретил также в Старобельске известного варшавского хирурга доктора Колодзейского. Большевики схватили его в сентябре 1939 года в Бресте над Бугом. Его втолкнули с несколькими сотнями офицеров в товарные вагоны, затем запломбировали, а "пассажиров" уведомили, что поезд будет отправлен в Варшаву. Вместо этого, через 20 дней пути в ужасных антисанитарных условиях вагоны прибыли в Старобельск. В числе пропавших надо назвать также известного варшавского хирурга Левиту' (Levitoux). В двух лагерях было около 50 профессоров польских высших учебных заведений, в том числе профессор Моравский из Варшавского политехнического института; Тухольский, физико-химик, специалист по взрывчатым веществам, неоднократно читавший лекции в Кембридже; Пиотрович, секретарь Краковской академии наук (ему мы обязаны прекрасными лекциями по истории Польши, которые он скрытно читал нам в Старобельском лагере). Там были также инженер Эйгер, заместитель председателя антинацистской лиги в Польше, и два редактора еврейской газеты "Наш Пшеглэнд", которым удалось бежать из оккупированной немцами части Польши. Погибло 80% офицеров из Исследовательского института вооружения и 80% студентов Отдела по вооружению при Варшавском политехническом институте, которые служили в армии. Ни одного человека не осталось в живых из личного состава Военного противогазового института, который в полном составе, во главе с майором Бжозовским, был взят в плен. Известно лишь о двух уцелевших из штаба Пинской речной флотилии.

Я хотел бы упомянуть здесь многих, которых хорошо знал и которых считал людьми большого ума. Одним из таких был Зыгмунт Митера, единственный поляк, удостоившийся стипендии им. Рокфеллера и получивший диплом горного инженера в США. Его научный энтузиазм дополнялся необыкновенным личным обаянием. В своей профессии он был единственным в Польше такого класса... И этот исключительный человек тоже погиб, как и многие другие.

Среди врачей я хотел бы упомянуть о докторе Дадей (Dadey), видном педиатре, работавшем в Закопане (польский зимний курорт). Он был директором большого детского туберкулезного санатория. За несколько лет до войны известный советский профессор, посетив этот санаторий, написал в книге отзывов: "Мне бы хотелось перенести

всю эту больницу вместе с ее персоналом в Советский Союз”. В 1931 году я сопровождал в этой местности одного из самых знаменитых современных французских историков Даниэля Галеви. Мы также зашли в эту больницу, и, выходя из нее, Галеви сказал: ”Будь это заведение в Советской России, о нем знал бы весь мир. Как это объяснить, что мы так мало знаем о вас, о ваших достижениях?” Доктор Дадей был душой этого заведения; он пошел в армию врачом и в октябре 1939 года работал в Тернополе в качестве врача, после занятия города Красной армией. В один прекрасный день он и его коллеги были вызваны для заполнения личных анкет. Там их арестовали, отвезли на железнодорожную станцию и отправили в Старобельск. Все они погибли.

Я помню также капитана Гофмана. Он был кадровым офицером; закончил политехнический институт в Бельгии, работал несколько лет в Швеции. Он был специалистом по зенитной артиллерии.

Одним из моих товарищей по нарам был поручик Скварчинский, который был в Польше одним из издателей очень интересного журнала для молодежи ”Бунт Млодых” и ”Политики”. Будучи блестящим специалистом по экономике, он организовал в лагере кружок экономистов, которые продолжали вести работу и политически-экономические дискуссии в невероятно трудных условиях: завшивевшие и голодные, в тесноте, без книг. И он исчез, как и другие. Позднее я получил письмо от его жены из Семипалатинска, в северо-западном Казахстане. Ее вывезли за две недели до родов вместе с родителями мужа вглубь СССР в ужасных условиях, в сильные морозы. Через две недели по прибытии на место она родила ребенка, который потом умер.

В Старобельском лагере был также майор Солтан, начальник штаба генерала Андерса в 1939 году... С первого дня плена он начал читать лекции по военной истории и о кампании 1939 года. Он говорил о наших ошибках и неудачах и о том, как их избежать в будущем. У Солтана остались в Польше жена и две маленькие дочери. В Грязовце я получал от них отчаянные письма, они допытывались о судьбе мужа и отца. Тогда я еще не думал, что и он потерян навсегда. По-моему, этот человек был типичным представителем польских традиций в наилучшем понимании этого слова.

Одним из многих военных священников, заключенных с нами в Старобельске, был известный всей Польше проповедник капеллан Александрович. Он хромал из-за раны в ноге. В начальной стадии

нашего плена многие были ему обязаны за духовную помощь и за слова утешения... Досточтимый ксендз Александрович дорого заплатил за все то, что он делал для нас в те первые три месяца. За несколько дней до Рождества его неожиданно вывезли ночью вместе с лютеранским епископом Потоцким и раввином Штейнбергом. Все трое погибли. Я знаю, что их несколько недель держали в московской тюрьме, потом в тюремной башне в Козельске, а затем вывезли в неизвестном направлении.

Теперь я хочу сказать несколько слов о специалисте по луговодству профессоре Ральском, который был одно время преподавателем Краковского университета, а потом профессором Познанского университета. Он был офицером запаса 8-го уланского полка, в котором я служил в сентябрьскую кампанию 1939 года. Ральский оставил дома жену и дочурку.

В марте 1940 года он узнал, что немцы выгнали его жену из квартиры, разрешив взять с собой только один чемодан, а все его научные труды – плод многолетней работы – уничтожили. Ральский отличался душевным равновесием, – когда его, военнопленного, везли через украинские степи в неизвестность, он сумел отвлечься от страшной действительности. Со страстью ученого он наблюдал степь, смотрел на сухие стебли травок, торчащие из-под снега. Помню, что в лагере он начал писать книгу о лугах. Он был настоящим ученым, для которого наука была не только полем деятельности, но самой жизнью.

Я хочу еще упомянуть капитана Кучинского. С самого начала плена он был одним из наиболее активных организаторов и лучших товарищей. Это был молодой кавалерийский офицер, архитектор. Он оставил в Варшаве молоденькую жену. В дни кампании 1939 года он показал себя прекрасным боевым офицером в армии под командованием генерала Андерса. Он был вывезен из Старобельска осенью 1939 года, одним из первых. Тогда он надеялся, что его вышлют в Турцию, так как он был внуком одного из виднейших организаторов турецкой армии. Его полная фамилия была польско-турецкой; он обладал даже высоким турецким титулом. С ноября 1939 года о нем не было никаких известий.

Мы всю зиму пробыли в Старобельске. Подвергались разнообразным, многочисленным допросам... В феврале 1940 года распространились слухи, что вскоре мы покинем лагерь”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Военно-полевой суд "3 DSK. L. Sow. M. p." 8 марта 1945 г.

Присутствуют: Военный судья поручик Таргош Томаш и секретарь капрал Конопакский Александр. Свидетель, согласно 81 статье военного процессуального кодекса предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний. Он называет свою фамилию и имя: К... К... (далее следуют личные данные).

"До польско-немецкой войны, т. е. до сентября 1939 года, я проживал с семьей на хуторе Отваловшизна. В марте 1940 г. мой отец получил распоряжение большевистских властей из волости Голубовичи, чтобы вся наша семья покинула наш хутор и убиралась куда угодно. Отец отвез всю семью в город Глубокое, в 20 километрах от нашего хутора. Там мы жили у знакомых до начала германо-советской войны в июне 1941 года. Вскоре немцы заняли Глубокое и его окрестности. Уже на следующий день случайные пришельцы начали рассказывать, что в местечке Березвеч, в трех километрах от Глубокого, обнаружены останки около 4000 человек, убитых большевиками перед их уходом из Березвеча. Узнав об этом, люди толпами шли в Березвеч осматривать тела, так как многие арестованные местные жители сидели в Березвече.

Мой отец Б. К., его товарищ (J.) Б., проживавший в Жолнеровшизне, Дисненского уезда, и я пошли в Березвеч, где на окраине местечка в нескольких открытых зданиях можно было осматривать трупы убитых. Я был в трех комнатах одного из этих зданий. В каждой комнате лежали груды тел мужчин в штатской одежде и в мундирах польской армии, женщин и детей. Я не могу сказать, сколько трупов было в каждой из этих комнат — во всяком случае их было много. В других комнатах и зданиях тоже были груды тел, но тех я не осматривал. Хотя доступ для народа был открыт во все комнаты и здания.

На телах, которые я видел, были на шее петли — проволочные или веревочные, независимо от того, был ли это мужчина, женщина или ребенок. Кроме того, я видел, что у некоторых взрослых были отрезаны пальцы, уши и носы, а у нескольких мужчин я заметил вогнанные под ногти иголки. Я видел, как многие узнавали своих родных среди убитых.

На военных мундирах я не заметил никаких воинских знаков различия. Говорили, что среди убитых преимущественно поляки и белорусы. Рассказывали, что с началом советско-германской войны в июне 1941 года эти несколько зданий, в которых находились трупы, служили тюрьмой. Их окружили большевистские войска, и гражданскому населению воспрещалось даже проходить мимо этих зданий. Трупы, которые я видел, выглядели свежими; их еще не затронуло разложение, и они почти не издавали запаха. Но те, которые выносили из подвалов этих зданий, были уже в начальной стадии разложения, и от них шел тяжелый запах. Я слышал, что на следующий день немецкие военные власти распорядились похоронить всех убитых, которых не забрали родственники или знакомые, на местном кладбище в Березвече.

Все знали, что это убийство совершили большевики перед уходом из Березвеча. Это было дело рук НКВД.

Большевики оставили Березвеч вечером накануне прихода немцев”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

РАПОРТ РОТМИСТРА ЧАПСКОГО О ВСТРЕЧАХ С ГЕНЕРАЛОМ НАСЕДКИНЫМ, ГЕНЕРАЛОМ РАЙХМАНОМ И НАЧАЛЬНИКОМ УПРАВЛЕНИЯ НКВД БЗЫРОВЫМ

”Формирование польской армии в СССР началось в сентябре 1941 года в Татищеве под Саратовом и в Тоцке на железнодорожной линии Куйбышев—Чкалов. В летний лагерь в Тоцке прибывали ежедневно сотни людей... Мы организовали нечто вроде информационного бюро. Я всегда спрашивал каждого новоприбывшего поляка, не приходилось ли ему работать с кем-либо из наших товарищей из Старобельска, Козельска или Осташкова. Мы все еще верили, что наши товарищи вот-вот появятся... Однако не только никто из них не являлся, но даже и слухов о них почти не было...

Мы ждали наших товарищей со дня на день и пополняли список пропавших. Ко дню приезда главнокомандующего (Сикорского — Ред.) в Москву в начале декабря мы уже располагали списком 4500

фамилий, который генерал Андерс привез в советскую столицу.

...В первых числах января 1942 г. генерал Андерс послал меня в Чкалов в качестве "Уполномоченного по невозвращенным военнопленным" с целью попытаться выяснить этот вопрос у начальника ГУЛага генерала Наседкина. В Чкалове я узнал, что адрес ГУЛага засекречен, и только совершенно случайно мне удалось попасть к начальнику этого учреждения. Только благодаря весьма решительному тону писем генерала Андерса начальнику ГУЛага и начальнику НКВД Чкаловской области, в которых он писал об отданном в его присутствии приказе Сталина освободить всех бывших военнопленных, мне предоставилась возможность получить у них аудиенцию. У меня состоялись две встречи с генералом Наседкиным и одна с начальником управления НКВД Чкаловской области Бзыровым. Наседкин при первой встрече был захвачен врасплох и потому более доступен. Он сидел на фоне большой карты СССР, на которой были обозначены главные места подведомственных ему лагерей. Больше всего звездочек, кружков и других значков, обозначающих крупные скопления лагерей, было на территории Коми АССР, на Кольском полуострове, на Колыме...

Я охарактеризовал Наседкину положение с тремя лагерями для военнопленных, добавив, что дальнейшее задержание в лагерях военнопленных, освобожденных по приказу Сталина, "пахнет саботажем". Мне показалось, что мой собеседник действительно не ориентировался в этом деле, — а может, только притворялся... Он сказал, что постарается все точно выяснить и завтра ответит на мои вопросы. Я спросил его, не отправил ли он военнопленных на Землю Франца Иосифа и Новую Землю, как я это слышал от многих возвратившихся заключенных. Генерал заверил меня, что он никого не отправлял на эти острова, что если там и есть лагеря, то они находятся в ведении другого начальства, которое ему не подчинено, — может быть, там действительно есть лагеря военнопленных... Генерал при мне приказал по телефону подробно выяснить вопрос трех лагерей: Старобельска, Козельска и Осташкова. Отдавая этот приказ, он повторил слова из письма генерала Андерса: "по приказанию товарища Сталина". На этом закончилась моя первая встреча с генералом.

В тот же день около 11 часов вечера меня принял начальник управления НКВД Бзыров... Бзыров принял меня весьма любезно, делая вид, что хочет мне помочь. Прежде всего он заявил, что я смогу добиться ответа на мой вопрос только от очень высокопоставленных

лиц, от центральных властей. (Я разговаривал с ним в присутствии еще двух человек, тоже энкаведистов.) Он дал мне понять, что Меркулов или Федотов могли бы мне помочь.

На другой день меня опять принял генерал Наседкин. Момент неожиданности прошел. Он заявил, что ничего не может мне сказать, что только центральные власти могут дать разъяснения и что если у меня есть какие-либо списки (у меня было с собой 4500 фамилий военнопленных из Старобельска, Козельска и Осташкова), то он готов послать их в Куйбышев. У меня создалось впечатление, что из Куйбышева его строго отчитали за то, что он вообще со мной разговаривал. Эта догадка подтвердилась, когда несколько дней спустя служащий НКВД сказал генералу Андерсу, что такого рода поездки, как моя поездка в Чкалов, в СССР недопустимы, и просил, чтобы подобное больше не повторялось. Генерал Андерс ответил ему, что он принимает это к сведению и намеревается направить меня к высшему руководству НКВД. Еще одна подробность: после встречи с Бзыровым я вновь спросил генерала Наседкина, во время второй с ним встречи, о Новой Земле. Я сказал, что у меня есть сведения о находящихся там польских военнопленных. Как раз в тот день мне стали известны новые факты, указывающие на это. Реакция Наседкина была совсем другой, чем накануне. "Не исключено, — сказал он дословно, — что отдельные лагеря на севере, которые находятся в моем ведении, отправили на эти острова кое-какие немногочисленные группы, но не может быть и речи о многих тысячах людей, о которых вы говорите".

В середине января генерал Андерс послал меня в Куйбышев и в Москву по тому же делу, с письмами на имя ген. Жукова, рекомендующими меня и излагающими суть порученного мне дела. Генерал Андерс писал, что вопрос о без вести пропавших военнопленных крайне затрудняет формирование польской армии, морально угнетает его самого и его сотрудников, и добавил, что, будучи не в состоянии сам заняться этим делом, посылает меня и просит помочь мне, как помогали бы ему лично. Я рассчитывал на то, что оба этих советских генерала, которые занимали очень высокие посты в НКВД и которым к тому же было поручено принять участие в создании польской армии на территории СССР (ген. Райхман в предыдущие годы лично допрашивал многих из наших товарищей), смогут мне помочь и исплопочут мне аудиенцию у всесильного Берии и Меркулова.

Ожидая своей очереди в маленькой приемной Райхмана, я с удивлением заметил, что до меня Райхман принял бывшего коменданта

лагеря в Грязовце Ходаса. Через четверть часа впустили меня. Разговор, как обычно, шел при свидетелях. Изложив ему все дело, я попросил его устроить мне встречу с Берией или с Меркуловым, но получил вежливый отказ. Тогда я представил ему докладную записку, которую, водя карандашом по каждой строке, Райхман внимательно прочел. В ней я подробно изложил всю известную нам историю лагерей вплоть до их "разгрузки", т. е. до мая 1940 года. После этого вступления я, среди прочего, писал следующее:

Со дня объявления амнистии 12 августа 1941 г. для всех польских военнопленных и заключенных прошло уже почти шесть месяцев. В ряды польской армии вливаются целыми группами и поодиночке освобожденные из лагерей и тюрем польские офицеры и солдаты, которые были либо задержаны при попытке перехода границы начиная с осени 1939 г., либо арестованы при других обстоятельствах. Несмотря на "амнистию", несмотря на категорическое обещание самого Сталина вернуть нам военнопленных, данное в октябре 1941 года послу Коту, несмотря на категорическое приказание Сталина, отданное 3 декабря 1941 г. в присутствии главнокомандующего генерала Сикорского и генерала Андерса, о разыскании и освобождении всех военнопленных из Старобельска, Козельска и Осташкова, — до нас не дошел ни один призыв о помощи, который исходил бы от кого-либо из вышеупомянутых лагерей (за исключением грязовецкой группы и нескольких десятков заключенных, содержащихся отдельно от других и освобожденных уже в сентябре).

Зная, насколько старательно и точно работает НКВД, никто из нас, военнопленных, ни на минуту не допускает, чтобы руководству НКВД оставалось неизвестным местонахождение 15 тысяч военнопленных, из них 8000 офицеров.

К этой докладной записке был приложен точный, в пределах возможного, список... Лицо Райхмана оставалось непроницаемым. Он невозмутимо прочел текст и ответил мне, что ничего не знает об этих людях, что это вне его компетенции, но, идя навстречу генералу Андерсу, он постарается все выяснить и сообщит мне о результатах. Он просил меня остаться в Москве и ждать его телефонного звонка. Мы попрощались очень холодно.

Через десять дней, опять ночью, зазвонил телефон: говорил сам

Райхман. Он крайне вежливо уведомил меня, что, к сожалению, не сможет со мной увидеться, что он завтра утром уезжает, а мне советует съездить в Куйбышев, потому что все материалы по этому делу пересланы заместителю наркома иностранных дел тов. Вышинскому. Я едва успел ответить Райхману, что знаю хорошо, что Вышинский мне ничего не скажет по существу дела, потому что уже до меня посыл Кот восемь раз безрезультатно поднимал перед ним этот вопрос.

На этом закончилась моя поездка в Москву.”

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

А. ПОЛЬСКИЙ МЕМОРАНДУМ ОТ 19 МАЯ 1942

19 мая 1942 г. польское посольство в Москве передало советскому правительству меморандум относительно соблюдения дополнительного протокола к польско-советскому договору от 30 июля 1941 г., из которого мы приводим соответствующие абзацы:

”...Хотя советские власти располагают точными списками бывших польских военнопленных, которые, по неизвестной для польской стороны причине, не могут вернуться под боевые знамена, — идя навстречу советским пожеланиям и для облегчения поисков без вести пропавших — главнокомандующий и председатель Совета министров Речи Посполитой генерал Сикорский и командующий польскими вооруженными силами в СССР генерал Андерс 18 марта 1942 г. вручили советской стороне затребованные ею списки.

Вышеуказанные списки с большим трудом были составлены по памяти немногочисленными бывшими военнопленными из Козельска, Старобельска и Осташкова, которым, по тем или иным причинам, удалось избежать судьбы офицеров, вывезенных из этих лагерей в 1940 году.

...Никто из этих людей не вернулся до сих пор в ряды армии, никто не дал о себе знать”.

Б. ПОЛЬСКАЯ НОТА ОТ 13 ИЮНЯ 1942

13 июня 1942 г. в связи с новыми известиями, которые дошли до польского посольства с дальнего севера, посольство направило советскому правительству новую ноту, в которой, в частности, указывалось:

”...В ряде переговоров с высокопоставленными представителями властей СССР был затронут вопрос об освобождении военных, которые находились в лагерях Козельск, Старобельск и Осташков. Эти лагеря были ликвидированы в 1940 году, а военнопленные вывезены в неизвестном направлении в апреле и мае того же года, и всякий их след утерян. НКВД до сих пор не представил посольству никаких объяснений по этому делу.

...Посольство Речи Посполитой будет крайне обязано за по возможности скорый ответ по вопросу бывших военнопленных из лагерей Козельск, Старобельск и Осташков – тем более, что со времени заключения договора от 30 июля 1941 г. прошло уже 10 месяцев...”

(Необходимо подчеркнуть, что эта нота была вручена советским властям через 11 месяцев после занятия немцами Смоленска. На эту ноту посольство не получило никакого ответа.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

КОММЮНИКЕ ПОЛЬСКОГО МИНИСТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

Польский министр национальной обороны генерал М. Кукель опубликовал 17 апреля 1943 года следующее коммюнике, которое гласит (последний его абзац, процитированный в тексте книги, здесь не приводится):

”17 сентября 1940 г. официальный орган Красной армии ”Красная звезда” заявил, что с 17 сентября Советский Союз взял в плен 181 тысячу польских военнослужащих, в том числе 10 тысяч кадровых офицеров запаса. Согласно сведениям, которыми располагает польское правительство, в октябре 1939 г. на советской территории были созданы три больших лагеря военнопленных: в Козельске, на восток от Смоленска, в Старобельске, около Харькова, и в Осташкове, около Калинина. В последнем находился персонал польской полиции и полевой жандармерии. В начале 1940 года советские власти стали уведомлять военнопленных, что эти лагеря будут ликвидированы, а военнопленным будет разрешено вернуться домой к своим семьям. Были составлены специальные списки, в которых подробно отмечалось, куда каждый военнопленный желает отправиться после освобождения. В то время в Козельском лагере находилось 5 тысяч военнопленных, из них 4500 офицеров; в Старобельском лагере – 3920, из них 100 гражданских лиц, а остальные офицеры, в числе которых было почти 400 военных врачей; в Осташкове – 6700 военнопленных.

5 апреля 1940 года советские власти приступили к разгрузке лагерей. Каждые несколько дней из лагерей вывозили группами от 60 до 300 человек. Это продолжалось до середины мая. О группах, вывозимых из Козельска, известно, что их везли в направлении Смоленска. Из всех лагерей только около 400 человек было доставлено в июне 1940 г. в Грязовец, Вологодской области.

Когда после заключения польско-советского договора 30 июля 1941 года и подписания военного соглашения в августе 1941 года польское правительство начало формирование польской армии в СССР, ожидалось, что офицерские кадры новой армии будут укомплектованы главным образом бывшими военнопленными, которые находились в трех вышеупомянутых лагерях. В августе 1941 года в Бузулук, где формировались польские воинские части, прибыла группа польских офицеров из Грязовца, но не появился никто из офицеров, вывезенных из Козельска, Старобельска и Осташкова в другие места.

В целом не хватало 8300 офицеров и 700 других военнопленных – унтер-офицеров, рядовых и гражданских лиц, которые находились в вышеупомянутых лагерях во время их ликвидации. Обеспокоенный таким положением вещей, польский посол в СССР профессор Кот и командующий польскими войсками в СССР генерал Андерс обратились к соответствующим советским властям с просьбой выяснить,

что случилось с польскими офицерами из этих трех лагерей. 6 октября 1941 г. посол Кот неоднократно затрагивал вопрос об этих польских военнопленных при встрече с премьером Сталиным, Молотовым и Вышинским, пытаясь добиться от них получения списков военнопленных, которые были составлены советской стороной и пересматривались по мере надобности. 3 декабря 1941 года генерал Сикорский во время аудиенции у Сталина выступил с ходатайством об освобождении всех польских военнопленных и ввиду того, что советские власти так и не представили соответствующие списки, вручил ему неполный перечень, содержащий 3843 фамилии польских офицеров. Этот перечень был составлен на основе свидетельств их товарищей. Сталин заверил генерала Сикорского, что указ об освобождении поляков носил универсальный характер и касался как военных, так и гражданских лиц, и что советское правительство освободило всех польских офицеров. 18 марта 1942 года генерал Андерс вручил Сталину дополнительный перечень (800 фамилий), но никто из офицеров, чьи фамилии были в обоих этих списках, не вернулся в польскую армию.

Кроме шагов, предпринятых в Москве и Куйбышеве, судьба польских военнопленных была поводом для ряда демаршей польского посла Рачинского у посла Богомолова в Лондоне. 28 января 1942 года посол Рачинский вручил советскому послу ноту польского правительства, в которой указывал на тот прискорбный факт, что до сих пор не найдены многие тысячи польских офицеров. Посол Богомолов в ноте от 13 марта 1942 г. уведомил посла Рачинского, что в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. и согласно заявлениям наркома иностранных дел СССР от 8 и 19 ноября 1941 г. абсолютно все поляки были освобождены – как военные, так и гражданские лица. 19 мая 1942 г. посол Кот направил наркому иностранных дел СССР памятную записку, в которой выразил сожаление по поводу отказа в передаче польской стороне списков военнопленных и беспокойство относительно их судьбы, подчеркнув при этом пользу, которую эти офицеры могли бы принести в военных действиях против Германии. Ни польское правительство, ни польское посольство не получили ответа относительно местонахождения офицеров и других военнопленных, вывезенных из лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ТЕЛЕГРАММА НЕМЕЦКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В ЖЕНЕВУ

”В связи с сообщением об обнаружении останков нескольких тысяч польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском — Принимая во внимание сообщенные немецким Красным Крестом, польским Красным Крестом и другими случаи без вести пропавших в Советском Союзе и ввиду международного значения этого дела, мы считаем весьма желательным участие международного комитета — Немецкий Красный Крест доводит до сведения, что делегации комитета, безотлагательно посланной для участия в совместной работе, немецкая сторона окажет на месте всестороннее содействие”.

Подпись: Гравиц

(В дальнейшем председатель немецкого Красного Креста фон Кобург послал в Женеву еще одну телеграмму в том же духе.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

ПРЕССА О РАЗРЫВЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Швейцарская газета ”Либерте” от 27 апреля 1943 г. опубликовала следующие замечания:

”Советское правительство должно было бы требовать со своей стороны, чтобы Красный Крест выяснил действительные факты. Этим оно доказало бы, что не боится публичного спора. Однако правительство в Москве так не поступило, а вместо этого заявило польскому правительству, что разрывает с ним всякие отношения, и упрекнуло его в том, что оно ухватилось за немецкое сообщение и солидаризовалось с ним. Этот упрек лишен основания. Польское правительство не присоединилось к Германии против Советского Союза. Оно хотя и

обратилось к Красному Кресту с пожеланием, чтобы тот исследовал немецкое обвинение, но поступило логично — иной подход был бы не оправдан. Польское правительство не исполнило бы своих обязанностей, если бы оно отнеслось безразлично к сообщению, что немцами обнаружены массовые могилы польских офицеров.

Советское правительство заявило, что обнаруженные в Катинском лесу польские офицеры — жертвы немцев. Почему же тогда оно возражает против расследования? Почему оно заранее называет его комедией?”

Корреспондент “Манчестер гардиан” писал 1 мая 1943 г.:

”Поляки обратились в Международный Красный Крест как к единственному компетентному учреждению по делам военнопленных, но никогда не было и речи о чем-либо сверх того, как только идентификация погибших военных. Предложение польского правительства было сделано из чувства долга в отношении семей погибших и под давлением общественного мнения. Этим польское правительство намеревалось улучшить, а не ухудшить польско-советские отношения. Такие же стремления примирительного характера проявляются в требовании выпустить всех польских граждан из Советского Союза”.

Газета “Нью-Йорк Таймс” 30 апреля 1943 года писала в редакционной статье:

”Разрыв между великой державой и соседней страной — в силу мрачного парадокса истории той самой страной, во имя независимости которой началась война, — плохое начало всеобщей попытки сотрудничества... Такого рода поступок Москвы — абсурдное обвинение Польши в сотрудничестве с нацистами — это хорошее напоминание малым народам о сделке, результатом которой был раздел Польши”.

Журнал *The Nineteenth Century and After* за июнь 1943 года писал (стр. 251–253) :

”Когда немцы сообщили об обнаружении могил польских офицеров, в Польше создалось такого рода настроение, которое просто принудило польское правительство предпринять определенные шаги. Оно обратилось тогда в Международный Красный Крест с просьбой начать

расследование. Красный Крест не мог удовлетворить эту просьбу без согласия заинтересованных держав. То, что Советский Союз откажется дать свое согласие, можно было предвидеть заранее. Впрочем, этот отказ имеет свои основания...

Как же обстоит дело с этими 8300 пропавшими без вести польскими офицерами? Просьба поляков передать дело Международному Красному Кресту грозила разбить в пух и прах категорическое советское утверждение, что эти офицеры попали в немецкие руки летом 1941 г. и были убиты немцами. Если, однако, советское правительство знало, куда девались польские военнопленные, то почему оно не сообщило об этом польскому правительству, не ответило на многократные запросы, с которыми польское правительство обращалось к советскому правительству во второй половине 1941 года и в начале 1942 года? Почему ничего не было известно о судьбе этих офицеров с весны 1940 года до лета 1941 года, когда, согласно советской версии, они попали в плен к немцам? Кроме того, трудно понять, как 8300 офицеров, находившихся в руках Советов, могли попасть в немецкий плен так, чтобы советские власти ничего не знали об этом. Если эти офицеры попали в плен к врагу, то должны же существовать какие-нибудь свидетели случившегося? Кроме того, как только их захватили немцы, их следовало признать пропавшими без вести. Если бы советское правительство предполагало, что они погибли от рук немцев, оно могло взять на себя труд сообщить об этом польской стороне в момент подписания польско-советского договора в 1941 году, вместо того чтобы утверждать, что все военнопленные освобождены из лагерей для интернированных, и тем самым дать польским властям повод все время рассчитывать на их возвращение.

Советский Союз несет ответственность за этих 8300 офицеров. Он до сих пор не в состоянии объяснить, где же они находились, отделиваясь сомнительной версией, что их убили немцы”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

ОТЧЕТ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ

”С 28 по 30 апреля 1943 года Комиссия, состоявшая из профессоров судебной медицины и криминологии европейских университетов, а также других представителей медицинской науки, провела научные исследования братских могил польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском.

Обнаружение могил польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском, ставшее известным немецким властям, заставило руководителя службы здравоохранения Рейха доктора Конти пригласить вышеупомянутых (см. Главу 12 – Ред.), специалистов из разных европейских стран для исследования катынского массового убийства, чтобы выяснить детали этого единственного в своем роде случая. Комиссия допросила многочисленных местных русских свидетелей, которые среди прочего подтвердили, что в течение марта и апреля 1940 г. железнодорожные эшелоны с польскими офицерами почти ежедневно прибывали на станцию Гнездово и там разгружались. Военнопленных везли на грузовиках в сторону Катынского леса. После этого никто никогда их больше не видел.

Кроме того, Комиссия ознакомилась с вскрытыми могилами и результатами предварительно проведенных исследований и изучила найденные вещественные доказательства. До 30 апреля было эксгумировано 982 трупа. Около 70% погибших было идентифицировано, документы остальных можно было использовать в целях установления личности только после предварительной очистки.

Комиссия исследовала все трупы, которые были эксгумированы еще до ее прибытия. Их патологоанатомическое исследование в большинстве случаев было выполнено доктором Бутцем и его сотрудниками. На сегодня вскрыто семь рвов, в самом большом из которых обнаружено около 2500 офицерских трупов. Члены Комиссии лично произвели патологоанатомическое исследование и приступили к идентификации в специально избранных случаях.

Результаты судебно-медицинского исследования и осмотра

В отношении всех без исключения жертв, эксгумированных на сегодня, была установлена одна и та же причина смерти — выстрел в голову. Во всех случаях выстрелы были сделаны в затылок. В большинстве случаев это были единичные выстрелы, редко двукратные, и только в одном случае выстрел в затылок был произведен трижды. Входные пулевые отверстия располагались чаще всего в задней нижней области шеи, а также в затылочной области головы вблизи затылочного бугра, нижней части отверстия черепа, а выходные отверстия — в лобной области волосяного покрова, очень редко — в нижней части лба. Выстрелы производились во всех случаях из пистолета, калибра меньшего, чем 8 мм.

Трещины черепа, следы пороха на кости у основания черепа, в месте входа пули, а также сходный характер выходных отверстий свидетельствует, что стреляли в упор или, во всяком случае, с очень небольшого расстояния. Это подтверждается тем, что направление пулевого канала в большинстве случаев одинаковое, с редкими незначительными отклонениями. Бросается в глаза сходство ран и постоянство места входа пули — в пределах очень небольшой области нижней части черепа, что говорит о профессиональном навыке стрелявших.

У многих трупов отмечены связанные одинаковым способом руки, в нескольких случаях — легкие следы удара штыком на одежде и коже. Способ связывания идентичен тому, какой был установлен на трупах русского гражданского населения, также эксгумированных в Катынском лесу, но погребенных в более давнее время. Выстрелы в затылок, которыми были убиты эти русские, были сделаны также опытной рукой.

Была найдена одна пуля, которая рикошетом попала в голову польского офицера, убитого в затылок, и вдавила наружную часть кости. Этой пулей был убит другой офицер; пробив насквозь его череп, она вонзилась в тело убитого перед тем офицера, уже лежавшего во рву. Этот случай позволяет утверждать, что расстрел производился также непосредственно во рвах, чтобы не требовалось переносить тела к месту закапывания.

Рвы находятся на полянах, которые выровнены и засажены молодыми соснами. По собственным наблюдениям Комиссии и согласно мнению лесничего фон Герффа (von Herff), вызванного в качестве эксперта, возраст сосновых саженцев составляет по меньшей мере пять

лет, но, пересаженные сюда три года назад, они слабо развились здесь в тени больших деревьев. Рвы, выкопанные в песчаной почве, в холмистой местности, расположены ступенчато. Частично они достигают уровня подпочвенных вод. Почти все трупы уложены животом вниз, плотно и равномерно — по краям рвов и менее регулярно в середине. Ноги, как правило, вытянуты. Несомненно, что трупы укладывали специально.

По единогласному мнению Комиссии, мундиры на эксгумированных трупах — судя по пуговицам, воинским званиям, знакам различия, орденам, сапогам, пометкам на белье и другим деталям — обладают признаками, присущими мундирам польской армии. Убитые были в зимнем обмундировании. Часто попадаются шубы, кожаные куртки, свитеры, офицерские сапоги и фуражки польских офицеров. В редких случаях убитые — не офицеры, а в одном случае — духовное лицо. Одежда соответствует размеру тел. Белье застегнуто, подтяжки и ремни — на месте. Из этого можно заключить, что убитые оставались в своем обмундировании вплоть до момента смерти. На телах не обнаружено ни часов, ни колец, хотя, судя по заметкам с указанием точного времени в записных книжках, у офицеров должны были быть часы в последние дни и даже часы их жизни. Только на нескольких трупах были найдены спрятанные вещи из благородных металлов. В большом количестве были найдены банкноты, и довольно часто попадалась разменная монета. Кроме того были найдены коробки спичек и пачки польских папирос, а в нескольких случаях кисеты и портсигары с надписью "Козельск" (название последнего лагеря польских военнопленных в СССР, где содержалось большинство убитых офицеров).

Документы, найденные на трупах (дневники, письма и газеты), имеют даты с осени 1939 г. до апреля 1940 года. Газета с самой свежей датой из найденных на сегодня — советская, от 22 апреля 1940 г.

Характер и степень разложения трупов — весьма неодинаковы, в зависимости от положения во рвах и места в массе трупов. Наряду с мумификацией в верхних слоях и у стенки рва, встречается переувлажнение в связи с высокой влажностью в середине массы. Лежащие рядом трупы, слепленные и соединенные стгутившейся трупной жидкостью и сильно деформированные из-за давления, ясно показывают, что все они оставались в том же положении, в каком были сброшены во рвы. Ни на одном трупе не обнаружено никаких насекомых либо их следов, относящихся ко времени захоронения. Это доказывает, что расстрел и захоронение происходили в холодную пору года, когда насекомых

еще нет. Исследовано некоторое количество черепов с целью обнаружения изменений, которые, согласно опытам доктора Орсоса, имеют большое значение для установления времени смерти. Речь идет об образовании коры в несколько слоев, аналогично костному некрозу, на поверхности мозговой массы, уже унифицированной и образующей глиноподобную субстанцию. Трупы, находящиеся в могиле менее трех лет, не обладают этими специфическими признаками. Этот феномен был выявлен в особенно отчетливой форме при вскрытии тела № 526, извлеченного из верхнего пласта братской могилы.

Заключение экспертизы

Комиссия исследовала в Катынском лесу массовые могилы убитых польских офицеров. До сих пор вскрыто семь могил. Из этих рвов извлечено на сегодня 982 трупа, которые были исследованы, частично осмотрены и в 70% случаев идентифицированы. Во всех без исключения случаях причиной смерти был выстрел в затылок. Из показаний свидетелей и судя по письмам, дневникам, газетам и т. д., найденным на трупах, следует, что расстрелы происходили в марте и апреле 1940 года. Единогласное мнение членов Комиссии относительно братских могил и останков польских офицеров было занесено в протокол.

Акт экспертизы подписали 30 апреля 1943 года в Смоленске следующие члены Комиссии:

Доктор Спелерс
" Марков
" Грамсен
" Саксен
" Пальмьери
" Милославич
" де Бурлет
" Гаек
" Биркле
" Навиль
" Субик
" Орсос

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

ПОЛЬСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В КАТЫНИ

Мировое общественное мнение оценивало участие польских врачей и санитаров в эксгумационных работах как потенциальный источник свидетельских показаний. Ввиду огромного объема работы их число было увеличено до двенадцати. Польский персонал был нужен немцам прежде всего для идентификации трупов, чтения найденных документов, писем и т. п. Для польской стороны польская санитарная команда была первоисточником информации, особенно ввиду того, что она имела возможность снимать копии найденных на трупах документов. Через подпольное польское движение сопротивления часть этих копий была передана польскому правительству в Лондоне, что пролило дополнительный свет на судьбу польских военнопленных из лагеря в Козельске.

16 апреля 1943 г. генеральный секретарь ПКК Скаржинский представил правлению ПКК рапорт о своем пребывании в Катynie, в котором констатировал следующее:

Вблизи Смоленска, в Катynie, находятся частично вскрытые могилы польских офицеров; осмотр извлеченных из них трупов позволяет утверждать, что эти офицеры были убиты выстрелом в затылок, создающим впечатление, что расстрел их произведен, бесспорно, профессиональными исполнителями; найденные на трупах газеты и разные бумаги позволяют считать, что убийство совершено в марте—апреле 1940 г.

Немцы требовали, чтобы правление ПКК, чьи делегаты убедили его в подлинности катынского дела, послало своих представителей в "офлаг" (офицерские лагеря для военнопленных) в Германию с целью осведомления находящихся там польских офицеров. 19 апреля 1943 г. правление ПКК уведомило письменно о своем согласии сотрудничать с немцами в границах, предусмотренных международной конвенцией, и потребовало со своей стороны, чтобы его участие носило лишь информационный характер и чтобы все отделения ПКК, закрытые оккупантами, были вновь открыты. В частности, в своем письме ПКК требовал:

1) чтобы немецкие власти разрешили деятельность ПКК на всех территориях, где производился набор в польскую армию, т. е. на западных землях, официально включенных в германский Рейх, и на восточных землях, не входящих в состав Генеральной губернии;

2) чтобы военнопленным, в случае освобождения их из лагеря, было разрешено работать на территории Генеральной губернии, что начиная с 1941 года запрещалось;

3) чтобы военнопленных не выдавали из лагерей полицейским властям за якобы совершенные ими преступления и чтобы несколько офицеров, содержащихся не в лагере для военнопленных, а в концлагере, были немедленно освобождены.

Немцы не удовлетворили этих требований, и представители ПКК не поехали в "офлаги" в Германию. В результате этого немецкие власти были вынуждены в пределах своих возможностей организовать поездку в Катынь делегации из польских офицеров, находившихся в немецких лагерях для военнопленных.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАПОРТ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИЦИИ ОТ 10 ИЮНЯ 1943 ГОДА

Работы по извлечению, идентификации и переносу трупов польских офицеров были закончены 7 июня 1943 года. Прежде всего следует отметить, что лес в Косогорах уже с 1925 года был местом приведения в исполнение смертных приговоров НКВД или "тройки". Разного рода пробные поиски в этой лесистой местности неоднократно приводили к обнаружению братских могил, в которых лежали трупы русских обоого пола. Некоторые из этих трупов были подвергнуты осмотру, и во всех без исключения случаях была установлена одна и та же причина смерти: выстрел в голову. Судя по найденным документам, это были узники смоленского НКВД, осужденные главным образом по политическим делам.

Семь опорожненных братских могил с расстрелянными польскими офицерами занимают относительно небольшую территорию.

Из 4143 извлеченных трупов было однозначно идентифицировано 2815. Идентификация основывалась на найденных в карманах удостоверениях личности, метрических свидетельствах, разных других документах и личной корреспонденции.

Во многих случаях паспорта, бумаги и значительные суммы польских денег были зашиты в голенищах сапог. Одежда на убитых не оставляла никакого сомнения, что это были польские офицеры, – об этом свидетельствовал, например, фасон высоких кавалерийских сапог, которые обыкновенно носили поляки.

Польский Красный Крест, вероятно, сможет идентифицировать еще значительное количество трупов, пока не опознанных.

Распределение по войсковым званиям представляется следующим:

генералов	2
полковников	12
подполковников	50
майоров	185
капитанов	440
поручиков	542
подпоручиков	930
казначеев (?)	2
хорунжих	8
унтер-офицеров	2
опознанных только как офицеры	101
опознанных только как военнoслужашие	1440
врачей	146
ветеринаров	10
духовных лиц	1
гражданских лиц	221
опознанных только по фамилии	21
не опознанных	50

Трупы, "опознанные только как военнoслужашие", также следует отнести к офицерам, так как погоны офицеров лежали зачастую в карманах.

После идентификации, в ходе которой каждый труп снабжался биркой с номером, и судебно-медицинского исследования, трупы были

захоронены, при содействии членов Польского Красного Креста, в новоприготовленных могилах. Новые могилы были обозначены номерами от 1 до 6, нанесенными на оборотную сторону крестов. Таким же образом были помечены две отдельные могилы генералов.

На случай возможных дальнейших запросов со стороны семей был составлен список фамилий всех опознанных.

Из переведенных дневников, (самодельных) календариков и других записей, найденных на трупах, можно заключить, что польские офицеры, попавшие в советский плен в 1939 году, были размещены в разных лагерях (Козельск, Старобельск, Осташков, Путивль, Болотов, Павлищев Бор, Шепетовка, Городов). Большинство расстрелянных в Катынском лесу были военнопленными из Козельского лагеря (в 250 км на юго-восток от Смоленска, на железнодорожной линии Смоленск—Тамбов). Известно, что небольшое число военнопленных было доставлено из Старобельска этапом через лагерь в Козельске.

Железнодорожные эшелоны из Козельска шли с конца марта до начала мая 1940 года. Точных дат установить не удалось. Свидетель немецкой национальности (фольксдойче) Глезер (Glaser) также не смог сообщить точных дат. Численность каждого транспорта, которые приходили почти ежедневно, колебалась от 100 до 300. В одном случае, а именно 4 апреля 1940 г., было вывезено 2402 офицера. Местом разгрузки всех эшелонов была станция Гнездово под Смоленском. Оттуда ранним утром военнопленных доставляли на грузовиках, специально оборудованных для перевозки заключенных, в Катынский лес, в 3 км к западу от Гнездова.

Там офицеров сразу расстреливали, бросали в приготовленные могилы и закапывали. Это показал свидетель Киселев, который видел заранее вырытые могилы.

Показания свидетелей, которые после каждого транспорта слышали выстрелы, подтверждают, что расстрел следовал немедленно после доставки на место казни. Вообще же в этом лесу, кроме дачного дома ограниченной вместимости, не было никаких других зданий. Особого внимания заслуживают последние записи майора Сольского, перевод которых (на немецкий язык — прим. автора) находится в актах дела. Майор Сольский использовал последний час своей жизни, чтобы записать в свой дневник еще несколько слов.

Вне могил было найдено некоторое количество пистолетных гильз, помеченных “Geco 7,65 D”; единичные гильзы были обнаружены также в могилах среди трупов. Почти во всех случаях выстрелы были

произведены в голову: как правило, пулевое отверстие располагается ниже затылочного бугра, а выходное — на лбу над глазом (см. детальные снимки, заключение патологоанатома профессора Бутца и протокол осмотра, составленный польским врачом д-ром Водзинским). Во многих случаях было констатировано отсутствие выхода пули. Калибр найденных пуль соответствует характеру повреждений черепов и составляет 7,65 мм. Исползованные боеприпасы — немецкого производства, фирмы Геншов. Согласно данным, полученным от Верховного командования армией (Ch. H. Rust und Befehlshaber des Ersatzheeres, письмо от 31 мая 1943 г.), боеприпасы к пистолетам этого калибра и сами пистолеты поставлялись СССР и Польше. Остается невыясненным, были ли взяты для расстрела пистолеты и боеприпасы с советских складов или же с польских, которые попали в руки большевиков в результате оккупации ими восточных областей Польши.

Исходя из положения трупов в братских могилах, следует предполагать, что большинство военнопленных было убито за пределами могил. Трупы располагались в беспорядке, и только в могилах 1, 2 и 4 были уложены рядами и послойно. На некоторых трупах были найдены пистолетные гильзы — между затылком и воротником шинели. Кроме того, было достоверно установлено, что выстрелы (в ряде случаев) производились через воротник шинели. Все без исключений соответствующие трупы лежали с поднятыми воротниками шинелей. В других случаях были найдены пули между лбом и внутренней поверхностью фуражки. Число убитых в самих могилах составляет 500—600 человек.

У многих руки были связаны за спиной. У незначительного процента убитых шея и голова были замотаны накинутой на голову и обвязанной шнуром одеждой. Это был крепкий шнур, такого типа, какой употребляется для занавесок.

Из ценных вещей иногда попадались в карманах кольца, золотые монеты и т. п. Как видно по записям и дневникам убитых, все такого рода вещи отбирались у них в лагерях; если же у кого-либо еще сохранилось что-нибудь, то нужно было сдать перед казнью. Им были оставлены лишь польские бумажные деньги, которые были найдены на убитых в больших количествах.

Несмотря на публичные объявления и воззвания, свидетелей-очевидцев убийства не оказалось. Стала известной только фамилия заведующего Домом отдыха. Свидетели утверждают, что ходить в лес было запрещено.

Когда эксгумационные работы уже заканчивались, но еще не все трупы польских офицеров были изъяты из могил, на некотором расстоянии от них была обнаружена еще одна могила, вместимость которой пока не определена. Нужно считаться с возможностью обнаружения дальнейших могил.

Документальные свидетельства и вещи, являющиеся собственностью убитых, были упорядочены, снабжены порядковым номером и перечислены в ежедневных рапортах.

Фосс,
секретарь полевой полиции

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

ОТЧЕТ ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ ДОКТОРА БУТЦА

В 1943 году немецкие власти опубликовали "Официальные материалы по делу массового катынского убийства. Собранные, обработаны и изданы Германским информационным бюро на основании первичного доказательного материала, по заданию министерства иностранных дел" ("Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtiges Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterial zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationstelle").

Ниже приводится сокращенное изложение содержащегося в этой книге отчета профессора Гергарда Бутца, руководившего судебно-медицинским расследованием.

"1 марта 1943 года я получил для ознакомления рапорт тайной полевой полиции от 28 февраля 1943 г. об обнаружении массовых могил польских офицеров, расстрелянных органами НКВД в Катынском лесу в 1940 году. В результате пробных эксгумаций, проведенных при участии тайной полевой полиции, я убедился в достоверности собранных показаний очевидцев, жителей окрестных деревень. Еще не оттаявшая земля не позволяла сразу приступить к массовому извлечению

и исследованию грунтов. Только 29 марта была начата массовая эксгумация.

До 1 июня 1943 г. в Катынском лесу были исследованы 7 братских могил, в которых находились трупы бывших офицеров польской армии. Эти могилы находились одна возле другой на лесных полянах, засаженных молодыми сосенками.

Могила № 1. Из-за своей формы названная могилой “L”, она была самой большой из обнаруженных до сих пор в Катыни. Ее более длинная сторона тянулась на расстояние свыше 26 м в северо-восточном направлении; более короткая сторона (16 м) была ориентирована в северо-западном направлении. Северный торец могилы имел ширину 5,5 м, южный — 8 м. Площадь могилы равнялась 252 кв. м.

Могила № 2. Она находилась на расстоянии 20 м к юго-востоку от могилы “L” и была вытянута в направлении с северо-запада на юго-восток. Ее размер — 20 х 5 м, т. е. 100 кв. м.

Могила № 3. Она находилась к юго-западу от могилы № 2; ее площадь равнялась 21 кв. м. (3,5 х 6 м).

Могилы № 4 и № 5 смыкались с юго-западным торцом могилы № 3 на наклонной местности. Могила № 4 была того же размера, что и № 3. Могила № 5 занимала площадь 3 х 4,5 м (13,5 кв. м) и замыкала территорию захоронения с юго-западной стороны, примыкая к болотистой низине. При вскрытии этой могилы выступила подпочвенная вода, и могила была залита до уровня 0,8 м ниже ее краев. Когда трупы закапывали, уровень подпочвенной воды был, очевидно, низким.

К юго-востоку, вблизи могилы № 4, были обнаружены *могилы № 6* и *№ 7* размером соответственно 4 х 12 м (48 кв. м) и 3,5 х 9 (31,5 кв. м).

Итак, 7 братских могил в общей сложности занимали площадь не меньше 487 кв. м.

Глубина могил колебалась от 1,85 м до 3,30 м. Максимальная глубина — 3,30 м — была установлена в середине более длинной стороны могилы “L”. Разница в глубине могил объясняется тем, что, как правило, дно могил было неровным. Так, например, глубина могилы № 6 у ее северо-восточного торца была 2,10 м, а у юго-западного — только 1,74 м.

Как правило, могилы были заполнены трупами до уровня 1,5 м ниже края.

1 июня 1943 года в юго-западной части болотистой низины, на расстоянии около 100 м от первых семи могил, была обнаружена *могила № 8*.

Эта могила врезается в песчаный холмик; пока что вскрыт ее участок размером 5,5 x 2,5 м. Подобные раскопки шли с северо-запада на юго-восток. На первый труп мы наткнулись на глубине около 2 м.

Вблизи северо-западного торца могилы на ее дне находился короткий уступ, отделенный от слоя трупов фашиной из молодых сосен. Такая особенность не встречалась нам при исследовании предыдущих семи могил. На данном этапе исследования нельзя сказать ничего конкретного о цели этого сооружения, укрепленного шинелями жертв. Возможно, что нужна была опора, необходимая при копке в песчаной почве, чтобы избежать осыпания грунта.

К северо-востоку от места захоронений (могилы №№ 1–7), по другую сторону лесной дороги, ведущей к Дому отдыха НКВД и к юго-востоку от могилы № 8 были предприняты раскопки в лесу, которые привели к обнаружению многочисленных могил советских граждан. Этот факт подтверждал уже имевшиеся сведения, что Катинский лес многие годы был местом казней, производимых ЧК, ГПУ и НКВД.

3 июня 1943 г. эксгумационные работы пришлось временно приостановить из-за жары, засилия мух и по другим санитарно-полицейским соображениям.

Консервация и идентификация трупов

Вначале консервация эксгумированных трупов была возложена на специально обученный немецкий персонал и приданных ему рабочих из числа местных жителей, а в дальнейшем поручена краковскому врачу д-ру Водзинскому, который прибыл в Катинь в составе делегации Польского Красного Креста.

В связи с консервацией останков возникли различные трудности: так, например, в могиле № 5 неожиданно появилась подпочвенная вода. Кроме того, трупы, особенно в нижних слоях, ввиду далеко зашедшего процесса разложения слиплись в плотную массу, так что зачастую их было очень трудно разъединить. Вообще в каждом случае, когда приходилось иметь дело с беспорядочным, а не послойным, захоронением, возникал вопрос, удастся ли извлечь трупы неповрежденными, поскольку их конечности находились, как правило, в другом слое и, размягчившись вследствие разложения, при эксгумации подвергались повреждению или отрывались от тела.

Каждый труп укладывался на деревянные носилки, на которых его выносили из могилы. Трупы укладывали на поляне. Сразу после

извлечения из могилы они снабжались порядковым номером — к каждому прикрепляли круглую железную бирку с выбитым номером. Таким образом по истечении некоторого времени образовались ряды из сотен извлеченных трупов, один возле другого; они были подвергнуты профессиональному осмотру.

После исследования состояния одежды, установления метода связывания жертвы, производился осмотр орденов, нагрудных знаков, погон, пуговиц, знаков отличия, а также проверка содержимого карманов. Полученные таким путем вещественные доказательства вкладывали в бумажные мешочки для окончательного исследования и оценки. Каждый мешочек был помечен тем же номером, что и соответствующий труп. В случае необходимости получить дополнительные судебно-медицинские материалы проводились (под моим руководством как патологоанатома) добавочные исследования в полевой лаборатории.

В большинстве случаев патологоанатомические заключения проверялись и фиксировались в письменном виде сразу же после вскрытия черепа. Если в ходе этих исследований возникал какой-либо специальный вопрос, безотлагательно приступали к общему вскрытию.

По окончании такой следственной процедуры трупы поодиночке относили на деревянных носилках на место нового погребения.

Все трупы, извлеченные из семи могил, были похоронены по уставу в нововырытых могилах к северо-западу от прежнего места захоронения. Тринадцать трупов польских военных, извлеченных из могилы № 8, после вскрытия, исследования и отбора доказательного материала, были вновь похоронены в той же могиле.

Общие выводы

На всех трупах из могил 1–7 была зимняя одежда, в частности шинели, меховые и кожаные куртки, свитеры и шарфы. Только на двух трупах, извлеченных 1 июня 1943 г. из могилы № 8, были надеты шинели, но на них не было теплого белья; остальные были в летней одежде.

Этот бросающийся в глаза факт позволил предположить, что казнь происходила в разное время года. Это подтверждают найденные среди документов многочисленные русские и польские газеты или их обрывки. В то время как газеты, извлеченные из могил 1–7, относились к периоду от марта до середины апреля 1940 г., — газеты, извлеченные из могилы № 8, относились к концу апреля — началу мая 1940 г.

Доказательством могут служить куски выходявшей на польском языке газеты "Глос Радзецки" от 26 и 28 апреля 1940 г. (Киев) с передовой статьей "Лозунги ко дню 1 мая", а также газеты от 1 мая и 6 мая 1940 г.

Обмундирование на извлеченных трупах можно с полной уверенностью определить как форменную одежду польской армии. Установлены: польские орлы на пуговицах, войсковые степени, ордена и знаки отличия, полковые знаки, обозначения рода войск, фасон сапог, головные уборы офицеров и рядовых, портупей и ремни, походные фляги, алюминиевые кружки, штемпеля на белье. Следует также подчеркнуть, что среди жертв находится много офицеров 1-го кавалерийского им. Ю. Пилсудского полка. Этот факт подтверждают, среди прочего, найденные в могиле № 8 погоны с буквами S. P. (отборный полк легкой кавалерии).

На мундирах убитых были найдены также отличия за храбрость, как-то: серебряный крест "Virtuti Militari" – эквивалент немецкому "Ritterkreuz" (рыцарскому кресту), польские ордена "Kryzyz Zaslugi," "Kryzyz Walecznych" и пр.

Мундиры в основном были хорошо пригнаны. На одежде зачастую попадались личные монограммы. Сапоги были пошиты по размеру. Все пуговицы на верхней одежде и белье были застегнуты. Подтяжки и поясные ремни на месте. За исключением нескольких случаев, когда было отмечено повреждение ударом штыка, одежда была не повреждена и не носила следов сопротивления жертв.

Ввиду вышесказанного можно с абсолютной уверенностью заключить, что жертвы были захоронены в собственных мундирах, которые они носили в плену до самой смерти, и что тела лежали нетронутыми вплоть до вскрытия могил. Распространяемая неприятелем версия, будто трупы были переодеты в польские офицерские мундиры после эксгумации, ни на чем не основана. Этому противоречат найденные на трупах документы, и кроме того, судебно-медицинская экспертиза доказывает невозможность переодеть наново тысячи трупов в целях камуфляжа, тем более – в сшитое по размеру белье и мундиры.

На трупах отмечено отсутствие часов и колец. Однако найденные точные записи с указанием не только дат, но и времени суток, свидетельствуют, что у жертв были часы чуть ли не до последних минут жизни. На одном из трупов был найден спрятанный перстень с изумрудом, на других попадались изделия из благородных металлов (главным образом серебряные портсигары). Ни золотые коронки, ни

мостики искусственных зубов не были изъяты. На многих трупах были найдены под бельем иконки, крестики, золотые цепочки и т. д.

Как правило, у убитых кроме небольших денежных сумм (польские банкноты, разменная монета) были также и крупные суммы польских злотых в пачках. На жертвах часто находили табакерки ручной работы, иногда еще наполненные, деревянные портсигары, а также мундштуки с вырезанными монограммами и годом 1939 или 1940 и надписью "Козельск" (название лагеря в 260 км к юго-востоку от Смоленска и в 120 км к северу от Орла). В этом лагере находилось большинство офицеров, убитых в Катыни. Это подтверждается тем, что найденные на жертвах письма от родственников и друзей были главным образом адресованы на Козельск. Найденные на жертвах гражданские документы (паспорта, записные книжки, письма, открытки, календари, фотографии, рисунки) во многих случаях давали возможность установить фамилию, возраст, профессию, происхождение и семейное положение отдельных жертв. Убедительным и важным доказательством для воспроизведения многих эпизодов, проливающих свет на действия НКВД, являются трогательные записи в дневниках и письмах и почтовые открытки от родственников из Верхней Силезии, Генеральной губернии и из советской оккупационной зоны в Польше на восток от Буга. Судя по почтовым штемпелям, переписка относится к периоду от осени 1939 до марта-апреля 1940 года. Эти даты уточняют время катынских событий (весна 1940 г.).

Особые выводы

Следующие примеры показывают, какого рода были документы и вещи отдельных жертв. В кармане трупа за № 3775 обнаружено: кожаный кошелек с двумя десятизлотовыми монетами, посеребренный портсигар с гильзами для папирос, два деревянных мундштука, свечной огарок, два огрызка химического карандаша. В боковом кармане было спрятано 900 злотых в банкнотах. В другом кармане, наряду с малоинтересной записной книжкой, было найдено много документов, среди прочего копия свидетельства о церковном бракосочетании, которая дала возможность установить личность убитого. Речь идет в данном случае о Яне Жарчинском, 1909 года рождения, который вступил в брак 2 апреля 1934 г. в Ковеле. Кроме того, были найдены свидетельство о прививке за № 2489, письма и почтовые открытки от жены и жене, которые покойный не успел отослать.

Из могилы № 8 было извлечено тело Владислава Чернушевича, род. 21 октября 1897 г. в Слониме. До призыва в армию он был чиновником уездного ведомства в Слониме. Среди документов было найдено удостоверение личности № 1439/258, выданное в Новогрудке в марте 1935 г. и продленное до 1939 года. Оно уполномачивало предьявителя на пользование всеми видами государственного транспорта по льготному тарифу для государственных служащих. Фотография на документе сохранилась сравнительно неплохо, подпись еще разборчива.

Эти примеры показывают, что на основе найденных на трупах документов в большинстве случаев удавалось немедленно установить фамилию жертвы, семейное положение, воинское звание, гражданскую профессию. Во многих других случаях, несмотря на отсутствие бумаг, указывающих непосредственно фамилию жертвы, встречались записи и доказательства личного порядка, так что идентификация была возможной по предьявлении этих данных родственникам убитого. Многочисленные датированные письма не оставляют сомнения, что казнь офицеров происходила в Катынском лесу весной 1940 года. Такой вывод подтверждается тем фактом, что семьи пленных польских офицеров, которые до того поддерживали с ними регулярную почтовую связь, с весны 1940 года перестали получать от них письма.

До 3 июня 1943 года из братских могил в общей сложности изъято и наново похоронено 4143 трупа.

Разложение трупов во многих случаях очень затрудняло их идентификацию, однако последняя производилась очень тщательно и позволила установить личность 2815 жертв (67,9%).

Состояние трупов

Изменения в человеческом теле, которые наступают сразу после смерти, общеизвестны как трупные симптомы. Какого рода были эти симптомы у жертв Катыни?

Изучение тысяч эксгумированных трупов показало, что они находились в стадии более или менее далеко зашедшего образования жировоска. Термином "жировоск" (*Adipociri*) обозначается продукт превращения нормального телесного жира в жиरोобразную восковую массу. Особенно из-за отсутствия кислот, которые могут замедлить или даже парализовать этот процесс, зачастую образуется белая, серая или желтоватая рассыпчатая сырообразная масса, которая затвердевает на воздухе и по виду напоминает гипс. Кроме того, жировоском

покрываются трупы, которые долго — месяцы и годы — пролежали в воде. Длительное пребывание в воде, во влажной почве, в присутствии подпочвенных вод или в специфических условиях (обилие солей и микроорганизмов) благоприятствует процессу образования жировоска. Такие условия в сочетании с аммиачными продуктами гниения препятствуют дальнейшему разложению мягких тканей — наступает процесс изменения, который благоприятствует более длительной сохранности этих тканей и образованию жировоска.

Разложение тел жертв Катыни проявилось в разной степени и форме в зависимости от положения тела в могиле и как такового и по отношению к другим телам. Наряду с мумификацией в верхних пластах и у стенок могилы, в средних и нижних пластах был отмечен процесс влажного разложения с начальным или более далеко зашедшим образованием жировоска. В результате, соприкасающиеся трупы слиплись, были точно спаяны под действием затвердевшей группной жидкости, а особенно — жирных кислот различной консистенции. Под влиянием давления трупы деформировались. Все это указывает на исконное, нетронутое положение тел.

Нигде, ни непосредственно на трупах, ни на одежде не было обнаружено следов насекомых, относящихся к периоду захоронения; это доказывает, что казнь и захоронение происходили в холодное время года, когда еще не было насекомых.

Причина смерти

Установлено, что туловища жертв были сильно сдавлены, потому что, как правило, трупы лежали в могилах слоями (от 10 до 12 слоев). Грудная клетка была сплющена, живот сильно вдавлен, носы приплюснуты, мягкие части тела, включая половые органы, также сплющены. В общем, в большинстве случаев трупы находились в стадии образования жировоска, однако еще не завершившейся полностью.

Исследованиями скелета было установлено наличие отверстий в черепках, произведенных выстрелом из огнестрельного оружия. В одном случае установлен удар штыком в грудную клетку, в других случаях — переломы челюсти. Эти повреждения вызваны ударами, нанесенными еще при жизни казненных.

На основе вышеописанного процесса изменений, происходящих в мертвом теле, трудно точно определить дату смерти. Нам впервые пришлось исследовать такого рода массовые могилы, где сложенные

вместе трупы зачастую оказывались слившимися в одну сплошную массу.

До сих пор, как правило, публикации из области судебной медицины касались одиночных трупов. Но опыт профессора Орсоа из Будапешта показал, что череп трупа № 526 дает возможность установить дату смерти сравнительно точно.

Имеется в виду "обызвестленно-затвердевшая многослойная корка на поверхности уже глинисто-унифицированной мозговой ткани". Орсоа на основе соответствующих опытов и исследований указал на факт, что такой вид изменений не свойствен трупам, которые пролежали в земле меньше трех лет. Он констатировал такое же состояние мозга у ряда других трупов.

Таким образом, наличие упомянутого образования, подтвержденное научным исследованием, позволило установить, что трупы покоились в земле уже ряд лет, по крайней мере три года.

Изменения, происходящие в тканях трупов, в каждом отдельном случае зависят в большой мере от положения трупа, от рода почвы, ее состава и свойств, а также от насыщенности влагой. Ввиду этого, а вернее из-за отсутствия материала для сравнения, нельзя определенно решить априори, сколько времени трупы пролежали в земле. При оценке следственных материалов, особенно когда вопрос касается определения даты смерти жертв, крайне важно учитывать внешние обстоятельства каждого конкретного случая. Ввиду этого особое значение приобретают найденные документы и газеты, неоспоримо указывающие на весну 1940 года как на время казни.

Чтобы замаскировать места захоронений, на могилах были высажены молодые сосенки. Научными исследованиями установлено, что это были пятилетние деревца, слабо развитые из-за плохой почвы и тени от больших сосен. Лабораторная экспертиза и исследования под микроскопом поперечного распила стволов этих сосенок показали равномерное развитие трех наружных годичных колец. Между этими кольцами и сердцевиной была обнаружена темная полоса, которая указывала, что деревца были пересажены три года назад. Так как те же самые методы заметания следов (посадка молодых березок и елей) применялись на старых могилах расстрелянных и захороненных в Катынском лесу советских граждан, этот факт, установленный применительно к могилам польских офицеров, исключает какое бы то ни было сомнение в отношении того, кем были убийцы и когда было совершено это преступление.

Пули и стреляные гильзы

Почти во всех случаях установлено, что причиной смерти катынских жертв был выстрел в голову (в затылок). Входное пулевое отверстие в исследованных черепах указывало на выстрел из пистолета калибра меньшего, чем 8 мм. Этот вывод был подтвержден наличием многочисленных пуль и гильз, которые были найдены на месте преступления. Удалось даже установить точный калибр — 7,65, так как в могиле № 2 был найден оригинальный патрон “Geco 7,65 D.” Поверхность этого патрона под действием гнилостной жижи была зеленовато-черного цвета, а у основания шейки гильзы он был покрыт жировой субстанцией (продукт трупного разложения) и зеленым налетом окиси меди. Это указывало на то, что с самого начала этот патрон лежал во внутреннем слое трупов. Кроме того, во многих случаях удалось найти и исследовать пули. Для казни применялись пистолетные патроны калибра 7,65, на что указывала маркировка торца гильз. Эти торцы во всех случаях были замаркированы штамповкой “Geco 7,65 D.”, что совпадает с маркировкой неиспользованных патронов.

Пистолетные боеприпасы этой марки, использованные в Катыни, многие годы производились на заводе Gustaw Genschow Co. в Дурлахе под Карлсруэ (Баден). В полученном от фирмы разъяснении указано на изменения в маркировке гильз пистолетных патронов за последние десять-пятнадцать лет. Маркировка патронов, найденных в Катыни, позволяет уверенно заключить, что боеприпасы, использованные для казни, были изготовлены в Дурлахе в 1922–31 годах.

Вследствие Версальского договора в Германии не было спроса на боеприпасы, и фирма Геншов экспортировала пистолетные патроны в соседние страны — в Польшу, в прибалтийские государства и в Советский Союз (в довольно значительном количестве до 1928 года, а потом в более ограниченном количестве). Итак, тот факт, что на месте катынского преступления найдены патроны и гильзы немецкой продукции, вполне объяснен. Не исключено, что немецкие боеприпасы происходили не только из непосредственных поставок Советской России, но также из военных трофеев, захваченных Красной армией в восточной Польше в 1939 году.

Выстрелы в упор

Ввиду последовательного способа умерщвления и одинакового характера повреждения тела не подлежит сомнению, что выстрелы в затылок производились в упор. С помощью инфракрасного фотографирования под микроскопом и микрохимических исследований установлено, что оружие соприкасалось с целью, т. е. или с кожей жертвы, или с поднятым воротником шинели.

Место и вид казни

Кроме того установлено бросающееся в глаза постоянство места входа пули — в строго определенной области затылочной части головы, а также направления пулевого канала, следовательно, места выхода пули. Принимая во внимание огромное количество убитых выстрелом в затылок, можно с уверенностью утверждать, что казнь происходила по плану, серийно и совершалась опытными людьми. Найденные у края могилы “L” пистолетные гильзы позволяют считать, что жертвы почти наверняка расстреливались за пределами могил.

Расстреливали ли их также в самих могилах в стоячем или лежащем положении? В одном случае, кроме выстрела в затылок, была обнаружена другая, рикошетная пуля, которая вдавила лишь наружную область теменной кости. Это позволяет предположить, что расстреливали и в самих могилах. В другом случае установлено: тело казнимого лежало лицом вниз, в фуражке, пуля прошла сквозь череп в направлении, обычном для выстрела в затылок (выход на лбу) и глубоко застряла в подкладке фуражки в районе козырька (в остальном фуражка оказалась неповрежденной). Эти два случая позволяют предположить, что выстрелы были сделаны в лежащего, притом в самой могиле (вывод возможный, но не обязательный). В первом случае можно было бы доказать, что стреляли в лежащего, если бы удалось точно установить место выхода пули у жертвы, убитой пулей, которая затем рикошетировала. Установить это оказалось невозможно, так как рикошетное попадание было обнаружено только после извлечения трупа из общей массы. Как правило, определить направление рикошета невозможно, но вполне допустимо, что этой пулей был убит человек, стоявший у самой могилы, и в виде шальной она попала в уже лежащее в могиле тело. Во втором случае предполагаемый выстрел в лежащего мог быть сделан и вне могилы, на общем месте казни.

Остается решить, в каком положении расстреливались жертвы. Стояли ли они во весь рост или на коленях, а если стояли, то в каком положении была голова: нормальном или наклонном?

Вскрытие трупов для установления пулевого канала показало, что при выстрелах в затылок оружие должно было быть направлено наискось, сзади и снизу. Учитывая это, а главное — локализацию выходных пулевых отверстий, представляется маловероятным, чтобы стреляли в людей, стоявших на коленях с опущенной головой. Проследившая пулевой канал на основании мест входа и выхода пули, находим, что направление выстрелов при нормальном положении головы проходит от затылка к области лба под углом 45° . Отсюда можно заключить, что жертвам стреляли в затылок в стоячем положении, с нормальным положением головы, слегка лишь наклоненной. Два других палача с двух сторон поддерживали расстреливаемых под мышки. То обстоятельство, что головы у некоторых были прострелены дважды или даже трижды, можно объяснить именно тем, что расстреливаемого поддерживали в стоячем положении.

Связывание

В разных могилах у трупов лежащих лицом вниз, руки были связаны за спиной. В самой большой могиле “L” только у 5% трупов руки оказались связанными; только у единичных трупов — в могиле № 2 и № 5. У убитых из могил № 4 и № 6 руки были связаны у всех без исключения; напротив, в этом, видимо, не было нужды, когда расстреливали людей, захороненных затем в могилах №№ 3, 7 и 8. Установлено, что руки были связаны преимущественно у молодых офицеров и прапорщиков, которые, вероятно, в противоположность старшим офицерам, оказывали сопротивление до последней минуты или же пытались бежать.

Метод связывания был во всех случаях один и тот же, что указывает на опытную руку палача, возможно ту же, которая производила тысячи точных выстрелов в затылок.

Руки жертв были связаны плетеным шнуром (фабричного производства, какой употребляется для занавесок или штор) толщиной 3—4 мм и длиной от 1,75 до 1,95 метра. Шнур для связывания складывался вдвое, а затем простым узлом он охватывал суставы рук между плечом и кистью и затягивался (следует точное описание). Петля была задумана так, что при попытке разъединить руки узел автоматически

затягивался еще туже. Петли были с самого начала стянутыми и прочными. На это указывают следы от шнура, глубоко врезаемые в покрытую жировоском трупную кожу между плечом и кистью руки.

У большинства тел из могилы № 5 и в единичных случаях в других могилах, кроме обычного связывания рук, дополнительно были замотаны головы. Снятую с жертвы шинель или мундир набрасывали на голову, чтобы задняя часть шинели или мундира закрывала лицо, а полы одежды забрасывали на плечи и тыльную часть головы, пуговицы застегивали и крепко стягивали вокруг шеи таким же шнуром, какой употребляли для связывания рук. Средняя длина этой петли была всего лишь 11 см! Для связывания головы и рук употреблялись отдельные шнуры. Шнур, затягиваемый на шее, в большинстве случаев длиной в полтора метра. Свободный конец петли соединяли с узлом на руках. Таким образом, каждое движение при попытке освободить голову или руки автоматически затягивало петлю.

В одном из исследованных случаев пространство между шинелью и головой жертвы было туго набито многосантиметровым слоем стружек. Исследование под микроскопом установило, что это были сосновые стружки. Тщательное исследование полости рта этой жертвы обнаружило стружки на небе, под языком и между зубами, хотя рот был закрыт, а кожа на щеках и на губах была в полной сохранности. Это свидетельствует о том, что голова жертвы была замотана перед расстрелом и что дыхание жертвы было затруднено. Во всех случаях, о которых идет речь, следовал один или два выстрела в затылок, и пули проходили сквозь натянутую шинель: это лишний раз подтверждает, что заматывание головы происходило при жизни жертвы. Судебно-медицинским исследованием установлено, что применяемые методы комбинированного связывания (особенно заматывания головы) причиняли жертвам предсмертные мучения.

Тождественные способы связывания были установлены на многих трупах казненных русских, изъятых из могил в Катинском лесу. Так, например, было обнаружено тело советского гражданина с головой, замотанной овчинным тулупом, зашнурованным на шее, и со связанными руками. Отсюда можно неопровержимо заключить, что методы, применявшиеся при умерщвлении польских офицеров, были теми же, какие большевики применяли уже многие годы.

Колотые раны

При исследовании тела польского поручика Стефана Мейстера были обнаружены, наряду с нехарактерными, частично круглыми (с рваными краями) дырами в одежде, следы ударов штыком, безусловно граненым, какой употребляется в советской армии. Расследуя советские преступления в прибалтийских странах, мне неоднократно представлялась возможность наблюдать такие штыковые раны.

Были обнаружены типичные следы ударов штыком на внутренней поверхности шинели, мундира, брюк, обеих рубаш и на плечах жертв. Они были особенно многочисленны в области ягодиц и бедер. Штыковые ранения были весьма тщательно исследованы под микроскопом. Они заметно отличались от шрамов и повреждений ткани, которые могли произойти из-за неосторожного изъятия тел из могил с использованием неподходящих орудий.

Можно, таким образом, утверждать, что у части катынских жертв были замотаны головы и связаны руки перед их умерщвлением выстрелом в затылок и что их гнали на место казни, причиняя им одновременно физические мучения ударами штыка.

Итоги расследования

1. До сих пор, в результате расследования преступления в Катынском лесу, было изъято из массовых могил 4143 трупа офицеров польской армии, из которых 2815 (67,9%) удалось идентифицировать. По санитарно-полицейским причинам (жара, мухи) 3 июня 1943 года эксгумацию пришлось приостановить. Дальнейшее значительное число жертв ждет еще своей очереди изъятия из могил, опознания и исследования.

2. На месте было идентифицировано: два бригадных генерала, 2250 офицеров разных воинских званий, 156 врачей и ветеринаров, 406 офицеров неустановленных чинов, прапорщиков и рядовых, один военный священник. Опознание остальных на основе найденной на трупах корреспонденции и иных вещей продолжается.

3. Все трупы были одеты в хорошо пригнанные польские мундиры, по которым в большинстве случаев можно было распознать звание. Кроме орденов и других наград, личных вещей, документов, сувениров, писем, записных книжек — на телах были многочисленные пред-

меты военного снаряжения. Трупы из могил №№ 1–7 были в зимней одежде, а в могиле № 8 – в летней.

4. Исследование трупов не установило никаких признаков, которые указывали бы, что причиной смерти была болезнь. Кроме единичных случаев, где нельзя было обнаружить следов выстрела, всюду был установлен типичный выстрел в затылок из пистолета калибра 7,65. Это подтверждают стреляные гильзы и пули (иногда оставшиеся в теле жертвы), а также один неиспользованный патрон, найденный на месте преступления. Выстрелы производились в упор. У многих трупов был отмечен выстрел в затылок сквозь поднятый воротник шинели. Факт выстрелов в упор был установлен с помощью новейших методов исследования.

5. По всей вероятности, казнь происходила за пределами могил.

6. У значительного числа жертв руки были связаны за спиной. Другим жертвам (особенно из могилы № 5) перед казнью закидывали шинели на голову, а в пространство между шинелью и лицом плотно набивали стружки. Судебно-медицинские эксперты считают, что ряд приемов определенно указывает на стремление доставить жертвам лишние мучения.

7. В целом ряде случаев были также установлены ранения четырехгранным советским штыком, которые были несомненно нанесены перед казнью. Вероятно, жертв подгоняли штыками к месту казни.

8. Обнаруженный во многих случаях перелом нижней челюсти доказывает истязание жертв – удары наносились перед казнью кулаком или прикладом винтовки.

9. Стереотипный выстрел в затылок, как и единообразное связывание рук и заматывание головы, бесспорно свидетельствуют о профессионализме палачей.

10. Трупы находились в различных стадиях разложения: у незначительного их числа было отмечено обнажение скелета и частичное явление мумификации не прикрытых одеждой частей тела (это относится к трупам из верхних слоев могил). В основном же обнаружен процесс образования на них жировоска, сопровождающийся проникновением жира в одежду.

11. В начальной стадии разложение трупов происходило независимо от характера почвы; однако позднее (это особенно касается образования жировоска и сохранности внутренних органов) разложение постепенно замедлялось кислой реакцией почвы. С другой стороны, процесс разложения трупов вызвал характерные (химические и

структурные) изменения почвы. Это явление неопровержимо доказывает, что тела пролежали несколько лет в одном и том же месте и в том же положении.

12. Следственными материалами (в том числе — документами) и показаниями свидетелей (русских — жителей окрестных деревень) установлено, что трупы пролежали в данном месте 3 года. Обнаруженные при вскрытии патолого-анатомические изменения, равно как и другие итоги следствия, полностью подтверждают этот вывод.

13. Умершвление, а затем захоронение трупов происходило в прохладное время года, когда не было еще насекомых. Найденные на трупах документы, письма, записки и газеты указывают на то, что офицеры были убиты в марте, апреле и мае 1940 года”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

ЕЩЕ РАЗ О СОВЕТСКИХ СВИДЕТЕЛЯХ

Рассматривая сообщение советской комиссии, мы не останавливались на целом ряде показаний советских свидетелей, которые касаются разных обстоятельств дела и которые вошли в это сообщение. Мы несколько раз высказывали наше мнение о показаниях советских граждан, проживающих в орбите советской власти. Тут следует добавить, что если в некоторых случаях и возникала полемика относительно показаний свидетелей, то она не ставила своей целью подрывать доверие к их показаниям, а лишь к содержанию самого сообщения. Судебно-следственная процедура в СССР такова, что она не только не гарантирует подлинность показаний свидетелей, но и никого не убеждает, что люди, фигурирующие в этой процедуре в качестве свидетелей, действительно существуют. То есть — не исключено, что какая-нибудь Михайлова или Конаховская существуют на самом деле, но точно так же они могут и вовсе не существовать. А если они и существуют, то могут давать те или иные показания, могут молчать или рассказывать, но только то, что им соответствующие советские власти прикажут рассказывать. О том, насколько эта система распространена и обще-

известна в СССР, может свидетельствовать огромное количество примеров, взятых из техники советского правосудия. В иных случаях эта система поистине смехотворна и доводит до абсурда. Несколько таких примеров можно привести из нашумевших во всем мире до войны так называемых "московских процессов", когда обвиняемые сознавались в совершении преступных деяний, физически невозможных. Например:

"Обвиняемый Давид указал в качестве места будто бы состоявшейся встречи с Троцким несуществующую гостиницу в Норвегии. Натан Лурье получал инструкции от не существовавшего еще в 1932 году Гестапо, а Берман составлял заговор в 1932 году вместе с умершим за семь лет до этого русским эмигрантом. Подобный разговор с покойником вел при почти аналогичных обстоятельствах профессор Рамзин, а Пятаков летел на самолете-привидении из Берлина в Осло. Суд не оспаривал этих показаний. В январе 1937 года обвиняемый Лифшиц произнес без запинки, что в течение пяти лет, т. е. с 1932 по 1936 год, он подготовил 10 380 железнодорожных катастроф — по пять ежедневно! Подобные показания можно цитировать бесконечно". (См. "Sprawiedliwosc Sowiecka." Wlochy 1945. Стр. 58–59.)

Если в Советском Союзе такие показания дают обвиняемые, которым в сущности уже нечего терять, то чего же можно ожидать от свидетелей, которые могут потерять жизнь в случае, если они дадут негодные для властей показания?

Итак, для советского судопроизводства нет ничего невозможного, и не следует думать, что это всего лишь досадная опечатка в отчете, когда читаешь, что свидетель (впрочем, вероятно, мифический) Егоров рассказывает в марте о том, что происходило в апреле (см. выше). В советском судопроизводстве такое явление вполне допустимо.

Нет никакого основания предполагать, что показания всех других свидетелей, упомянутых в сообщении советской комиссии, заслуживают большего доверия, чем показания свидетеля Егорова.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга была первой. Она вышла на восьми языках и уже давно разошлась. О ней писали на 16 языках — буквально на всех континентах. Потом появилось еще несколько книг, верно описывающих катынское преступление.

Особенно важной была книга проф. Заводного (J. K. Zawodny. *Death in the Forest -- The Story of the Katyn Massacre*. Notre Dame Press, USA, 1962). Она содержит богатейший материал, свидетельствующий о том, до какой степени и какими средствами великие западные державы, союзники Советского Союза в минувшей войне, пытались затушевать правду, не допустить ее выявления и тем самым не допустить обвинения Советского Союза в преступлении. Дошло до такого парадокса — одного из величайших в истории, — что победоносные Объединенные Нации — символ справедливости и человеческой этики — пригласили в Нюрнбергский трибунал советского представителя в качестве не обвиняемого, а обвинителя...

Правда, не обошлось без скандала — свидетельствам величайших в мире преступников в данном случае не поверили. Но все было улажено "втихаря" — и дело массового катынского убийства изъяли из обвинительного акта. Получилось так, что когда уже весь мир знал, кто совершил преступление, не знал этого только мировой Верховный трибунал. Попросту — не хотел знать...

Немцев в этом преступлении не обвинили. Что же отсюда следует? Кто мог его совершить? Кто мог убить 15 тысяч интернированных на советской территории офицеров, что, говоря юридическим языком, представляет собой

...нарушение положений четвертой Гаагской конвенции от 18 октября 1907 года о правилах и обычаях ведения войны, а также 6-й статьи Хартии Объединенных Наций, определяющей военные преступления?

Союзники знали о катынском деле, знали всю правду о нем с самого начала поисков без вести пропавших польских офицеров. Уже 7 февраля 1942 года американский посол получил из польских источников первые сообщения о пропавших без вести. 30 апреля 1943 года военный атташе при американской миссии в Каире подполковник Шиманский послал лично начальнику американской разведки Джорджу В. Стронгу рапорт о признании Меркулова и Берии о том, что они совершили "большую ошибку". Подполковник Л. Халлс подал аналогичный рапорт британским властям. Весной того же года начальник восточноевропейской секции американской разведки полковник Даунс Итон распорядился составить тайную картотеку, относящуюся к катынскому делу. После этого Джон Ф. Картер, доверенное лицо президента Рузвельта, сделал последнему устный доклад, в котором подтвердил, на основе собранной им информации, достоверность немецких сообщений: массовое убийство в Катыни совершено большевиками. Президент приказал ему держать эту информацию в строжайшей тайне. 22 мая 1945 года к заместителю начальника отдела G-2 военного министерства США генералу Клейтону Л. Бисселу явился подполковник Джон Г. Ван Флит, который вместе с другими военнопленными, содержавшимися в Германии, был приглашен немцами присутствовать при эксгумации в Катыни. Он рассказал, что видел собственными глазами. Генерал Биссел приказал ему хранить молчание, поставив на донесении этого офицера печать: "строго секретно". Это донесение не сохранилось.

В итоге союзные правительства располагали следующей информацией:

- 1) рапортом Шиманского,
- 2) рапортом британской разведки,
- 3) исчерпывающими рапортами польской разведки,
- 4) рапортом адмирала Уильяма Г. Стэндли, посла США в Москве (1941—1943),
- 5) рапортом Джона Ф. Картера, поданным президенту Рузвельту,

- 6) рапортом Энтони Дж. Дрескела, посла при польском и других эмиграционных правительствах в Лондоне,
- 7) рапортом подполковника Ван Флита,
- 8) памятной запиской Джорджа Г. Эрла, бывшего американского посла в Австрии и Болгарии, во время войны находившегося в Турции в качестве эмиссара президента по балканским вопросам.

Не будем здесь говорить о загадочной смерти генерала Сикорского. Это потребовало бы обширных комментариев. Генерал погиб в 1943 году, как раз тогда, когда он отказался занять более мягкую позицию во всем этом деле...

Когда в мае 1944 года Дж. Эрл лично явился к Рузвельту и представил ему свою памятную записку, в которой полностью подтверждалась вина большевиков, Рузвельт ему сказал: "Это все сплошь немецкая пропаганда". Но Эрл не сдался. Годом позже, в марте 1945 г., значительно пополнив прежние данные, он написал Рузвельту, предупреждая его, что намерен опубликовать все, что стало ему известно. В ответ Эрл получил из Белого дома письмо, датированное 24 марта 1945 г., в котором Рузвельт прямо запретил ему опубликование этого материала. А вскоре после этого Эрла отправили "в порядке служебного задания" на острова Самоа в Тихом океане.

Когда девять американских конгрессменов польского происхождения выступили с требованием выявления правды о Катыни, им заявили, что все материалы по этому вопросу строго засекречены.

Только моя книга пробила серьезную брешь в "сложившемся" общественном мнении. Нельзя было больше молчать. Тем более что появились еще другие публикации о Катыни, а также и потому, что произошли определенные политические осложнения (с советским союзником, — прим. перев.) и соответственно этому изменился подход к вопросу, о чем здесь нет нужды говорить подробнее.

18 сентября 1951 года была учреждена "Специальная комиссия Конгресса США для исследования обстоятельств массового убийства в Катynie". Эта комиссия проделала огромную работу. Она допросила свидетелей поочередно в Вашингтоне, Чикаго, Лондоне, Франкфурте, Берлине и Неаполе — и еще раз в Вашингтоне после возвращения ее из Европы. Под председательством конгрессмена Рея Дж. Мэддена комиссия с 11 октября по 14 ноября 1952 г. допросила 103 свидетеля, исследовала 220 документов и вещественных доказательств, приняла к сведению свыше 100 письменных показаний тех, кто не смог лично предстать перед комиссией.

Я выступал перед этой комиссией в качестве, во-первых, свидетеля, во-вторых — эксперта по оценке официального советского сообщения, в котором преступление приписывалось немцам.

Среди свидетелей оказался также заместитель американской военной разведки генерал Биссел. На вопрос, почему он скрыл рапорт подполковника Ван Флита, генерал протестушно ответил: "Этот рапорт считался особо секретным. Дело в том, что президент Рузвельт старался в тот период заручиться помощью Советского Союза в войне с Японией. Было приказано избегать всего, что могло бы вызвать охлаждение советско-американских отношений... Польша не могла помочь Америке в войне с Японией, а Советский Союз мог. Так выглядела чисто фактическая сторона дела". На вопрос же, как могло случиться, что рапорт исчез из военного архива, генерал Биссел не мог дать ответа.

Комиссия Конгресса тщательно исследовала вопрос о катынском массовом убийстве и о виновниках происшедшего. Полностью подтвердилось не только все написанное и опубликованное мною, но сверх того добавился еще ряд подробностей, обстоятельств, документов. Шаг за шагом все выяснилось — не оставалось больше никаких тайн. Комиссия Конгресса напечатала по этому делу несколько томов (на правах рукописи) — туда вошли показания свидетелей, отпечатки вещественных доказательств, фотокопии документов, фотографии с места казни, схемы, цифровые данные, точный

список всех пропавших без вести, точный список убитых в Катыни и затем эксгумированных.

Теперь можно смело сказать, что вопрос катынского массового убийства выяснен полностью. Не остается уже ни малейшего сомнения, что оно совершено большевиками.

В 1952 году комиссия Конгресса по расследованию катынского преступления единогласно приняла решение вынести результаты расследования на публичное обсуждение в Объединенных Нациях с целью созыва Международного трибунала, который потребовал бы наказания виновников преступления. В случае, если бы на пленарном заседании Организации Объединенных Наций было решено, что ООН неправомочна созывать такой Трибунал международной справедливости, следственная комиссия Конгресса постановила обратиться к президенту Соединенных Штатов, чтобы он по собственной инициативе учредил Международный трибунал справедливости, в состав которого наряду с заинтересованными сторонами, т. е. Германией и СССР, вошли бы представители всех народов мира.

Все это относилось к убийству свыше 4 тысяч польских офицеров, тела которых были обнаружены в *Катыни*. Сверх того надлежало предпринять расследование для выяснения, где именно и при каких обстоятельствах были убиты на советской территории остальные польские офицеры в количестве около 10 тысяч, трупы которых не были найдены в Катыни. То есть — все те, кто был интернирован советским правительством в лагерях в Старобельске и Осташкове. Они, как и офицеры, отправленные из Козельска в Катынь, в то же самое время и при таких же обстоятельствах были вывезены на неизвестное до сих пор место казни и бесследно исчезли. Проследить их судьбу было бы, собственно, не особенно трудно, так как со дня их исчезновения накопилось много косвенной информации и прямых указаний. Более 6 тысяч военнопленных из Осташкова вывезли на станцию Бологое на железнодорожной линии Ленинград—Москва, где след их затерялся в бескрайних лесах, тянущихся к северо-востоку от станции, а офицеров из Старобельска — в местечко Дергачи, в направлении Харькова.

* * *

Все требования следственной комиссии Конгресса ни к чему не привели. Политика Соединенных Штатов после Корейской войны вновь изменилась. США уже более не выдвигали каких бы то ни было притязаний на "освобождение угнетенных народов из-под коммунистического ига", возобновили политику сотрудничества и *разрядки* и старались создать наиболее благоприятные условия для "мирного сосуществования". Политика уступок коммунистическому блоку достигла апогея при президентах Кеннеди и Никсоне. Вопрос о советских преступлениях, совершенных во время и после Второй мировой войны, перестал интересовать Белый дом. Постановления комиссии Конгресса, касающиеся катынского преступления, были сданы в архив как утратившие актуальность. О начале расследования обстоятельств убийства большевиками остальных 10 тысяч польских офицеров из лагерей в Старобельске и Осташкове не могло уже быть и речи. Ни тогда, ни теперь...

Вот так мы дошли до нынешнего парадокса.

* * *

Будем искренни. Мы любим порицать других. Сразу же после вспышки большевистской заразы московский патриарх Тихон предал большевиков проклятью. Оно было кратковременным, осталось без последствий. Но анафема прозвучала с высоты православного патриаршего престола. А вот в Польше ни один епископ, ни один примас не отслужил ни одной торжественной панихиды по убиенным — в Катыни ли, в Осташкове ли или Старобельске...

Когда на ватиканский престол был избран новый Римский Папа, поляк Иоанн-Павел II, в народе возникло радостное возбуждение. Пользуясь моментом, я выступил на страницах парижской "Культуры" с предложением припасть к стопам Его Святейшества с просьбой, чтобы он изъявил согласие отслужить торжественную панихиду за души... За души поляков, убиенных в Катыни и других местах. За "цвет

польской нации”, как назвал их в своей прекрасной книге граф Чапский. Мое предложение подхватило несколько тысяч поляков в Америке, и, умоляя св. Отца отслужить панихиду, они приложили к просьбе официальное вознаграждение. За души. И только за души.

Папа Иоанн-Павел II под благим предлогом, приводя исполненные достоинства аргументы, отказался отслужить панихиду по убиенным. Мотивируя свой отказ, он не назвал самой главной причины. Но известно, что главным поводом отказа было стремление не раздражать, не разъярять коммунистов. Ибо даже если промолчать о том, что именно они являются виновниками преступления, — само упоминание названия ”Катынь” их раздражает. А Папа, как и прочие ратующие за мир, хотел бы согласия, ”разрядки” и взаимной любви.

Где лишили жизни 10 тысяч человек, тоже охватываемых общим понятием ”Катынь”? Вероятно, мы узнаем это не скоро, а может быть, и никогда.

Иосиф Мацкевич

Январь 1983

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александров, следователь – 204
Александрович, капеллан – 258–259
Алексеев А. М., председатель колхоза – 186, 193
Алексеев М. А., свидетель – 192, 213
Алексеева А. М. – 187–189, 191–193, 215, 238
Алферчик, нач. полиции, 203–204
Андерс Владислав, генерал – 65, 73, 75, 77 80, 98, 230, 236, 258–259, 262–265, 267
Андреев Ананий – 162
Андреев Иван, свидетель – 116–117, 167–168, 171, 204
Андреев Семен, слесарь – 161
Антон Константы, ротмистр – 120, 142
Арашкевич В. Р. – 222–223
Арнес Ф., оберст-лейтенант, 187–188, 191, 223
- Б. (J.), вахмистр – 260
Б. К. – 260
Базекина А. Т., бухгалтер – 186
Базилевский Б. В., проф. – 193–195, 215, 238
Банах Р. – 113
Баранова М. И. – 209
Бартошевский Х., доктор – 113
Берешков, подполковник – 39
Берия Л. П., нач. НКВД – 51–52, 54, 64, 98, 263–264, 299
Берлинг Э., полковник, 47–48, 51–54, 64, 98
Берман – 297
Бернштейн Ф. – 139
Бжозовский А., майор, 257
Бзыров, генерал НКВД, 76, 261–263
- Билевский – 255
Билевич Л., генерал – 256
Биркле, доктор, 105, 275
Биссел Клейтон Л., генерал – 299, 301
Богатырович Бронислав, ген. – 36, 255–256
Боговский Э. – 113
Богомолов А., посол – 71, 74, 268
Богуславский (Ч. или В.?) – 255
Бондарев Г. Т. – 206
Борейша Ежи, 232–233
Борисович Абрам – 139
Борковская – 57–58
Борнеманн – 111
Браунг, обер-лейтенант, 214
Букоемский Л., подполковник – 48, 51
Бурденко Н. Н., академик – 180–182, 225, 227
Бурдзинский (J. J.) – 255
Бурлет де М., проф. – 104, 275
Бусоедов, капитан, 216
Бутц Герхард, проф. – 105, 108, 123, 127, 133, 135–136, 145, 148, 154, 272, 280–281
Быховец, капитан, 36
Бычков И. И. – 206
- Вайда (J. или К.), капитан – 255
Вайс Бронислав, подпоручик – 255
Ван Флит Джон Г., подполковник – 299–301
Васильков Г. – 167–168
Вершилло Тадеуш, поручик, 142
Ветошников В. М., майор ГБ – 184, 230–232, 236
Ветрова Е. Н. – 186, 213

- Вестеровский В. М., подпоручик – 255
- Вильчинский-Ольшина (J.), генерал – 15
- Водзиновский Ежи – 113
- Водзинский Мариан, доктор – 126, 128, 131, 136, 280, 283
- Войцеховский – 255
- Волковицкий (О.), ген. – 256
- Волошин – 255
- Воронецкий А., полицейский – 41, 174
- Ворочинский, доктор – 256
- Выропаев Д. Н., проф. – 182, 216, 221
- Вышинский Андрей Январьевич – 63, 67–70, 79–80, 82, 87, 230, 265, 268
- Гаек, проф., 105, 275
- Галеви Даниэль, историк – 258
- Галлер Станислав, ген. – 73, 256
- Гембельс Пауль Иосиф – 85, 112
- Гедройц, судья – 58
- Георг VI – 94
- Герсдорф фон, полковник – 114
- Герфф фон, старший лесничий – 273
- Гжибовский В., посол – 8–9, 95
- Гиршфельд, зондерфюрер – 194
- Гитлер Адольф – 2–4, 6, 8–10, 32, 48–49, 54, 89, 93–95, 97, 102, 114, 158
- Глезер, свидетель – 279
- Гликман – 140
- Глиневский, механик – 191
- Годезов, см. Годунов
- Годель Давид – 139
- Годлович, проф. – 257
- Годунов Кузьма, свидетель – 116, 204
- Головнев К. Д., нач. полицейского участка – 211
- Гонщевская Катажина, свидетельница – 173, 175
- Городецкий В. П., священник – 186
- Горчинский Е., полковник – 48, 51
- Гофман Р., капитан – 258
- Гравиц, капитан – 269
- Граничный, повстанец – 34
- Греневский, обер-фельдфебель – 188
- Гродзкий Э, доктою – 112
- Гумовский К. – 58
- Гундоров А. С., генерал-лейтенант – 180–81, 225, 227
- Густав (фамилия неизвестна), повар – 188
- Гутман И. – 139
- Давид Ганс – 297
- Дадей, педиатр – 257–258
- Даниленков Н. В., свидетель – 185, 186
- Дашкевич Витольд – 59
- Добросердова Е. Г., свидетельница – 207
- Доманя (J.) – 255
- Дрексель Энтони Дж. – 300
- Дымидович, комиссар – 36
- Едерлунд, корреспондент – 113
- Егоров А. М. – 166, 169, 214
- Егоров В. А. – 211
- Егоров Николай – 208–209, 243–244, 297
- Ефимов И. Е., проф. – 194–195, 215
- Жарчинский Ян – 286
- Жигулев Михаил – 204
- Жиглинский, учитель – 193
- Жонжевский А. – 255
- Жуков Георгий, ген. – 263
- Жултовский М., проф., поручик – 255

- Заводны (J.) К., проф. – 298
 Загайнов, полицейский – 214
 Залевский, майор – 39
 Залясик (J. или M.) – 255
 Захаров М. Д. – 116, 171, 186, 204, 215
 Захарова – 158
 Зверняк, писатель-исследователь – 56
 Зелинский Матеуш, проф. – 256
 Зенщина (J.) – 255
 Зигонь С. – 222
 Зигонь Т. – 222
 Знайдовский В., капитан – 255
 Зубарева М. С. – 214
 Зубков К. П., патологоанатом – 212
 Зусман Э. – 139
 "Зыгмунт", член подпольной организации – 122
- Иванов В. Д., генерал – 20–21
 Иванов С. В., инженер – 184, 193, 201
 215, 230, 232, 236
 Иванушко Б., поручик – 255
 Игнатюк Е. Л. – 203
 Иден Энтони – 65, 96
 Изике – 188
 Иоанн-Павел II – 303, 304
 Иоганн, переводчик (фамилия неизвестна) – 188
 Исаковский М., корреспондент – 236
 Итон Даунс, полковник – 299
- К. К. – 260
 Кабановская Е. В. – 209
 Каверзнев Н. С. – 205
 Кадымовский Станислав Мариан, поручик – 143
 Каменский – 214
 Карп Полина – 5
 Картер Джон Ф. – 299
 Картошкин И. М. – 186
- Кеннеди Джон – 303
 Кесарев П. М., врач – 213
 Киришен, политрук – 39
 Киселев Парфен Гаврилович – 82, 84,
 116–117, 133, 135, 164, 167–170,
 193, 196–200, 204, 215, 237, 279
 Киселев Василий П. – 200
 Киселева Акси́нья – 200
 Киселева Мария – 200
 Клау Вернер – 122–123
 Кляперт С., доктор – 113
 Кобург фон – 269
 Ковалев В. Г. – 205
 Ковалевич – 255
 Ковалевский А., генерал – 256
 Кожевников, комиссар – 251
 Козлицкий, быв. владелец Катъни – 158
 Козлова В. Ф. – 214
 Козловская, см. Семяненко Э. О.
 Колачев А. С., врач – 186
 Колесников С. А. – 181, 225, 227
 Колодзейский В., врач – 257
 Колодзейский С., 113
 Конаховская Э. П. – 187–189, 191–
 192, 215, 238, 296
 Конопашский А. – 260
 Конрад, судья – 111
 Конти – 109, 272
 Коровайчик, подпоручик – 255
 Костедоа, врач – 105
 Кот Станислав, посол – 66–69, 72–
 75, 79, 82, 264–265, 267–268
 Котецкий – 255
 Кочетков В. С., свидетель – 207
 Крахельский П., подпоручик – 143
 Кривоозерцев Иван – 116, 156–157,
 161, 163–166, 204, 236–237
 Кривоозерцев М. Г. – 193, 213
 Крук Вацлав, подпоручик – 99, 255
 Кудинов Н. И., майор – 3
 Кукель М., ген. – 90, 266
 Кутыба Юзеф, подполковник – 101
 Кучинская Ирена – 223
 Кучинский Станислав, ротмистр –
 223, 233, 234, 259

- Куцев И. В. (З.?) – 186, 213
 Кшеминский, капитан – 15
- Лангнер Владислав, ген. – 19–25, 73
 Ласслер – 113
 Левановский Э. А. – 222–223
 Левинсон Юзеф – 140
 Левиту́ М., майор – 257
 Лейтгебер В., инженер – 255
 Леньковская О. Г. – 207
 Лилиенталь А., подпоручик – 255
 Липкинд-Любодзецкий С., полковник – 34
 Литвинов М. М., нарком – 5
 Лифшиц – 297
 Лоск София – 185
 Лоск Юзеф, поручик – 185
 Луковский К., ген. – 256
 Лурье Натан – 297
 Люмерт, вахмистр – 188
- Масвский – 255
 Марков, врач – 102, 104, 107–108, 154, 275
 Мартенс М., журналист – 113
 Марфа – 7, 134
 Мацкевич Ю. – 233, 243, 304
 Мейстер Стефан, поручик – 294
 Мельников Р. Е. – 181, 225, 227
 Меньшагин Б. Г. – 193–195, 238
 Меркулов В. Р., ген. НКВД – 51, 98, 263–264, 299
 Мирославич Е. Л. – проф. – 104, 275
 Минкевич Г., ген. – 36, 255–256
 Митера З., инженер – 257
 Михайлова О. А. – 187–192, 215, 238, 296
 Млынарский, поручик – 31–32, 39, 43, 128
 Молотов В. М. – 4–5, 7, 9, 12–13, 49, 51, 63, 68–69, 71–73, 75–78, 95, 97–98, 230, 268
- Молотова П. – 5, 9
 Моравский А. (J.), поручик, проф. – 255, 257
 Московская А. М. – 186, 207, 209, 242–244
 Моценский, капитан первого ранга – 255
 Мэдден Р. Дж., конгрессмен – 179–180, 301
- Навиль Франсуа – 104–105, 275
 Наседкин, ген. НКВД – 76, 230, 261–263
 Невяровский К., майор – 39
 Нелькен Ян, проф., 256
 Немчинский (J.) – 255
 Никитин, зав. пекарней – 41
 Николаев С. – 170
 Николай, митрополит – 180–181, 225, 227
 Никольский, майор – 216
 Никсон Ричард – 303
 Ниренберг А. – 139
- Оглоблин А. П., священник – 186, 193, 196
 Оглоблин, майор – 216
 Ожеховский К., врач – 112
 Окулицкий Л., полк. – 77, 78
 Орлова П. М. – 207
 Орсос Ф., проф. – 105–106, 275, 289
 "Оскар", подпольный деятель – 58
 Охоцкий – 255
- Павликовский, полковник – 255
 Пальмеры В. М., проф. – 102, 104, 108–109, 275

- Панюшкин, посол – 179
 Пацёрковский Станислав – 255
 Пеньковский С., проф. – 255–256
 Пётрович – 257
 Пилсудский Юзеф – 285
 Плисовский К., ген. – 256
 Поляно А. – 58
 Понка Г. – 168
 Пороховик К. – 112
 Потемкин В. П., академик – 180–
 181, 225, 227
 Потоцкий (J.), епископ –
 259
 Правдиц Шляский Я., подполковник
 – 56, 60
 Прауса Т. – 255
 Пресс Д. – 139
 Прозоровский В. И., академик – 182,
 215, 221
 Пушкарева, старший лейтенант – 216

 Пушина Е. А. – 206, 213
 Пшигодзинский Бронислав – 255
 Пятаков Г. Л. – 297

 Радзивилл Станислав – 91
 Радзишевский В., капитан – 34
 Разуваев А., (“Ким”) – 162–163
 Райкевич Л. – 113
 Райхман Леонид Федорович, генерал
 НКВД – 77, 230, 261, 263–265
 Раковский В. Т., ген. – 20, 22
 Ральский Е., проф., поручик – 259
 Рамзин Л. В., проф. – 297
 Рачинский Е., посол – 10, 71, 268
 Рекст, обер лейтенант – 187, 223
 Риббентроп фон И. – 3–5, 7, 9, 13, 49,
 97
 Ровинский, поручик – 116
 Рогушак – 255
 Розе, проф. – 257

 Розе, нем. унтер-офицер – 188–189,
 191
 Розен С. – 139
 Розенцвейг – 140
 “Роман”, член подпольной организа-
 ции – 122
 Ромер, посол – 95
 Руденко Роман Андреевич – 151
 Рузвельт Франклин Д. – 88, 299–301
 Румянка – 255
 Рыбак Лев – 139
 Рюгер – 91

 Савватеев И. В. – 186, 193, 201–202,
 213, 215
 Садыков, лейтенант – 216
 Саксен А, проф. – 104, 275
 Санковский, поручик – 59
 Санчес, корреспондент – 113
 Сапега А., кардинал – 113
 Сашнева М. А. – 184–185, 237
 Свянович Станислав, проф., поручик
 – 37, 255
 Сейфрид Е. – 112
 Семеновский П. С. – 182, 216, 221
 Семяненко Е. – 169, 171
 Семяненко Э. О. – 169
 Сергеев К. – 186
 Сергеев Т. И. – 186, 200
 Сергеевич Т. – 170
 Серебренников А. – 7
 Сидорук Т. А., врач – 213
 Сидс Вильям, посол – 4
 Сикорский Владислав, ген. – 64–65,
 67–69, 73–76, 80, 88, 93–95, 97–
 98, 146, 166–167, 230, 261, 264–
 265, 268, 300
 Сикорский Ф., ген. – 256
 Сильверстов Г. – 116–117, 204
 Сингалевич, проф. – 123, 133
 Скаржинский К. (J.) – 113, 276
 Скварчинский Станислав, поручик –
 258
 Скерский Л., ген. – 256

- Скрябин М. – 4
Скулень С., поручик – 255
Скоратович Петр, ген. – 256
Словенчик Грегор, обер-лейтенант – 102, 103, 128, 137
Смирнов Е. И., ген. – 181, 225, 227
Смирягин П. А., инженер – 186
Смолянинов В. М., проф. – 182, 215, 221
Сморавинский М., ген. – 36, 82, 255–256
Соколова О. Е. – 206
Сокольников Г. – 79
Солдатенков В. И. – 186–87
Солтан А., майор – 65, 258
Солтан В., подпоручик – 255
Сольский А., майор – 101, 255, 279
Сосновский Казимеж, ген. – 73
Спелерс, проф. – 104, 275
Стажинский А., полковник – 34
Сталин И. – 2, 5, 59, 63, 72–76, 78, 80, 87, 94, 98, 114, 146, 230, 236, 262, 264, 268
Стендли Г., адмирал – 299
Стефановский А., полковник, врач – 255–256
Стронг Джордж – 299
Студницкий Владислав, проф. – 62
Субботин, майор – 216
Субик, проф. – 105, 275
Сухачев П. Ф., инженер – 209–210
Суш-Прагловский Т., врач – 113
- Таргош Т., поручик – 260
Тимофеева А. – 207
Тимошенко С., ген. – 16–17, 19, 21–23
Тихон, патриарх – 303
Толстой А., академик – 180–181, 225–227
Трамсен, проф. – 104, 275
Трепак, капитан – 255
Троцкий Лев – 297
Трояновский С., капитан – 255
- Тухольский Т., доцент, подпоручик – 255, 257
- Уайт У. Л., журналист – 178–179
Ульрихс О., подпоручик – 255
Умнов – 195–196
Урбанская А. – 45
Урбанский Р., подпоручик – 45
Устинов Е. П. – 206
- Фатьков Т. Е. – 187, 238
Федотов – 263
Фельштинский Юрий – 7, 13
Финберг Х. – 139
Флит, см. Ван Флит
Фосс Л. – 110–112, 127, 145, 147, 167–168, 171, 206, 281
Фрсйнкель И. – 139
Фрыга – 255
Фурман, майор – 65
Фуртек Ян (псевдоним), офицер – 35, 37
- Халлс Л., подполковник – 299
Ханди (J.) Б., подпоручик – 255
Хирштритт И. – 139
Хмыров В. А., врач – 207
Ходас – 264
Хотт, лейтенант – 188, 223
Хрусталеv Р. – 161
Хрыстовский, майор – 39
- Цишевский Т. – 142

Чапский Ю., ротмистр – 38–39, 44, 76,
87, 230, 233, 256, 261, 304
Черницкий, контр адмирал – 256, 261
Чернушевич Владислав – 287
Черчилль У. – 64, 94, 96
Чижов А. Т., врач – 207
Чихирин К., капитан – 20
Чуркина Н. – 166

Якубович – 255
Янушкевич, ген. – 256
Ясинский С., кат. священник – 113

Шапошников Б. М., ген. – 19, 22–25
Швайкова М. Д. – 182, 216, 221
Швец, фон, комендант Смоленска –
193–194
Шебеста А., врач – 113
Шигунов М. – 116
Шиманский, подполковн. – 299
Шипперт – 113
Шифтер П., капитан – 101
Шляский, см. Правдзиц
Шнетцер, корреспондент – 113
Штейнберг, раввин – 259

Щедрова Н. Г. – 213

Эйгер – 257
Энгель А. – 139
Эпштейн – 140
Эрл Дж., посол – 300

Юзвяк (Ст.?) – 255

Яблонский – 255
Явич (J.), майор – 20, 22
Ягодовский – 185
"Ядзя", член подпольной организации
– 122
Яковлев Соколов Ф. М. – 211, 214

ИЛЛЮСТРАЦИИ

**Расцвет нацистско-коммунистического сотрудничества:
председатель Совета Народных Комиссаров СССР и нарком
иностраннных дел В. Молотов на приеме у А. Гитлера.**

В. Молотов, во главе советской делегации, на приеме в отделе Кайзергоф, в Берлине, встречается с высшим командованием германской армии и руководством национал-социалистической партии.

ŻOŁNIERZE!

W ciągu ostatnich dni armja polska została ostatecznie rozgromiona. Żołnierze miast: **Tarnopol, Galicz, Równo, Dubno** w ilości przeszło 60.000 osób dobrowolnie przeszli na naszą stronę.

Żołnierze! Co pozostało wam? O co i z kim walczyć? Dla czego narażacie życie? Opór wasz jest bezskuteczny. Oficerowie pędzą was na bezsensowną rzeź. Oni nienawidzą was i wasze rodziny. To oni rozstrzelali waszych delegatów, których posłaliście z propozycją o poddaniu się. Nie wiercie swym oficerom. Oficerowie i generałowie są waszymi wrogami, chcą oni waszej śmierci.

Żołnierze! Bijcie oficerów i generałów. Nie podporządkowujcie się rozkazom waszych oficerów. Pędźcie ich z waszej ziemi. Przechodźcie śmiało do nas, do waszych braci, do Armji Czerwonej. Tu znajdziecie uwagę i troskliwość.

Pamiętajcie, że tylko Armja Czerwona wyzwoli naród polski z nieszczęsnej wojny, i uzyskacie możność rozpocząć pokojowe życie.

Wiercie nam! Armja Czerwona — Związku Radzieckiego — to wasz jedyny przyjaciel.

Dowódca frontu Ukraińskiego S. TIMOSZENKO.

Советская листовка, призывающая польских солдат сдаваться Красной армии.

”Линия Риббентропа-Молотова”, разделившая Польшу в 1939 году. (Из книги Л. Ежевского ”Катынь 1940”, опубликованной варшавским неподцензурным издательством ”Голос” весной 1980 года.

POCZTA PERONOWA ZAPEWNIĄ W PODRÓŻY ŁĄCZNOŚĆ ZE ŚWIĄT

KARTKA POCZTOWA

NADAWCA I

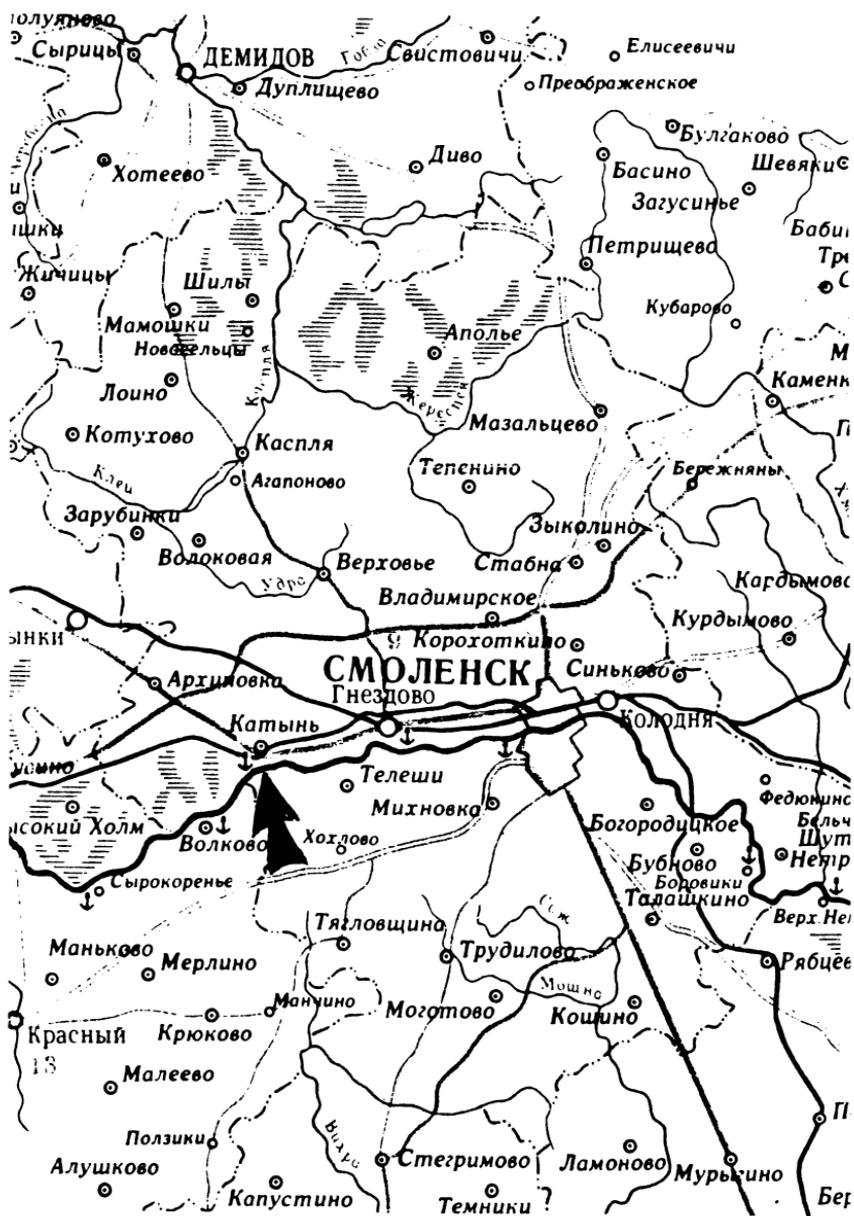
P. P. T. T. (VI-1939) 20.000.000.

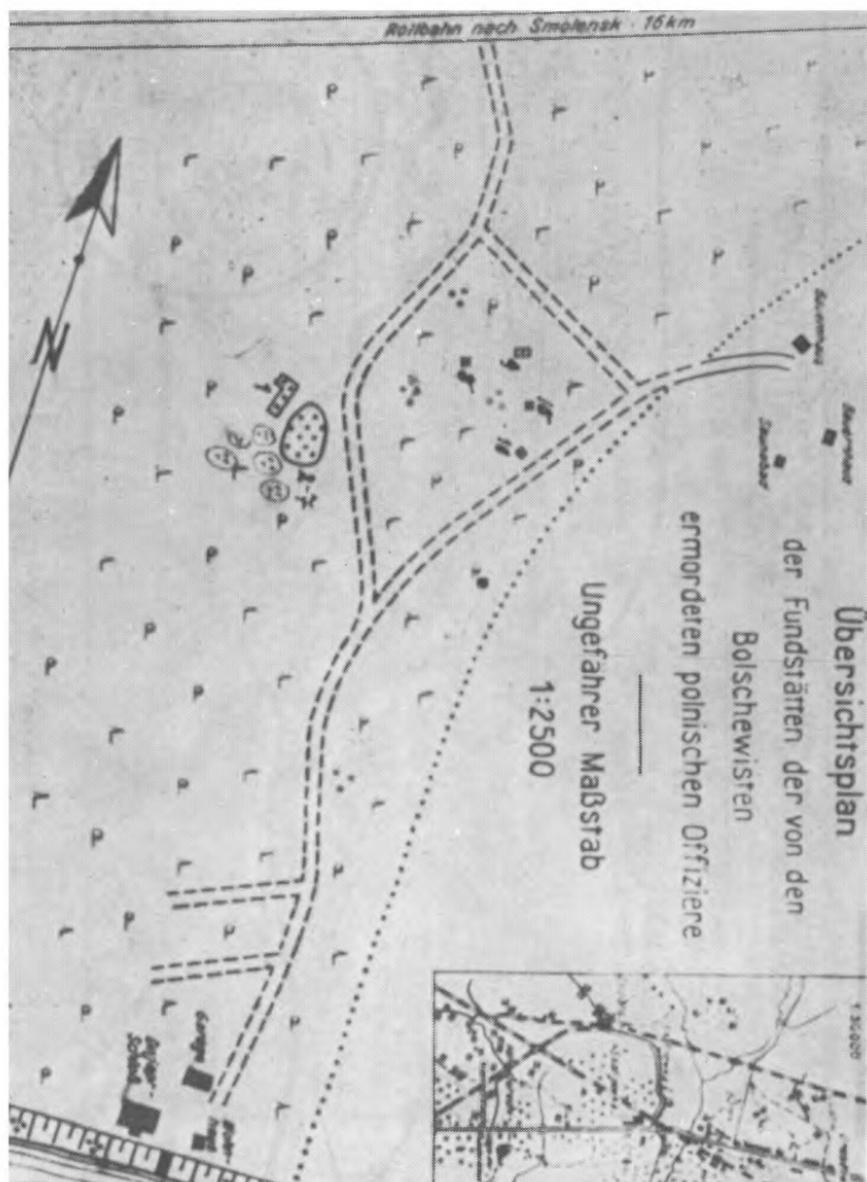
Tarust mopp
Sherobielok
szkrybka pocztowa 15
Angeria K...
Medon Gorkhstrom 6

RETUR PARTI

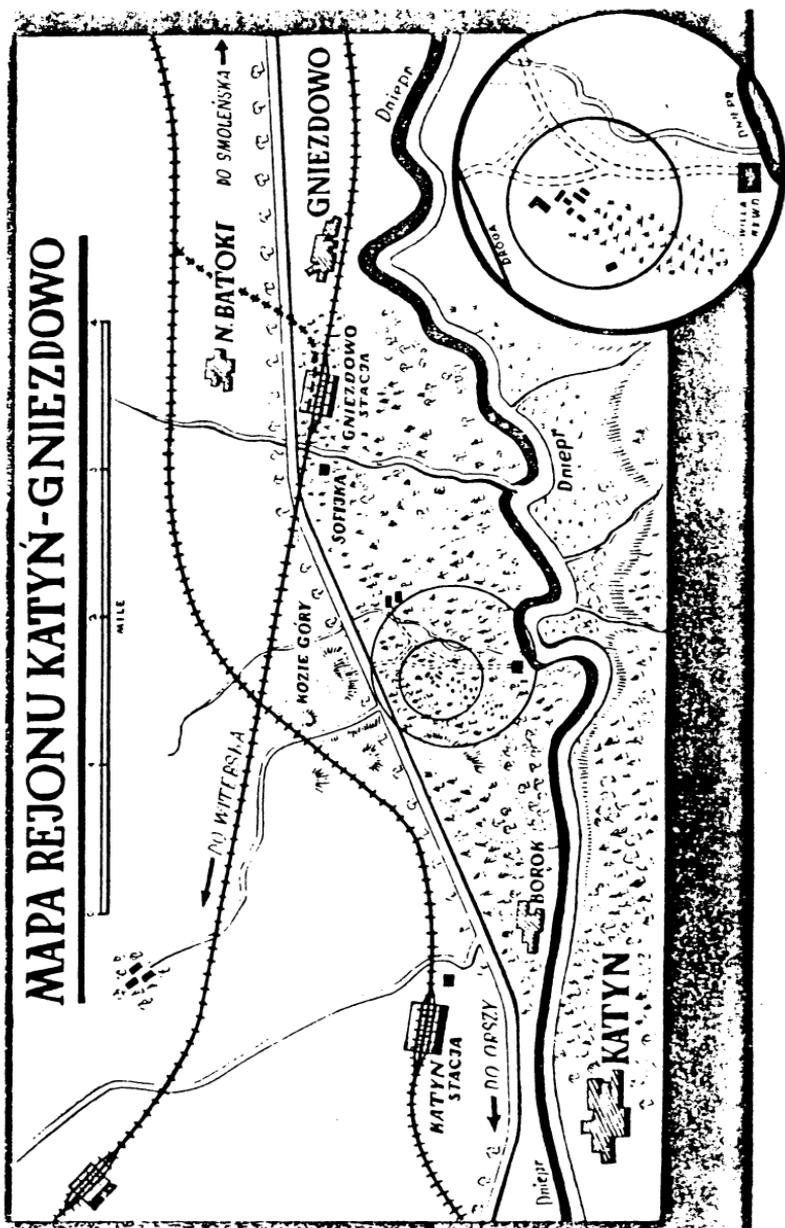
Одно из тысяч возвращенных из СССР писем, адресованных польским военнопленным.

Современная советская карта Смоленской области.

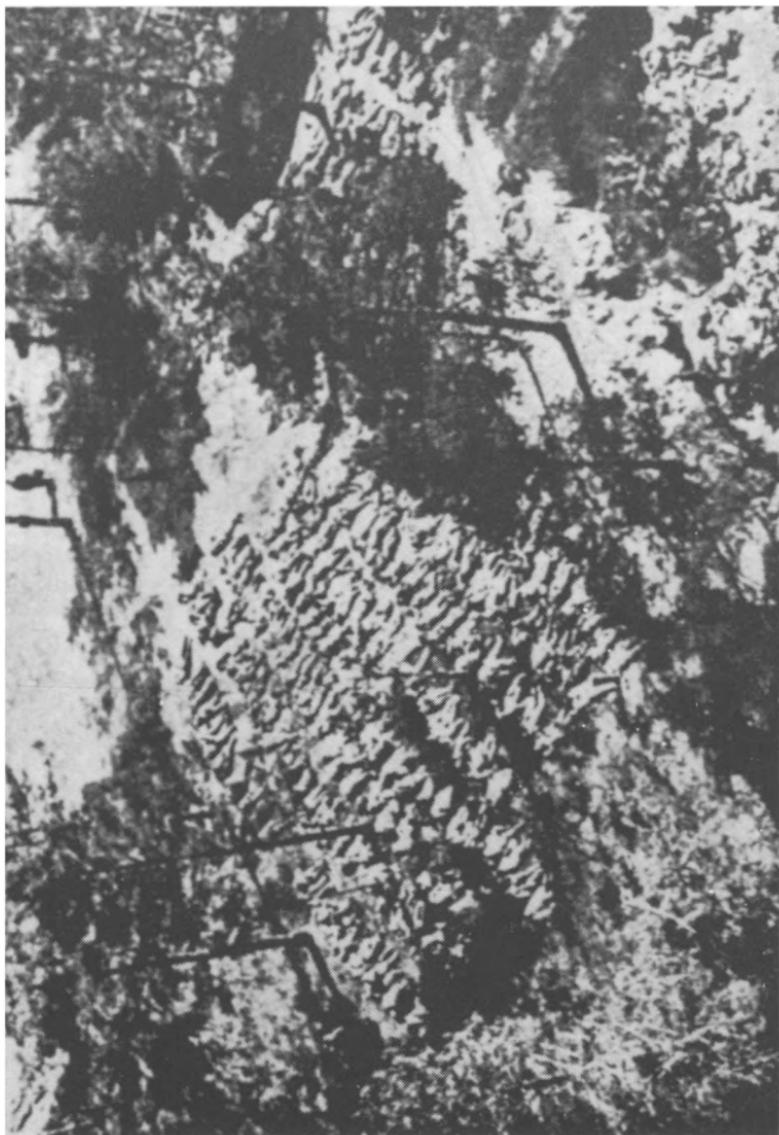
Немецкая карта катынского леса и дороги, ведущей к "дому отдыха" НКВД.

Польская карта, указывающая топографические детали и месторасположение восьми братских могил.

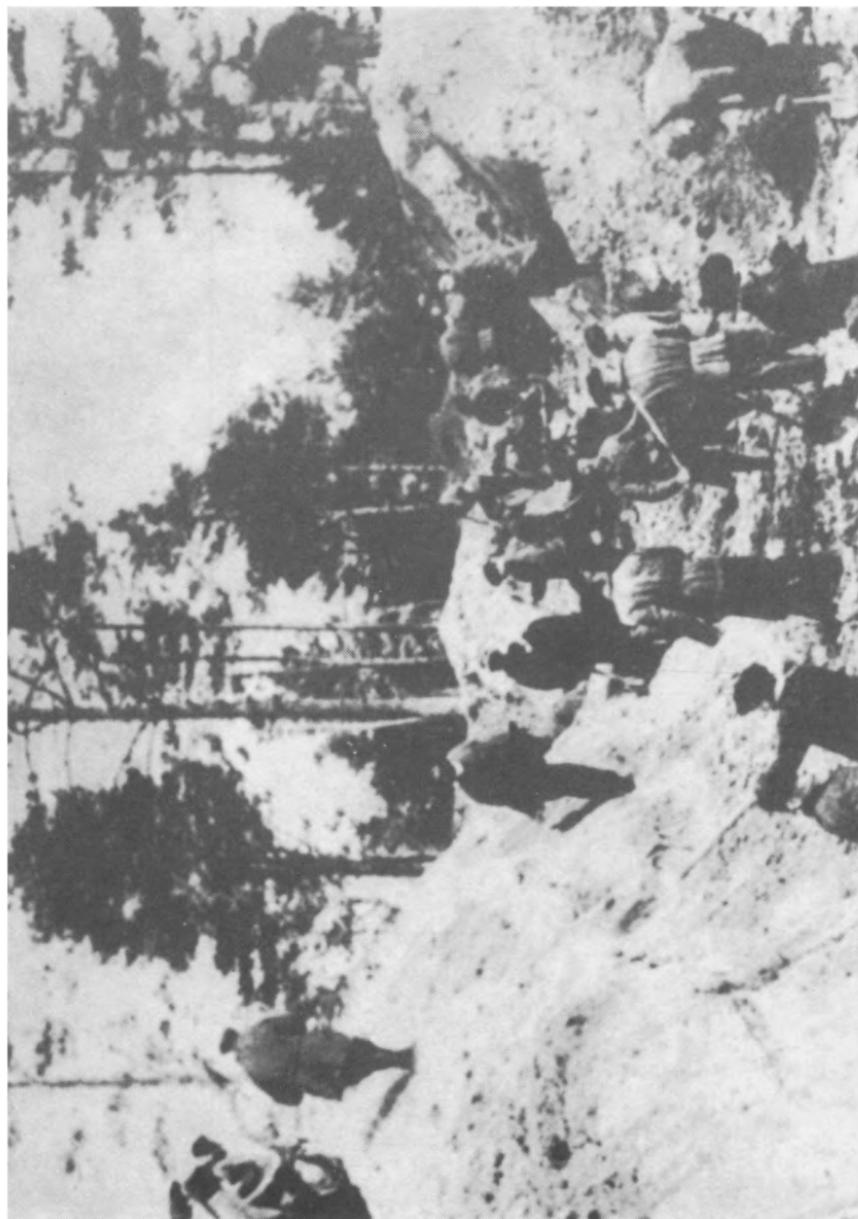

”Дом отдыха” НКВД на берегу Днепра, в 300 метрах от братских могил.

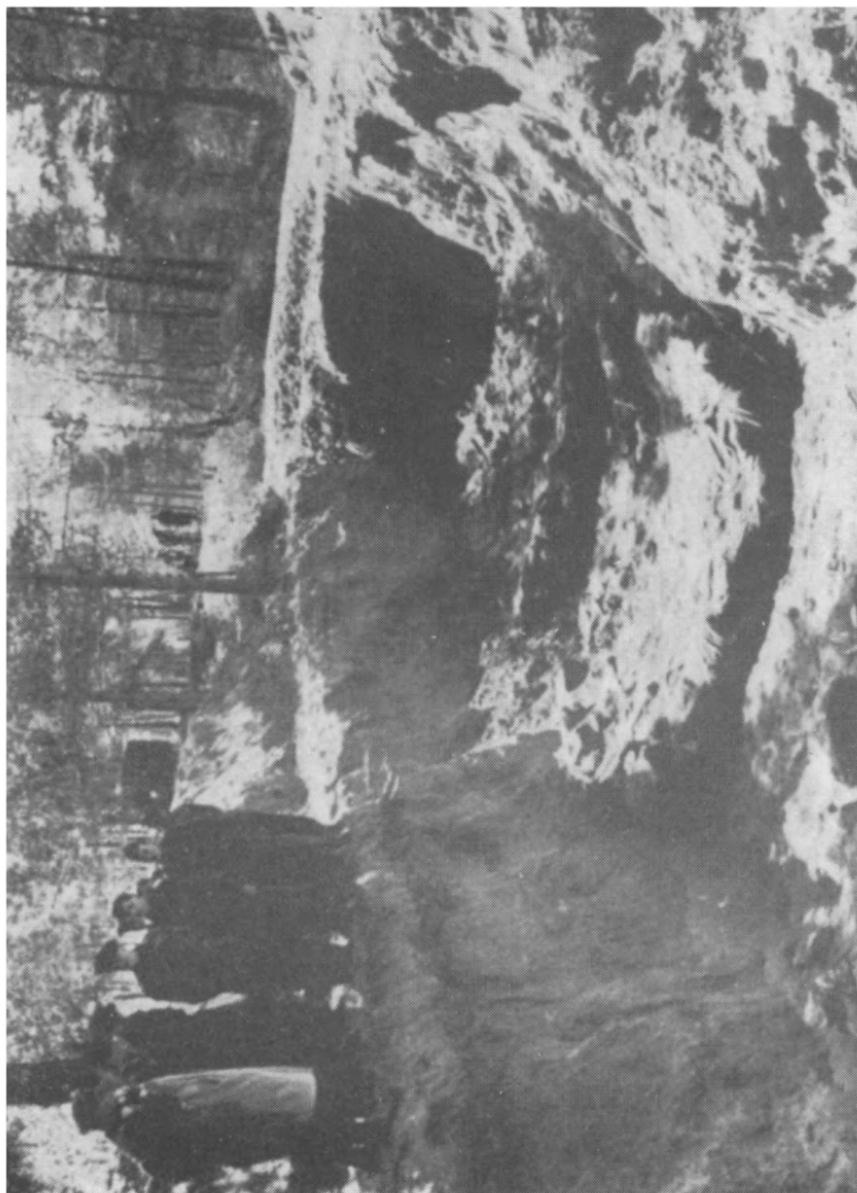

Zdjęcie lotnicze miejsca wykopywania ofiar w katyńskim lesie mordu.

Вид с воздуха — извлеченные из одной могилы тела, ожидающие осмотра и захоронения.

Раскопка одной из могил.

Одна из катынских могил.

Одна из катынских могил.

Одна из катынских могил.

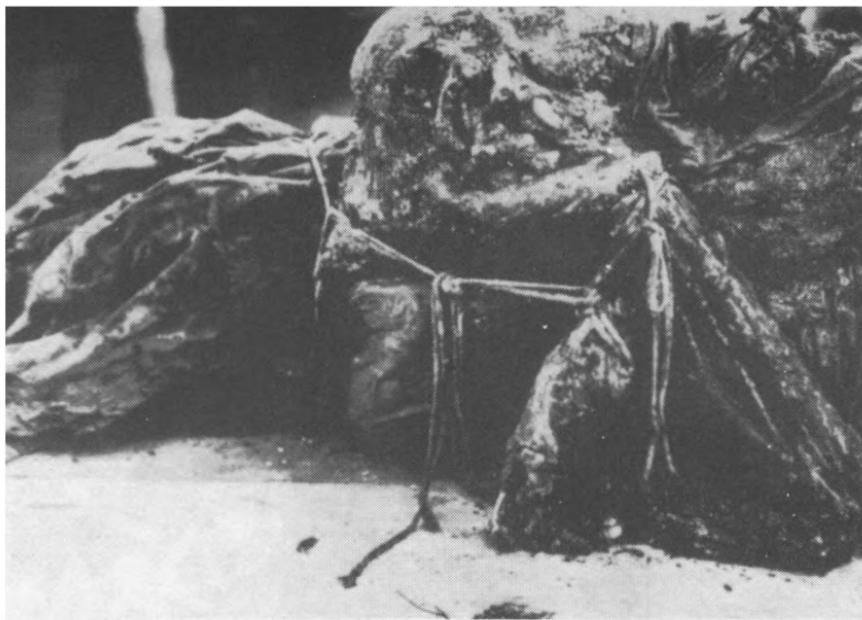
Трупы, спрессованные пластами и еще не подготовленные к выносу из могилы.

Осмотр одежды и идентификация трупов.

Руки связаны, в затылке — входное отверстие от пули.

Типичный чекистский узел, связывающий руки и шею жертвы. Таким же методом были связаны и советские граждане, казненные НКВД и зарытые в катынском лесу в 1920-е и 1930-е годы.

Останки генерала М. Сморовинского.

Останки майора польской армии (бригады им. Пилсудского).

Повреждение черепа от выстрела в затылок.

Эта жертва была убита тремя выстрелами.

Проф. Ф. Орсос (Будапешт) наблюдает за эксгумационной работой.

Представители польской католической церкви и польского Красного Креста осматривают извлеченные для идентификации трупы.

Каноник о. Станислав Ясинский, доверенный архиепископа краковского Адама Сапегы, у поляны, покрытой эксгумированными трупами польских военнослужащих.

Делегация польского Красного креста осматривает найденные на трупах документы.

KORPUSU OCHRONY POGRANICZA
(formacja K. O. P.)

Nr. 163

St. kapelan

Ksiądz ZIÓŁKOWSKI Jan I.

na podstawie rozkazu Nr. 44/32 jest upraw-
niony (a) do noszenia odznaki Korpusu Ochrony
Pogranicza.

M. P. Warszawa

data

11

listopada 1932

SZEF SZTABU

Pieczec
okrągła

(podpis)
Ruszczyński
ppik. dypl.

Удостоверение личности капеллана (военного священника)
Зелковского, убитого в Катynie.

Свидетельство о награждении орденом "Виртути Милитари", найденное в форме генерала М. Сморовинского.

Члены Международной комиссии опрашивают местное население.

Автор, Ю. Мацкевич, во время посещения Катыни. Справа от него — д-р. Мариан Водзинский, из делегации польского Красного Креста, и шведский журналист (в очках).

Парфен Гаврилович Киселев беседует с делегацией польского Красного Креста.

Группа писателей у одной из братских могил.

Группа военнопленных английских, американских и канадских офицеров знакомится с документацией массового убийства польских офицеров.